ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

1 (28) журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Издается с 1968 г. ISSN 2306-5826

Выпуск 1 (28), 2016 Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН В.И. Тишков (председатель); член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский; акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин; д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов

Редакционная коллегия

д.и.н. К.Ф. Дзамихов, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева, к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Х.Х. Малкондуев, к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов, д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко

Адрес редакции: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований» Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Caйт: www.kbigi.ru

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research

1 (28) the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK) OF THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH

Published since 1968 ISSN 2306-5826

Issue 1 (28), 2016 Published 4 times a year

Editor-in-chief

Doctor of History B.H. Bgazhnokov

Editorial council

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; V.V. Trepavlov, Doctor of History

Editorial board

Doctor of History K.F. Dzamikhov; Doctor of Philology B.Ch. Bizhoyev;
Doctor of Philology Zh.M. Guzeev; Doctor of Philology A.M. Gutov;
Doctor of History A.G. Kazharov; Candidate of History Z.M. Kesheva;
Candidate of Philology D.M. Kumykova (exec. secretary);
Doctor of Philology H.H. Malkonduev; Candidate of Philology L.H. Makhiyeva;
Candidate of History R.G. Oshroev; Candidate of History D.N. Prasolov;
Doctor of Philology H.T. Timizhev; Candidate of History V.A. Fomenko

Address of editorial office: 18 Pushkin Street, Nalchik 360000 Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Site: www.kbigi.ru

> © KBIHR, 2016 Editorial board of the journal «KBIHR Bulletin» (drafter), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Культ собаки и семантема <i>хьэ</i> в языковом сознании черкесов	7
Фоменко В.А. Из истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии: археолог Гавриил Иосифович Ионе	22
<i>Тетуев А.И.</i> Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в Кабардино-Балкарии	28
Мирзоев А.С. Наступательное и оборонительное вооружение черкесов во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.	37
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	
Базиева Г.Д. Диалог культур в средствах массовой информации	49
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Иваноков Н.Р., Бижоев Б.Ч. Адыгские (черкесские) этимологии	50 62
Токъумакъ М.Хь. Соматизмэхэр адыгэбзэ эмотивнэ лексикэм зэрыхэтыр Жылэтеж Хь. Ч. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм щы эц э унейхэм псалъэухам ща ээк эльык Іуэк Іэр	72 72
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР	
ТІымыжь Хь.Т. Хэхэс адыгэ литературэм и къыхэкІыпІэ нэхъыщхьэ Берберов Б.А. Специфика художественного конфликта в карачаево-бал-карской бытовой сказке	79 84
$E_{YXYPOS} M.\Phi$. Межжанровая диффузия в адыгском фольклоре (По материалам героического эпоса «Нарты» и богатырской сказки)	88
Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. К вопросу определения жанровых границ	9:
в композиционной структуре произведений балкарской прозы	9
Сведения об авторах	10

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

Bgazhnokov B.H. Dog cult and semanteme «ha» in the linguistic	
consciousness of circassians	7
Fomenko V.A. From the history of the Kabardino-Balkarian territory	
archeological studies: the archeologist Gavriil Iosifovich Ione	22
<i>Tetuev A.I.</i> The state national policy as a way to maintain the ethno-political	
stability in Kabardino-Balkaria	28
Mirzoev A.S. Offensive and defensive arms of the circassians in the second half	
of the XVIII th – early XIX centuries	37
of the Aviii — carry AIA centuries	57
PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT	
Bazieva G.D. Dialogue of cultures in mass-media	49
LINGUISTICS	
Ivanokov N.R., Bizhoev B.Ch. Adyghe (circassian) etymologies	56
Appoev A.K. On the role of linguistic dictionaries in karachai-balkar language	62
Tokmakova M.H. Somatisms in the role of emotive vocabulary kabardino-	
circassian language	66
Zhiletezhev H.Ch. Word order of own nouns in kabardian-curkcassion language	72
LITERARY CRITICISM. FOLKLORE	
	70
Timizhev Kh. T. The main sources of literature of circassian abroad	79
Berberov B.A. Specificity of artistic conflict in karachay-balkar household	
tale	84
Buhurov M.F. Genre between diffusion in folklore adyghe (Based on the	
heroic epos «Nart» and the heroic fairy tale)	88
Gulieva (Zanukoeva) F.H. Karachay-balkarian magic fairy tale. To the	
question of definition of genre borders	95
Bolatova (Atabieva) A.D. Functional features of dreaming in compositional	
structure of balkarian prose	99
The authors of this issue	106

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.26(4/5)

Б.Х. Бгажноков

КУЛЬТ СОБАКИ И СЕМАНТЕМА *ХЬЭ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕРКЕСОВ

Культ собаки рассматривается на основе материалов майкопско-новосвободненской культуры. Показана специфика этого культа, широко и разнообразно представленная в традициях и языковом сознании черкесов и других народов мира.

Ключевые слова: майкопские племена, неолит, бронзовый век, индоевропейцы, Кавказ, Передняя Азия, культ животных, культ растений, мифология.

I

Согласно верованиям и мифам, сложившимся в глубокой древности, собаки отвращают зло во всех его проявлениях, служат проводниками и помощниками душ мертвых в их путешествии в потусторонний мир. Такими же свойствами наделяются разнообразные словесные, скульптурные, графические представления этого животного. И это существенно дополняет общую картину культа собаки, позволяет представить, каким образом отложился он в языке и языковом сознании, в религиозной практике и в художественной культуре народов мира.

В таком широком, общекультурном контексте следует рассмотреть и фигурки двух собачек, найденных А.Д. Резепкиным в 1979 г. близ ст. Новосвободная (Адыгея) 1 . Они находились в курганном захоронении первой трети IV тыс. до н.э. в двухкамерной дольменообразной гробнице с останками одного взрослого человека и одного ребенка семи лет. Из них первая фигурка длиной 5,5 см была отлита из бронзы, а другая длиной 3,5 см – из серебра (рис. 1, I; рис. 2, I). На конце длинного хвоста (1,8 см) бронзовой собачки, на его конце располагалась серебряная обоймочка шириной 0,4 см, диаметром 0,2 см. 2

Собачки лежали у изголовья ребенка под отверстием, которое служило как бы входом в камеру, среди сложенных в два-три слоя изделий из золота и дорогих камней. В числе этих изделий: 40 золотых и одна серебряная бусины шаровидной формы, 9 золотых и 5 серебряных бляшек, больше сотни сердоликовых бусин биконической формы, 10 бусин из горного хрусталя. Там же были найдены человеческий зуб в золотой оправе и два золотых кольца с надетыми на них подвесками в форме кинжальчиков. В гробнице находились, кроме того, десятки других предметов, типичных для майкопской культуры: амфоры, кубки, миски и другие глиняные сосуды, бронзовые топоры с жемчужным и елочным орнаментом, бронзовые блюда, кинжалы, котлы, вилообразные крюки, посоховидные булавки из серебра, точильные камни и т.д. Найден был бронзовый обоюдоострый меч длиной 63,5 см – как утверждают специалисты, самый древний из известных до сих пор³.

Одним словом, майкопско-новосвободненская культура предстает здесь во всех своих основных чертах, во всем своем блеске, включая богатый культовый и вотивный вещественный материал. Это свидетельствует об особой важности данного захоронения, о том, что в гробнице покоились останки людей,

принадлежащих к местной знати. Только этим можно объяснить пышный погребальный инвентарь, соблюдение большого числа приемов, призванных обеспечить покойникам успешный переход в загробный мир. К числу этих приемов относится, несомненно, и включение двух собачек в состав сотен других вещей и предметов, помещенных в гробнице. Они выполняли здесь охранную, апотропеическую функцию и прежде всего по отношению к безвременно ушедшему из жизни семилетнему ребенку.

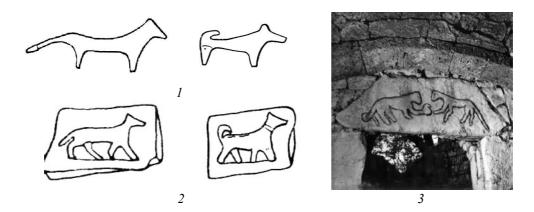

Рис. 1. Культ собаки в памятниках культуры Майкопа и Передней Азии.

I — бронзовая и серебряная фигурки собаки из кургана близ станицы Новосвободной (находки А.Д. Резепкина); 2 — изображения собачек на печатях из дворца Мари в Месопотамии начала II тыс. до н.э. (из публикации В.А. Трифонова); 3 — рельефное изображение двух собак над входом в храм Лашкендар в Абхазии (с прорисовкой).

Заметим в данной связи, что захоронения собак или их изображений вместе с человеком практикуется на просторах Евразии со времен неолита. А.П. Окладников, обнаруживший такие захоронения в Забайкалье в комплексах Глазковского некрополя, подчеркивал, что собакам принадлежало важное место в погребальном обряде этого времени как проводникам умерших, «особенно новорожденных и маленьких детей» в потусторонний мир, в страну мертвых⁴.

На Кавказе кости собаки находят в большом количестве во многих захоронениях периода неолита и бронзового века, в том числе и в дольменных сооружениях. Судя по упомянутым находкам А.Д. Резепкина, у майкопских и предмайкопских племен культ собаки сложился уже достаточно отчетливо как сумма представлений об особых, в том числе мистических свойствах данного животного, как система основанных на этом обычаев и ритуалов, в том числе и погребальных. В дальнейшем культ собаки развивался, приобретая новые черты, дополняя общую картину связанных с этим культом верований, обрядов, ритуалов. Согласно черкесской мифологии в подземном царстве – Xьэдрыхэ находится большая река, точнее огромное водное пространство – X_{b} дорых э псакъу э. Оно становится препятствием на пути душ умерших, стремящихся преодолеть это пространство и попасть на его другой светлый, сияющий и вожделенный берег – Псакъуэ нэхунэ. Помогают им переправиться на этот берег два существа с головой волка (собаки)*. Возможно, речь идет о мифических «собакоголовобычьеногих» людях, известных у черкесов под названием – хьэщхьэвыльэ. Проводники в царство мертвых, как принято считать, помогают душам праведных людей и отказывают в этой помощи неправедным.

^{*} Сведения о таком варианте данного, широко распространенного мифа получены мной у фольклориста М.А. Табишева по записям, которые сделаны им в 2008 г. у моздокских кабардинцев.

Черкесская версия кинокефала, как мы видим, вносит нечто новое в распространенный в различных частях Евразии миф о собакоголовых людях и народах. То же самое касается в целом и мифа о переходе человека в потусторонний мир. Своеобразно представлен у черкесов и широко известный сюжет о собаках, сопровождающих или охраняющих Бога, царя, культурного героя. В нартском героическом эпосе он связан с непобедимым воином Бадиноко. Его изображают неизменно на коне под охраной двух гончих короткохвостых псов — хьэ сэмыр и двух обученных орлов — бгъэ гъэсагъит.

Хьэ самыр кІагуитІри И бгъуитІым щоджэгумэ. И бгъэ гъэсагъитІри И щхьэм щофарзэмэ⁵.

Две самыр-собаки короткохвостые По бокам его резвятся. Два орла ученых (обученных) Над головой его кружатся.

В этих гончих под названием *хьэ самыр* легко угадываются отголоски древнеиндийского мифа о богине-собаке Сараме, матери двух псов, охраняющих Бога Индру. С другой стороны, вполне сопоставим данный пассаж с представлением грозного бога войны Одина в германской традиции, как богатыря, выступающего в поход в сопровождении двух собак или волков, которые кричат как псы⁶. Заметьте при этом, насколько похожи имена героев черкесского (нартского) и древнегерманского эпоса: *Один/Бадин-о-ко*. Также точно как похоже имя божественной собаки Сарамы, помощницы Индры, в индийской мифологии на распространенное в черкесской среде женское имя *Сырымэ*.

Надо заметить, что у адыгов, абхазов, у других народов Кавказа повторяются многие общие для евразийского континента мифологические сюжеты о роли собаки в жизни, в судьбе человека, в том числе и содержащийся в Авесте миф о том, как собака спасла человека от падения в преисподнюю при его переходе в потусторонний мир. В частности, у абхазов и адыгов бытует следующий вариант этого мифа. Кошка смазывает узкий мост в потусторонний мир жиром, чтобы человек соскользнул и упал в преисподнюю. Собака, охраняющая мост, слизав языком этот жир, спасает человека и ведет его на другой берег.

Особого внимания заслуживает в этой связи и рельефное изображение двух собак над входом в храм Лашкендар в Абхазии (рис. 1, 3)⁷. Оно сделано, как утверждают местные жители, в благодарность за свойственную собакам преданность своим хозяевам. Одна из легенд о возникновении в незапамятные времена святилища, а затем и построенного в VII в.н.э. храма гласит:

«...В древности в горах Абхазии жили люди – великаны, один из которых был бесстрашным воином и охотником. Он имел насмешливый нрав и любил подшучивать над лесными дивами (духами). Рассерженные дивы решили отомстить великану и подстерегли его, когда он после целого дня охоты уснул, а его псы снова кинулись в погоню за дичью. Дивы опутали охотника шелковой сетью и, выколов глаза, сбросили на дно ущелья. Вернувшиеся собаки начали искать хозяина и вскоре нашли его лежащим в ущелье без чувств. Псы побежали в ближайшую деревню и принялись просить помощи у крестьян, лая, хватая за одежду и таща за собой. Крестьяне пошли за ними и, поднатужившись, вытащили великана наверх. Собаки разгрызли сеть и три дня и три ночи зализывали хозяину раны. На пятый день тот прозрел, а на шестой отправился к горе Лашкендар и построил там храм в честь своих самых верных и надежных друзей – собак»⁸.

Этот рассказ напоминает, а в известном смысле и повторяет распространенный в Древней Греции миф о собаке охотника Икария, которой Бог посвятил звезду Сириус и целое созвездие в награду за ее верность своему хозяину. Также и у абхазов «храм Лашкендар олицетворяет созвездие псов и занимает особое место среди знаков зодиака в абхазском гороскопе»⁹. Утверждают, что за преданность своему хозяину Бог обессмертил собаку охотника, назвал ее Небесным псом¹⁰. Рассказывают, кроме того, что Небесная собака являлась на помощь человеку в самые трудные моменты. Например, в случае поранения или болезни своего хозяина она вылечивала его, доставая для этого с неба (успевая до закрытия небесных ворот) чудодейственное лекарство.

Отголоски этой легенды были зафиксированы мной и в Шапсугии. Звезду Сириус и созвездие Псов в целом там называли *Хьэвагъуэ* — букв. «Собачья звезда». Вместе с тем имя *Хьэвагъуэ* имело распространение среди мужчин, как способное отвратить от обладателя этого имени все удары судьбы. У черкесов и по сей день сохраняется традиция включать в состав традиционных, прежде всего, мужских имен элемент *хьэ* — «собака» в качестве оберега, защиты от воздействия злых сил: *Хьэпакъ*, *ХьэпащІэ*, *Хьэгъур*, *Хьэбалэ*, *Хьэмыщэ*, *ХьэкІашэ*, *Хьэцу*, *Хьэмэт*, *ХьэматІэ*, *Хьэмашэ*, *Хьэмашэ*, *Хьэмышэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэбацэ*, *Хьэгуцырэ*, *Хьэтац*, *Хьэмырз* и др.

Таких имен, а также построенных по этой же модели (с элементом x69 в препозиции) фамилий насчитывается у черкесов в общей сложности около двухтрех сотен.

С обилием имен с элементом *хьэ* мы сталкиваемся неожиданно и при знакомстве с касситской, мидийской антропонимией¹¹. В начале имен известных кассито-вавилонских царей мы видим очень часто элемент ha, а в конце — uš/ аš, ak/ukka. Ср.: Halliduš Inšušinak (1185–1180 до н.э.), Hallunaš Inšušnak (699–693)¹². Продолжают установившуюся в Вавилоне традицию имена мидийских правителей: Напаsiruka — мадайский правитель, Hardukka — правитель Изарциана в Мидии (713 г.)¹³. По своему облику эти и другие аналогичные имена сильно напоминают традиционные черкесские имена и фамилии. В недавнем прошлом они были особенно популярны и востребованы. Известны семьи, в которых всем детям, и, особенно, мальчикам давали, опасаясь за их жизнь, только такие — охранные имена. Считалось, что это позволит им вырасти здоровыми, крепкими, полными сил.

Дополнительно к этому при рождении ребенка, за жизнь которого опасаются, приносили в дом щенка, чтобы он рос вместе с младенцем, стал его ангелом-хранителем. Люди верили, многие верят и сейчас, что этот ангел-хранитель будет оберегать ребенка от всех недугов, позволяя выжить и оставаться физически и психически здоровым на протяжении многих десятилетий. С этим обычаем связана известная кабардинская фамилия: $X_{69M}\partial x_{5}y -$ букв. «выросший (выживший) вместе с собакой». Самым простым и действенным способом защиты новорожденного считалось назвать ребенка именем $X_{69M}\partial y_{6}y_{6}$ букв. «щенок». Отсюда множество таких и аналогичных имен и фамилий в черкесском ономастиконе

Следует заметить, что различные варианты названных обычаев действовали, действуют и сейчас, почти у всех народов Кавказа, Средней Азии, Европы — практически на всем евразийском пространстве. В Средней Азии, к примеру, некоторые племена даже свое происхождение вели от собаки¹⁴. По словам Ю.А. Зуева, здесь сформировался тотемический культ Небесного пса — посредника между людьми и небом. Его почитали как защитника и творца всего растущего, в том числе многочадия¹⁵. Эта же идея четко выражена и красной линией проходит через языковое сознание черкесов.

Ш

А.Д. Резепкин полагает (ссылаясь на запечатленный в «Ригведе» мифологический сюжет о двух псах, охраняющих душу покойного на пути в подземное царство бога Ямы¹⁶), что определенную, если не решающую, роль в распространении культа собаки и связанных с ним мифов, обычаев, ритуалов сыграли индоевропейцы. Это правильно, но лишь в той мере, что такое мнение нельзя равным образом ни опровергнуть, ни подтвердить. И это понятно: в формировании культа собаки и всего комплекса верований, так или иначе связанных с собакой приняли участие все народы мира. Не в последнюю очередь это касается и майкопско-анатолийских племен. К слову сказать, они, судя по имеющемуся материалу, тесно контактировали с индоевропейцами. В любом случае нельзя отрицать, что собачки новосвободненцев, найденные благодаря замечательному дарованию А.Д. Резепкина, дополняют, иногда предвосхищают бытующие у многих народов обряды, ритуалы, мифы, так или иначе связанные с собакой, с некоторыми другими животными из круга «собачьих».

Удачно дополняет этот, заданный в сущности самим А.Д. Резепкиным ход мыслей, В.А. Трифонов. Среди других майкопско-переднеазиатских культурных параллелей и сближений он ссылается на поразительное сходство новосвободненских собачек с парными изображениями собак на древних месопотамских, сузианских и иранских печатях¹⁷ (Рис.1, 2). Повторяются даже различия в форме хвостов у новосвободненских и месопотамских собак. Мы видим, что и там, и здесь у одной из собак это слегка опущенный и сравнительно длинный хвост, являющийся как бы продолжением позвоночника – «метелкой», как говорят иногда. А у другой собаки (в каждой из пар) хвост сравнительно короткий, лихо закрученный и задранный вверх, «как у лайки», по словам А.Д. Резепкина.

Видимо, это имело определенное символическое значение. К примеру, одна из собачек — с ровным, слегка опущенным хвостом могла символизировать силу и значимость земли и загробного, подземного мира, а другая — с закрученным хвостом силу небес. Мистическую связь Земли и Неба, Небесного и Подземного мира могла символизировать в этом случае серебряная обойма на хвосте бронзовой собачки. Не исключено наряду с этим, что одна из собачек несет в себе мужское начало, а другая женское. В китайской традиции именно так представляют двух «собачек Фу» (небесных львов Будды). При этом мужское начало ассоциируется с небом и небесными светилами, а женское с землей, создавая законченную картину совершенства и абсолютной гармонии жизни.

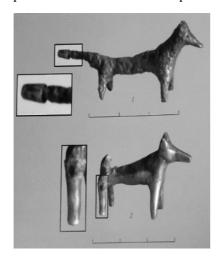

Рис. 2. Майкопско-новосвободненские собачки — бронзовая и серебряная (слева) и «собачки Фу» в Японии (справа).

Парное представление и изображение священных псов и культа собаки сохраняется в Евразии на протяжении многих тысячелетий. Изображение собак, леопардов, львов, охраняющих бога или царя, стоящих на страже городских ворот, входов в храм или во дворец, стало одной из самых стойких традиций в изобразительном искусстве Востока и евразийского континента в целом. Рельефное изображение двух собак над входом в храм Лашкендар (рис.1,3) похоже на майкопско-новосвободненских и месопотамских собачек. У одной из этих собак хвост также закручен в петлю, а у другой свободно висит и, как бы стелется над землей. Наверное, это говорит нам о сложившейся в глубокой древности, еще со времен майкопской культуры традиции изображения священных собак. Мы видим, кроме того, что собаки здесь не просто (как пишут иногда) «держат в своих лапах какой-то неопределенный предмет». Перед нами, на самом деле, предмет, символизирующий небесное светило, возможно, солнце. Собаки, как будто, резвятся и играют с этим «светилом». В то же время они его охраняют.

Скорее всего, это связано с общим для мифологии многих народов мира мотивом похищения или пожирания Солнца (огня, света, воды) каким-либо чудовищем (змеей, крокодилом, драконом, великаном). И отсюда различные версии возвращения солнца (огня, воды) в борьбе бога или героя с чудовищем (битва Индры с чудовищем Вритрой в индийской мифологии, Нинурта с драконом Асага у шумер, Яхве с Левиафаном в Библии, Сосруко с великаноминыжем в нартском эпосе). В любом случае через игру с шаром-солнцем и его охрану отображается мистическая связь собаки не только с подземным миром, но и со звездами, с небесным сводом, с божественным светом и огнем. Культ собаки, как было сказано, ассоциировался у многих народов, в том числе у абхазов и черкесов, со звездным небом, в частности, с Сириусом, с созвездием Большого Пса. Одной из форм конкретизации и материализации этих идей можно считать упомянутые выше фигуры, изображающие «собачек Фу». Первая из этих «собачек» изображается с шаром – символом солнца, неба и представляет собой концентрированное выражение мужской небесной энергии – ян, поставленной на службу и защиту солнца, небесного огня, олицетворением которого является шар в его лапах. Другая «собачка» – сидит, заботливо накрыв своей лапой детеныша, охраняя его и олицетворяя женскую земную стихию и силу – инь.

Ничто не мешает посмотреть под этим углом зрения и на захоронения майкопско-новосвободненских и других северокавказских племен, где так часто встречаются, не поддающиеся, казалось бы, объяснению, каменные шары разной величины (диаметром от нескольких сантиметров и более)¹⁸. Скорее всего, они являются символами солнца и небесного огня, выполняют в данном случае апотропеическую функцию. В архитектуре позднего времени шары в лапах льва сохраняются по традиции, как реликты мистической связи этих животных с небесным огнем, придавая еще большую загадочность и торжественность городским мостовым, фонтанам, подъездам особняков.

IV

Культ собаки в Евразии внутренне связан с культом волка, а иногда и медведя, что в отдельных случаях находит отражение в самом названии этих зверей. В частности, у черкесов исходное название волка — мэзы-хьэ означает буквально «лесная собака». Обозначение медведя, судя по всему, также включало в себя элемент хьэ — «собака», ср.: хьэ-мыщэ — букв. «собака-медведь».

Наличие элемента *хь*э видится и в названии оленя — *щы-хь*/ *щы-хь*э. Внутренняя форма данного слова представляется мне в виде словосочетания: «большая (крупная, сильная) собака». Видимо, таким образом отпечаталось в исторически сложившемся языковом сознании черкесов восприятие и представление оленя в качестве крупного и священного животного.

Следует сказать и о том, что у майкопских племен и внутри хатто-абхазо-адыгской общности в целом культ собаки был внутренне связан и совмещен не только с культом волка (и, возможно, оленя), но и с культом леопарда и льва. И это также нашло отражение в древних названиях этих животных, ср.: хьэ-щомыщ — «рысь», «леопард», хьэ-щэ — «лев» (?). Аналогично этому в языке абазин слово ла — «собака» в двух его формах лаба — «кобель» и лапс — «сука» положено в основу названий волка, медведя, лисы: квыджма лаба — «волк», мыша лаба — «медведь», бага лаба — «лиса». Даже название кота и явно заимствованные обозначения льва и тигра содержат в себе исходное слово собака: цыгв лаба — «кот», асльан лапс — «львица», капльан лапс — «тигрица».

В таком виде образ и культ собаки представлены в языковом сознании многих других племен и народов Евразии, в чем мы убедились на примере Китая, где странным, казалось бы, образом «собачек Фу» представляют в виде львов и называют «небесными собаками Будды». По всей вероятности языковое сознание хаттоабхазоадыгских племен относило леопардов и львов к семейству псовых (собачых, волчых), а не кошачых. Возможно, с этим связано хаттское название леопарда — ha-prass и льва katti-ha²⁰, хеттское обозначение медведя — ha-rtagga, что напоминает и в определенном смысле повторяет свойственное шумерскому языку использование корневой морфемы иг — «собака» в сложных словах для обозначения ряда других животных: льва, выдры, барсука, кита. В частности, льва шумеры называли «большой собакой» или «собакой-великаном» — иг-gu-la, повторяя некоторым образом представление этого животного в хаттском языке и в хаттском языковом сознании, в котором сложное слово для обозначения льва — katti-ha означает «царская собака».

В современном черкесском языке семантема хьэ в одном из его главных и, особенно, нас интересующих значений – «собака» включена, как мы видим, в систему выражения целой группы «зоологем». А для наименования и выделения в этой группе наиболее значительных зверей используется дополнительно формант ш. Как правило, он заключает в себе и привносит с собой новое значение: «крупный», «великий», «мощный», «сильный», «превосходящий», выступает как увеличительный суффикс. Во всех подобных случаях элемент ш/щы/щэ умножает и подчеркивает силу, масштабы, значимость представляемого объекта, выделяет его этим самым из других аналогичных объектов. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести несколько слов из числа общеупотребительной лексики. В одном лексико-семантическом ряду оказываются прилагательные пІашэ – «большой», «крупный», льэщ – «сильный», ищхьэ – «высота (верхний)», тепщэ – «превосходящий», *щэджащэ* – «великий», «величественный», «статный», «сильный». Показательно, что в нижнечеркесском (кяхском, адыгейском) диалекте адыгского языка шакала называют бэджэшь, что соответствует значению «крупная лиса», и тем самым подтверждает выполнение аффиксальной морфемой щ упомянутых выше функций.

В составе целого ряда прилагательных, наречий суффикс w/w используется и в других целях, тесно связанных с его основным значением. Например, для образования слов, выражающих особенно большую или чрезмерную степень качества, заявленного в производящей основе. Ср.: uhuw — «очень (слишком) большой», daxaw — «необыкновенно (слишком) красиво/красивый», $Iə\phi Iuw$ — «необыкновенно (слишком) вкусно», ky — «очень (слишком) много» и т.д.

В семантику известных социальных терминов *пщы* – «князь», *гуащэ* – «княгиня», «богиня» элемент *щ* привносит, кроме того, значение главенства, социального превосходства, наличия особых прав, привилегий, полномочий.

Особый интерес в свете всего сказанного представляет акт словосложения, лежащий в основе слова *щ-хьэ* — «голова». Несомненно, языковое сознание фиксирует таким образом «главную, возвышающуюся часть» — *щ* «живого существа» — *хьэ*. И отсюда разного рода вторичные (часто метафорические по отношению к исходной морфеме *хьэ*) формы использования слова *щхьэ* в сложных словах. Среди множества слов данного семантического класса, такие широко употребительные как *лІыщхьэ* — «глава», «предводитель», *псыщхьэ* — «верховье реки», *псэущхьэ* — «живое существо», *къущхьэ* — «гора», *Іуащхьэ* — «крыша дома, *кхъащхьэ* — «надгробие», *къупщхьэ* — кость.

Вслед за этим развивается иногда еще одно значение форманта u/uы: «святой», «священный», «главный». Поэтому в составе некоторых теонимов он совмещает в себе одновременно два значения: сильный (всемогущий) и священный (сакральный). Ср: Cозырэщ — Бог ветра и путешествий, Aмыщ — Бог домашних животных и пастухов, Uыблэ — Бог грома и молнии, Iъэлu — Бог кузнечного ремесла, Ayuыdжэp — Святой Георгий. Известно, кроме того, что в черкесском и абхазском языках за счет корневой морфемы u создаются в большом количестве названия святых мест и святилищ: Куэдэщ, Куэбзэщ, Дудырыпщ, Цандырыпщ и др.

Все это позволяет предположить, что и в названиях некоторых животных и птиц корневая морфема *щ* имеет (исключительно или дополнительно к ее основному значению – «большой», «мощный», «сильный») весьма существенную семантическую привязку – «священный», «почитаемый». К примеру, в названии утки – *бабыщ*, формант «щ» является, видимо, обозначением сакральности. Возможно, такое оформление данного слова является отражением в языковом сознании черкесов общего для некоторых народов Евразии мифа о сотворении земли утками из ила, который они выбросили из огромного водного пространства. Отсюда, вполне вероятно, изображение трех уток на одном из двух серебряных сосудов, найденных в кургане Ошад (рис. 3,4).

Рис. 3. Фигурки и графические изображения животных и птиц в майкопской культуре (из захоронения в кургане Ошад)

1, 2, - леопард на одном из серебряных сосудов, извлеченных из гробницы под курганом Ошад; 3- цветочная розетка на дне сосуда; 4- прорисовка всех изображений на тулове серебряного сосуда; 5- изображение медведя на первом серебряном сосуде; 6- одна из бляшек на балдахине царя/жреца, погребенного в майкопском кургане Ошад.

С другой стороны, сакральным значением наделяет языковое сознание адыгов имена наиболее крупных и сильных диких животных. Во всяком случае, это относится к медведю — xьэмыщэ, леопарду — xьэ-yомыщ, а также к льву (одним из возможных названий которого было в прошлом слово yоно этом ясно свидетельствуют рисунки на упомянутых выше серебряных сосудах из майкопского кургана. В то же время, независимо от их внушительности и сакральной значимости, все звери, как крупные, так и мелкие — типа лисы или шакала возводятся в конечном итоге к собаке или к семейству собачьих. Поэтому итогом действия языкового сознания в данном направлении становится выделение на основе элемента y0 в паре со словом y0 — «дикая свинья» («кабан», «вепрь») семантического класса диких животных: y0 — y0 — букв. «собако-вепреподобные».

Сверх того, производящая основа x_{b} содержится в сложных черкесских словах, являющихся обозначением отдельных категорий людей, различных социальных и социально-территориальных объединений, институтов: x_{b} - w_{l}

комнатой, а во втором — на том, что живое существо (xь ϑ) перестало существовать в прежнем качестве, что передается через детерминатив $\partial/\partial \vartheta$.

Социо-институциональное и пространственно-экзистенциональное использование слова *хьэ* угадывается, кроме того, в известном названии западной, причерноморской группы черкесских племен — *зы-хьэ*, что означает буквально «единая общность», с единым жизненным пространством. К такому толкованию данного слова, правда, без указаний на его семантику, склоняется и Дж.Н. Коков. В связи с кабардинской фамилией *Зы-хьэ* он предлагает обратить внимание и на этноним «зих»²¹. Видимо, семантема *хьэ* употребляется здесь как аналог весьма продуктивной и многозначной морфемы *хэ* в том из ее значений, которое соотносится и ассоциируется с обществом, с жизненным пространством, с конкретной местностью, населенной конкретным сообществом. Ср.: *хэ-ку*, *хэ-гьуэгу*, *льахэ* — «родина», «страна», «край», «отчий дом», *хьэдры-хэ* — «загробный мир», а также *ха-сэ* — «представительское собрание», «парламент». В таких случаях аффикс *хэ* как социолокативный, соединяющий в себе значение места и социальной группы, людской массы, связанной с этим местом.

V

Показательно использование слова хьэсэ в словосочетаниях гьатхэлэ хьэсэ – «весенний сев» и бжьыхьэсэ – «осенний сев». Такой поворот языкового сознания четко намечает переход к другому осмыслению элемента хьэ – к его использованию в значении «зерно», «семя», «хлеб», «зародыш (жизни)». Возникает, благодаря этому, множество слов, предназначенных для наименования группы зерновых или колосовых растений, а также других слов, связанных по значению с зерном, с его обработкой и использованием - прежде всего, с мукой, хлебом, хлебными изделиями. В большую лексико-семантическую группу объединяются слова: xьэ — «ячмень», xьэ- ∂ зэ — «зерно», xьэ-nиIий — «рожь», xьэ-m, xьэ-m9u — «ток», «гумно», хьэ-жыгъэ – «мука», хьэ-къурт (адыг.) – «мука из жареной кукурузы», хьэ-лу – «чурек», хьэ-лыгъу – «хлеб», «сдобный хлеб», хьэ-лыгъуанэ – «бублик», ncы-xьэ-лы6э — «вареники», xьэ-лы6Э — «пирожок», xьэ-лэxье \check{u} — «густая каша из ячменной муки» и др. Отсюда и слово *хьэ-иэпэиэ*, функционирующее как термин, объединяющий колосовые, злаковые, хлебные растения. Продолжает, и, наконец, достраивает этот ассоциативный ряд слово для обозначения понятия «солома» с глоссой xьэ в препозиции — xьэ-yазэ.

В дополнение ко всему сказанному обратим внимание на композит *хьэ-къырш* «сорная трава» с основой *хьэ* в препозиции. Этот пример свидетельствует о том, что значение основы *хьэ* — «живой» распространяется на все без исключения растения, а не только на те, что считаются полезными, пригодными для употребления в пищу или для лечения. Иными словами, языковое сознание черкесов относит к классу живой субстанции все растения без исключения.

При этом трудно представить, во всяком случае на первый взгляд, что семантема *хь*э в значении «растение», «семя» используется или могла быть использована у черкесов в какой-либо связи со значением «собака» или с культом собаки, как в Древнем Иране или в Древней Руси, где покровителем всех семян, корней и всходов (растений) стало собакоптицерыбоподобное существо: Санмурв (Симург) у древних иранцев²², Симаргл у древнерусских народностей²³. В адыгской мифологии функцию покровителя растений, семян, плодородия выполняет антропоморфный бог *Тхьэгъэлэдже*. В элементе *хь*э, который содержится в этом имени, акцент сделан, видимо, на значении «семя», «растение». Отсюда внутренняя форма теонима *Тхьэгъэлэдже* — «Дающий семенам, растениям взрасти (как вырастают гребни морских волн)». Ему помогают в этом богиня садов *Хадэ-гуащэ*, богиня рек *Псыхъуэ-гуащэ/Псыхъуэ-нанэ*, Бог Грозы (Грома и молний) *Щыблэ* и др. В нартском эпосе Бог Тхагаледж выступает как покровитель, подаривший людям первые семена проса, научивший их пахать и сеять, подаривший им золотое дерево, на котором за один день созревают яблоки²⁴.

В то же время у черкесов есть некоторые другие мифологические сюжеты, позволяющие говорить об их близости с мифом о собакоптицерыбоподобном Санмурве/Симурге/Симаргле. Среди этих сюжетов «ритуал закапывания собаки» — xьэ μI эmIэ с целью выявить вора 25 . Для этого в череп собаки насыпали семена ячменя и закапывали в землю. Считалось, что по мере разбухания семян ячменя раздует и вора. (В мифологии башкир это напоминает нам вздутие живота, вызванное вселением в человека собаки-упыря²⁶). Мистическая связь культа растений с культом собаки прослеживается здесь довольно отчетливо. То же самое следует сказать о роли птиц в традиционных представлениях о возделывании земли. По словам А.Т. Шортанова, для определения времени выхода на пахоту и времени сева семян черкесы пользовались так называемым «птичьим календарем». Сигналом к началу пахоты служило, согласно этому календарю появление и пение удода – хьэрхьуп. А сигналом окончания пахоты и перехода к севу пение (через 20–30 дней) кукушки – $\kappa Iыгуугу^{27}$. Это своего рода вестники нового года и возрождения природы. Этим объясняются, видимо, ассоциации удода с весной у других народов Кавказа – у чеченцев, ингушей. В то же время в древнеиранской традиции удод включен в группу избранных птиц-вестников, близко связанных с собакоптицерыбоподобным Санмурвом. Удод выступает при этом организатором поисков Санмурва/Симурга на горе Каф*, который связан обычно с Кавказом и, как мы полагаем, косвенно (через топоним Каф-Кас) с названием черкесских племен – касов или джаркасов²⁸.

Таким образом, все же некоторые главные признаки древнеиранского Санмурва, как будто представлены в мифологии адыгов. Но отрывочно и не очень наглядно, без четких структурно-функциональных связей друг с другом.

VI

Диапазон слова *хь*э, как мы убеждаемся, необычайно велик. В семантическом поле этой единицы языка оказываются среда обитания человека, люди, людские

^{*} В Коране, видимо, под этим влиянием удод предстает в виде вестника, от которого Сулейман (Соломон) получает сообщение от Сабы (царицы Савской). С удодом передает Сулейман и свой ответ царице (Сура 27. Муравьи).

Логическим завершением этой сложной, поистине грандиозной работы языкового сознания является слово $x_b y_a -$ «воздух», «воздушное пространство». В сущности это предельно точное, полное и емкое обозначение биосферы, то есть той части атмосферы, в которой возможна жизнь. Достигается такого рода семиотическая задача за счет семантической доминанты элемента x_b в его соединении со словом $y_b/y_a -$ «небо», «небесное (воздушное) пространство». Внутренняя форма композита x_b - y_a предстает в результате такого объединения лексем в виде словосочетания «животворящая сфера», «сфера жизни», «жизненное небесное (воздушное) пространство». Отсюда черкесское (распространенное также у других народов Кавказа), имя X_b - y_a , ставшее эквивалентом библейской/ еврейской Евы/Хаввы.

Сверх этого, являясь дополнением еще более древнего, приземленного выражения данного значения в корневой морфеме μI — «тварь»²⁹, семантема xьэ, по моему мнению, легла в основу слова со значением Бог. Поэтому в черкесском слове T-xьэ — Бог легко угадывается присутствие производящей основы xьэ. Возникает в итоге сложное понятие со значением «даритель (творец, демиург, создатель) жизни (живого)». Первая часть данного слова m, mыm означает «давать», что соответствует аналогичному значению этой единицы в индоевропейском, а также в шумерском языке³⁰. Отсюда, надо полагать, греческое Theos — «Дающий, даритель», шумерское Mиmи — «Госпожа (Богиня), дающая жизнь», а также черкесское M9-m9 — букв. «Небесный даритель». В языческом пантеоне адыгов M9m9 — «Бог готовой (приготовленной) пищи» * .

Я не исключаю также, что теоним *Т-хьа* соотносится некоторым образом (через метатезу) с этнонимом *хьэт*. Отличие здесь лишь в том, что элемент *т* со значением «творить», «давать» стоит в последнем случае в постпозиции к производящей основе *хьэ* — «живой», «живое», сообщая нам о первичных, вытесненных из светлого поля сознания признаках или свойствах, которые легли в основу данного этнонима. Семантическое единство компонентов этого сложного термина закрепляет в языковом сознании слово с внутренней формой «животворящий», «жизнеутверждающий». Видимо, этот образ и термин возникли как древнейшее самоназвание всех хатто-абхазо-адыгских племен, в отличие от более узкого, не покрывавшего весь массив майкопско-анатолийской общности термина *кас/каска*, положенного впоследствии в основу экзоэтнонима *джаркас/черкес*.

Возвращаясь теперь к культу собаки, следует подчеркнуть, что в списке, созданных языковым сознанием (Богом) видов и форм живого под общим названием хьэ, собака выделена как существо с особыми мистическими свойствами и способностями. Это обладающий большой силой и энергией умный, верный и благородный помощник, бдительный и отважный защитник, охранник человека, отвращающий от него все опасное, гибельное, злое. Собаку представляют, кроме того, как искусного врачевателя, исцеляющего своих хозяев от всех недугов. Другие прямо противоположные качества, которые также приписывают собаке (свирепость, угодливость, вороватость, похотливость и др.) лишь дополняют ее

^{*} Информация о теониме Уэтэ и термине Хьэнанэ любезно предоставлена А.С. Думанишевым.

сложный и противоречивый характер, что так хорошо представлено в Авесте, в традиционной культуре и мифологии всех народов мира.

Формируется в результате культ собаки и производный от него культ леопардов, львов, как зверей обладающих большим чутьем, необычайной силой, энергией и ловкостью. Собака и некоторые другие, ассоциирующиеся с собакой животные, стали символом верности, бдительности, божественного охранения.

В древней Месопотамии, Египте, Ассирии, Индии, в традициях всей Евразии собака, леопард и лев выступают неизменно в одном и том же семантическом поле и обличье - как священные, «благородные» животные, умножающие силу человека и устрашающие, отгоняющие зло. В число таких зверей включают иногда волка, медведя, но наибольшее распространение получает производный от культа собаки, культ львов и тигров. Развиваются по аналогии с образом псов, охраняющих и защищающих не только живого, но и мертвого человека, представления о львах как о стражах могил. У египтян их статуи стоят в гробницах фараонов, охраняя их покой. У корейцев каменные фигуры львов (Согинов) ставили у могил государей и сановников. В ряде случаев собаку представляют как могущественное божество: собакоголовый Анубис у египтян, шумерская богиня Бау, которую также представляли с головой собаки, древнеиндийская Сарама, божественная собака Индры и мать чудовищных псов Шарбаров (Церберов), охраняющих преисподнюю. Широкую известность получил упомянутый выше древнегреческий миф о божественном превращении в звезду (Сириус) собаки Икария (по имени Мера, Маири), разыскавшей тело своего хозяина, убитого пастухами. Возникают и распространяются многочисленные другие легенды о преданности собаки своему хозяину, включая мифы о чудесном исцелении собакой своего хозяина.

У племен майкопской культуры такие представления и образы сложились, как видно, еще в V-IV тыс. до н.э, отражаясь в художественной культуре, в прекрасных и высокотехнологичных изделиях из золота, серебра, бронзы. Именно в этом контексте и, прежде всего, в тесной связи с другими образцами майкопского звериного стиля следует рассматривать новосвободненских собачек, обнаруженных А.Д. Резепкиным. Ярко представлен этот стиль в изделиях, найденных еще в 1896 г. Н.И. Веселовским в кургане Ошад, особенно, в замечательных рисунках на двух сосудах из серебра. На каждом из них мы видим выполненные методом гравировки рисунки животных и птиц, включая двух леопардов (рис. 3, 1-5). Вне всякого сомнения, все персонажи этого паноптикума представлены здесь как священные животные с определенными магическими, охранными функциями. Перед нами едва ли не самые древние фигуры и рисунки, выполненные в столь изящной, подчеркнуто реалистической манере. Заметьте, что при этом леопарды щеголяют здесь своими орнаментированными ошейниками, а один из них вышагивает с уткой, возлежащей на его спине. Подчеркивая ответственность, возложенных на зверей и птиц задач, эти и некоторые другие детали придают еще большую значимость и загадочность этой странной процессии.

Необходимо отметить в данной связи, что предстоит еще большая работа, которая откроет нам замысел, всю глубину и масштабы майкопской художественной культуры. Однако и сейчас можно с уверенностью сказать, что не только художественное, но и глубокое религиозно-этическое содержание изделий майкопско-новосвободненской культуры, сложных рисунков и скульптур свидетельствует о больших достижениях, о развитом и сложном внутреннем мире создателей данной культуры, живших от пяти до шести-семи тысяч лет назад.

Учитывая все это и, рассматривая элемент *хьэ* в одном из особенно интересующих нас значений — «собака», мы не должны забывать о его семантической доминанте — «живой/живое». На основе этого исходного, доминантного значения,

как мы убедились, создано множество тематических групп и подгрупп черкесского языка. Глосса *хь*э выступает здесь как семантический множитель, производящий из одного предельно общего значения названия огромного числа разнообразных элементов природного и культурного содержания, внутренне связанных с понятием «живой». В то же время с этимоном *хь*э целиком совпадают только два слова из этого огромного списка: «собака» и «семя/ячмень/хлеб». В языковом сознании черкесов они представлены как маленькая, но очень важная составная часть древней картины мира древнего человека, воспринимавшего действительность и, особенно, все растущее, развивающееся – живое в этой действительности как чудо, как божий дар.

Видимо, такого рода движение языкового сознания сыграло (еще в доисторические времена) не последнюю роль в формировании у черкесов особого, благоговейного отношения к хлебу и такого же отношения к собаке. Тем самым в традиционной культуре народа, в характере (во внутренней форме) черкесского языка закрепился культ собаки и мистически связанный с ним культ растений и хлеба³¹. Семантическое, культурно-историческое единство этих культов развивалось на протяжении многих тысячелетий, распространяя свое влияние на многие другие важные сферы духовного мира и языкового сознания народа.

Примечания

- 1. *Резепкин А.Д*. Курган № 31 могильника Клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.
- 2. *Резепкин А.Д.* Новосвободненская культура (На основе материалов могильника Клады). Труды ИИМК РАН. Т. XXXVII. СПб, 2012. С. 37, 41–42.
 - 3. Указ. соч. С.35-43.
- 4. *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР. № 43. М–Л., 1955. С. 302.
 - 5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., Т. 2. С. 144.
- 6. *Гамкрелидзе Т.В.*, *Иванов Вяч.В*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси. С.590.
- 7. *Трапш М.М.* Материалы по средневековой Абхазии. Труды. Т. 4. Сухуми, 1975. С. 184–186.
 - 8. *Малдер В.* (Mulder). Лашкендар-ныха // URL: http://urban3p.ru/blogs/32002/
- 9. *Габниа С.С.* Знаковая символика в традиционной культуре абхазов: значение и своеобразие. Сухум, 2011. С. 38–39.
 - 10. Там же.
- 11. *Бгажноков Б.Х.* Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 2. С. 9–10.
- 12. *Konig Fr.M.* Die Elamischen Konigsinshrifften. Osnabrack, 1977. S. 7; Несколько иначе представлена хронология правления этих царей у Г. Хюзинга; *См.: Husing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. S. 19–20.
 - 13. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885.
- 14. Зуев Ю.А. Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-И-Кипчак в XIII–XVIII вв. Алматы, 2004.
 - 15. Указ. соч. С. 60.
- 16. Резепкин A. \mathcal{A} . К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной // Краткие сообщения Института Археологии РАН. М., 1987. Вып. 192. С. 31–32.
- 17. *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // Краткие сообщения Института Археологии РАН. М., 1987. Вып. 192. С. 22–23.
- 18. См.: *Попова Т.Б.* Дольмены станицы Новосвободной // Труды государственного исторического музея. М., 1963. Вып. 34. Иллюстрации. Табл. 1; *Кореневский С.Н.*

Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004. Рис. 215.

- 19. *Gerstein R.G.* Germanik Warg: the outlaw as Werwolf // Myth in Indo-European Antiquitg. Berk, 1974.
- 20. Иванов В.В. Разыскания в области анатолийского языкознания. Хатт. haprass, «леопард», как источник хетт. parsana и евразийских названий барса, тигра // Этимология, 1976, М., 1978; Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории языков и культуры древней Анатолии // Послесловие к кн.: Маккуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1987. С. 161–162.
 - 21. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 158.
 - 22. Тревер К.В. Санмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937.
- 23. *Рыбаков Б.А*. Русалии и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. 1967. № 2.
- 24. *Мижаев М.И. Тхагаледж //* Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 534.
- 25. *Мижаев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп, 2012. С. 342.
- 26. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 192.
 - 27. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик, 1992. С. 69.
- 28. Бгажноков Б.Х. Касы и Страна Каса на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. № 3.
 - 29. Ср.: *цІы-ху* «человек». букв. «светлая тварь».
 - 30. Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965.
- 31. См.: *Бгажноков Б.Х.* Культ пищи и пищевой аниматизм // Этнографическое обозрение. 2001. № 3.

B.H. Bgazhnokov

DOG CULT AND SEMANTEME «HA» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF CIRCASSIANS

Dog cult is considered on the basis of the materials of maikop-novosvobodnensk culture. Specifics of that cult that is presented widely in traditions and linguistic consciousness of circassians and other people of the world is shown.

Keywords: maikop tribes, neolithic, bronze age, indo-europeans, Caucasus, Southwest Asia, animal cult, plant cult, mythology.

В.А. Фоменко

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: АРХЕОЛОГ ГАВРИИЛ ИОСИФОВИЧ ИОНЕ

Статья посвящена известному советскому археологу, кандидату исторических наук — Гавриилу Иосифовичу Ионе. Он участвовал в работе экспедиции Академии наук Азербайджанской ССР, исследовавшей в послевоенные годы памятники в зоне строительства Мингечаурской ГЭС, и был соавтором монографического издания наиболее ранних раскопочных материалов этой экспедиции. Гавриил Иосифович в 1960—1964 гг. работал в секторе археологии Кабардино-Балкарского НИИ и в 1961—1964 гг. возглавлял этот сектор. Г.И. Ионе руководил археологическими экспедициями в Кабардино-Балкарии в т.ч. в окрестностях селения Верхний Чегем и на золотоордынском городище Нижний Джулат. В 1964 году Г.И. Ионе переехал из Нальчика в Белоруссию в город Могилев, где продолжил археологические исследования и работал преподавателем археологии в Могилевском педагогическом институте.

Ключевые слова: Азербайджан, Мингечаурская ГЭС, археологические исследования, Гавриил Иосифович Ионе, Кабардино-Балкарский НИИ, сектор археологии, археологические памятники у селения Верхний Чегем, золотоордынское городище Нижний Джулат, Белоруссия, Могилевская археологическая школа.

Ионе Гавриил Иосифович – советский археолог, кандидат исторических наук, работал в секторе археологии Кабардино-Балкарского НИИ:

- с 4 мая 1960 г. старший научный сотрудник,
- с 6 января по 6 июля 1961 г. исполняющий обязанности заведующего сектором археологии,
 - с 26 июля 1961 г. заведующий сектором археологии (рис. 1),
 - с 1 августа 1964 г. старший научный сотрудник того же сектора.

К сожалению информация в личном деле Г.И. Ионе очень ограничена. Из производственной характеристики известно, что Г.И. Ионе родился в 1912 г., член Коммунистической партии с $1942~{\rm r.}^1$

Важные сведения о работе сектора археологии КБНИИ в 1961–1962 гг. содержатся в недавно опубликованной книге воспоминаний известного узбекского археолога и общественного деятеля Эдварда Васильевича Ртвеладзе². Дело в том, что начало научной деятельности Э.В. Ртвеладзе связано со Ставропольским краем и Кабардино-Балкарией³.

Воспоминания Э.В. Ртвеладзе в основном касаются организации и проведения сектором археологии КБНИИ археологических экспедиций 1961–1962 гг. в Верхнем Чегеме, в которых Эдвард Васильевич принимал участие в качестве лаборанта:

КБНИИ «располагался в центре города, неподалеку от ... парка, на улице Лермонтова в двухэтажном здании с колоннами. Сектор археологии и этнографии находился на первом этаже здания. Возглавляли его в ту пору два человека — Панаит Георгиевич Акритас⁴ и Гавриил Иосифович Ионе. Собственно, возглавлял сектор П.Г. Акритас — очень пожилой (ему уже тогда было под восемьдесят). ... Другой глава сектора — Гавриил Иосифович Ионе — археолог, был приглашен в Нальчик из Азербайджана, откуда он был родом и где провел большую часть своей жизни, для того чтобы поднять археологию Кабардино-Балкарии; он же и учредил

археологическую экспедицию КБНИИ. В Азербайджане Г.И. Ионе участвовал в раскопках многих памятников, особенно в зоне строившейся Мингечаурской ГЭС 5 , в результате чего он написал монографию «Древний Мингечаур», соавторами которой были Ваидов и Саидов 6 .

В Нальчике Г.И. Ионе жил на квартире с тремя детьми и женой немкой, из бывших немецких колоний-хуторов, которых еще до войны было немало на Кавминводах и в Азербайджане, и которые носили немецкие названия ... В соответствующее время они были ликвидированы и переименованы. Жена Г.И. Ионе — Отилия Фридриховна — родственница известного краеведаархеолога Гуммеля⁷ ...

Г.И. Ионе был сравнительно высоким человеком крепкого телосложения. Он хорошо знал археологию Азербайджана и только-только знакомился с археологией Северного Кавказа. Поляк по своему этническому происхождению, он родился⁸ и провел всю свою жизнь до переезда в Нальчик в Азербайджане.

Во время войны Г.И. Ионе, как поляк, был прикомандирован в армию известного генерала Андерса, который не захотел сражаться с немцами под советским командованием, подчиняясь приказам польского эмигрантского правительства в Лондоне. Поэтому, по решению И.В. Сталина, части Андерса были переброшены в Среднюю Азию, где местом их дислокации стали Ташкент и Шахрисабз. Затем через Иран они были переброшены в Северную Африку, где сражались вместе с англичанами против немецкой армии Ромеля. В Узбекистане Гавриил Иосифович служил с ними и поэтому хорошо знал порядки, царившие в этих частях; с негодованием он рассказывал нам о высокомерии польских офицеров, об их пренебрежительном отношении ко всему советскому.

Подготовка к экспедиции закончилась в начале июня, и мы на грузовой машине выехали из Нальчика в аул Верхний Чегем, где были намечены основные работы экспедиции. Собственно, научный состав ее составляли два человека — начальник экспедиции Г.И. Ионе и я — лаборант экспедиции; остальные были членами семьи Гавриила Иосифовича — его жена, старшая дочь и младший сын»⁹.

В 1960 году в Верхнем Чегеме в первые дни экспедиции «я жил с семьей Ионе, а затем нас с шофером Мишей Вершковым поселили в одном из классов местной школы, которая всего-то была размером с небольшой дом. Позднее, кажется дней через десять, к нам присоединился выпускник Московского архивного института Олег Опрышко, получивший распределение в сектор археологии и этнографии КБНИИ¹⁰. Это и был весь состав экспедиции. Консультантом ее по этнографическим вопросам был выходец из этого аула Саид Шахмурзаев — небольшого роста сухопарый пожилой человек, очень доброжелательный и безотказный. Он был известным балкарским поэтом, писателем, публицистом и писал о работах экспедиции небольшие статьи в балкарские газеты, выходившие в Нальчике. ... За исключением Г.И. Ионе, в экспедиции не было настоящих археологов ... А поскольку я к тому времени имел уже некоторый опыт в северокавказской археологии, то основная нагрузка легла на меня — я вел полевой дневник, писал отчеты, вел раскопки. Большинство своих записей я передал Г.И. Ионе, но некоторые из них сохранились и у меня ...»¹¹.

Экспедиция исследовала неолитическую стоянку в гроте Кала-тюбе (ущелье реки Джылгы-су), средневековое поселение¹², расположенное выше грота Калатюбе, могильник XIII–XIV вв. в местности Байрам-Баши на северной окраине селения Верхний Чегем¹³.

«Раскопки могильника по решению Г.И. Ионе, так же, как и всю полевую документацию, вел я. На этом могильнике мне удалось найти и раскопать женское погребение в полностью сохранившейся одежде. ... Сам скелет вместе с прекрасно сохранившимся деревянным гробом, в котором он находился, был вывезен в Нальчик и, кажется, был помещен в одном из залов городского

краеведческого музея. Для меня лично работа в экспедиции вначале была достаточно напряженной — целый день на раскопках, затем, после обеда, очистка и шифровка находок, заполнение дневника и т.д. Но постепенно я приучился к обычному распорядку работ в археологической экспедиции, их систематичности и ежедневности, что стало для меня настоящей школой полевых исследований. В определенные дни мы отправлялись в пешие маршруты в поисках новых археологических памятников, каковые обычно совершались в труднодоступное ущелье Джылгы-су или по дороге к перевалу Штулу, ведущему в соседнее ущелье реки Черек.

Состав экспедиции как в 1960, так и в следующем году оставался почти неизменным. Позднее к ней присоединились балкарцы, студенты исторического
факультета университета в Нальчике Исмаил Мизиев и Исмаил Чеченов, ставший после отъезда Г.И. Ионе в Белоруссию заведующим отделом археологии
и этнографии. ... Случались в Чегеме и невероятные приключения. Однажды
из-за сильных дождей и быстрого таяния снегов вода в реке Чегем поднялась
очень высоко; с бешеной скоростью она неслась вниз, уничтожая все на своем
пути, в том числе и мосты. Аул Верхний Чегем оказался совершенно отрезанным от мира. Через несколько дней Г.И. Ионе и его семья были вывезены в
Нальчик на вертолете, а мы, несколько человек, добирались до этого города
пешком, через горы по весьма сложному маршруту, по которому вел нас балкарский проводник Султан.

После завершения экспедиции в конце августа 1960 года, я еще некоторое время оставался в Нальчике ... В Нальчике, в отделе института, я разбирал привезенные археологические находки и иногда ходил на научные заседания, которые были весьма интересны. В то время научный мир на Северном Кавказе оживленно, можно сказать ожесточенно, дискутировал на тему происхождения северокавказских народов. В середине сентября я завершил все свои дела в Нальчике и вернулся в Кисловодск ...

В июне 1961 года я снова вернулся в Верхний Чегем, где мы исследовали те же археологические памятники, а в августе экспедиция приступила к раскопкам в районе Этоки ... Я приехал на Этоку в начале августа ... мне было поручено исследовать могильник VII–VI вв. до н.э. с погребениями в каменных ящиках¹⁴ ... Экспедиция на Этоке завершилась в начале сентября»¹⁵.

Материалы исследований археологических памятников у селения Верхний Чегем 16 публиковались Г.И. Ионе 17 , О.Л. Опрышко 18 и др.

Весьма значимыми были результаты работ 1962–1963 гг. экспедиции КБНИИ под руководством Г.И. Ионе на Нижнем Джулате¹⁹. Здесь была исследована самая крупная на Северном Кавказе (большая соборная) мечеть золотоордынского времени и находившийся под ней очень интересный по своей архитектуре подземный склеп-мавзолей, а также 32 погребения грунтового могильника XV–XVIII вв., возникшего на месте мечети после ее разрушения²⁰.

Черепа из раскопок Г.И. Ионе были изучены антропологом $\hat{B}.\Pi$. Алексеевым²¹. Валерий Павлович высказал предположение о том, что могильник Нижнего Джулата оставлен предками ногайцев²².

В 1966—1969 гг. исследования городища Нижний Джулат были продолжены И.М. Чеченовым, который сам, а позже в соавторстве с Э.Д. Зиливинской публиковал материалы раскопок Г.И. Ионе²³. Более или менее полностью материалы раскопок золотоордынского города Нижний Джулат лишь совсем недавно были введены в научный оборот Э.Д. Зиливинской²⁴.

Рис. 1. Сотрудники сектора археологии КБНИИ. Слева направо: О.Л. Опрышко, Г.И. Ионе, И.М. Чеченов. Весна 1964 г. Фотография из личного архива О.Л. Опрышко.

В 1964 году Г.И. Ионе переехал из Нальчика в Белоруссию в город Могилев. Археологическая карьера Гавриила Иосифовича продолжилась в Могилеве, а научные связи с КБНИИ, видимо, прервались.

Г.И. Ионе руководил кафедрой всеобщей истории, а в 1972—1974 гг. возглавлял исторический факультет Могилевского педагогического института. Гавриил Иосифович Ионе, наряду с другими известными учеными-археологами стоял у истоков формирования на факультете археологической научной школы. «Свою историю могилевская археологическая школа ведет с 1960-х гг., когда доцентом Г.И. Ионе в 1964 г. на историческом факультете был организован археологический кружок. Горячий интерес к проблемам археологии самого руководителя не мог не оказать влияния на выбор будущей профессии отдельных кружковцев. Таковым стал выдающийся ученый, педагог и просто человек непревзойденного таланта — Вячеслав Федорович Копытин. ... В итоге в 1970 — начале 2000-х гг. археологическим отрядом под руководством В.Ф. Копытина обследовано более 2,2 тыс. археологических памятников. Итоги работы подведены в серии его монографических исследований. Сегодня трудно переоценить вклад могилевских исследователей могилевской археологической школы в европейскую «науку о древностях», в формирование интеллектуального потенциала археологии»²⁵.

Многие из старшего поколения преподавателей Могилевского университета помнят Г.И. Ионе. Вот как тепло пишет о Гаврииле Иосифовиче заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского государственного университета, профессор, доктор исторических наук Яков Григорьевич Риер: «Отдельная страница истории кафедры — Гавриил Иосифович Ионе. Приехавший в 1964 г. из Нальчика прочитать курс археологии, он остался и заразил своим энтузиазмом многих тогдашних студентов, из которых двое однокурсников — Вячеслав Федорович Копытин и я — так и остались в археологии, с гордостью называя себя учениками Гавриила Иосифовича. Он не только подсказал темы, которые ввели нас в науку, но и научил многим тонкостям и тайнам профессии историка. А будучи одно время деканом исторического факультета, запомнился своим неуемным темпераментом» 26. Профессор Риер Я.Г. посвятил одну из своих монографий памяти своего преподавателя археологии — Гавриила Иосифовича Ионе 27.

Хотелось бы надеяться, что сведения содержащиеся в этой далеко неполной биографии Гавриила Иосифовича Ионе, восполнят часть пробелов в истории становления и развития археологической науки в Кабардино-Балкарии.

Примечания

- 1. Научный архив КБИГИ. Фонд «Отдел кадров». Д. 38. 5 л.; см. также личное дело П.Г. Акритаса в том же фонде. Д. 1. 33 л.
- 2. *Ртвеладзе Эдвард Васильевич* заведующий отделом истории искусств Института искусствознания Академии наук Узбекистана, доктор исторических наук, профессор, академик АНУ (город Ташкент).
- 3. *Ртвеладзе Э.В.* Вспоминая былое. Ташкент, 2012. Кн. І; *Ртвеладзе Э.В.* Верхний Чегем. Археологические экспедиции 1961–1962 гг. // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 86–91.
- 4. Био-библиографические сведения о Панаите Георгиевиче Акритасе см. в статье: Данилов А.В. Акритас Панаит Георгиевич // Археологический журнал. Армавир, 2008. Вып. 2. С. 137–140 (примечание В.А. Фоменко).
- 5. В период строительства Мингечаурской гидроэлектростанции территория строительства и зона затопления водохранилища была основательно изучена Мингечаурской экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР, работавшей под руководством С.М. Казиева в 1946—1953 гг. В результате были накоплены многочисленные раскопочные материалы от эпохи неолита до позднего средневековья (примечание В.А. Фоменко).
- 6. *Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.* Древний Мингечаур: эпоха энеолита и бронзы. Баку: изд-во АН Азерб. ССР, 1959. 189 с. + 68 вкл. л.
- 7. Гуммель Яков Иванович (Jakov Hummel) (1893–1946) один из основоположников археологической науки в Азербайджане. Начиная с 1930 г. проводил археологические раскопки в ряде районов Азербайджана (первоначально окрестности Ханлара (Еленендорф), затем Кировабадский (Гянджинский) район, Шамхорский район и Нагорный Карабах). С 1936 г. Я.И. Гуммель—член-корреспондент Института кавказоведения АН СССР. В 1941 г. был переселен в Акмолинскую область Казахской ССР. По данным Гюнтера Гуммеля за годы научной деятельности Яковом Ивановичем были раскопаны 150 курганов, в том числе два княжеских, опубликованы около 80 научных работ. Его монография «Археологические очерки» (Баку, 1940) использовалась как учебное пособие в университетах. См.: *Ниттеl G.* Жизнь и творчество Я.И. Гуммеля и бывший краеведческий музей в Ханларе Республики Азербайджан // www.zeitung-heimat.de; http://www.ourbaku.com/index. php5?title=Гуммель_Яков_Иванович—_археолог_и_этнограф,_peпрессирован&oldid =71965. (примечание В.А. Фоменко).
- 8. Нам не известны точная дата и место рождения Г.И. Ионе. Однако, известно, что он по национальности поляк и после работы в Нальчике в 1964 году вернулся в Белоруссию в Могилев (примечание В.А. Фоменко).
 - 9. Ртвеладзе Э.В. Верхний Чегем ... С. 86–87.
- 10. Опрышко Олег Леонидович (род. 1936) исследователь-архивист, писатель-историк, журналист, специалист по истории Кабардино-Балкарии. Работал главным хранителем Республиканского краеведческого музея, редактором книжного издательства «Эльбрус». Старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Автор ряда книг и научных статей по истории Кабардино-Балкарии. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Опрышко,_Олег_ Леонидович&oldid= 71398639 (примечание Фоменко В.А.).
 - 11. Ртвеладзе Э.В. Верхний Чегем ... С. 88-89.
 - 12. От этого поселения начиналась т.н. «греческая лестница».
 - 13. Ртвеладзе Э.В. Верхний Чегем ... С. 89.
- 14. Видимо речь идет об Этокском могильнике скифского времени, материалы которого частично опубликованы в книге: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 62, 339. Рис. 23. (примечание В.А. Фоменко).
 - 15. Ртвеладзе Э.В. Верхний Чегем ... С. 89-91.
- 16. Ионе Г.И. Археологические раскопки в 1960 г. в районе села Верхнего Чегема. Архив Института археологии. Ф-1. Р-1. № 2108. Альбомы иллюстраций к отчету.

- № 2108 а, б; *Ионе Г.И., Акритас П.Г.* Отчет об археологических раскопках Кабардино-Балкарского НИИ в 1961 г. Архив Института археологии. Ф-1. Р-1. № 2306. 88 л. Альбомы иллюстраций № 2306 а, б, в.
- 17. *Ионе Г.И.* Верхне-Чегемские памятники VI–XIV вв. // УЗКБННИ. Нальчик, 1963. Т. 19. С. 183–194.
- 18. *Опрышко О.Л.* Раннехристианский террасовый могильник VI–VIII вв. у сел. Верхний Чегем // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9; *Ионе Г.И.*, *Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. Нальчик, 1963.
- 19. *Ионе Г.И.* Отчет об археологических раскопках КБНИИ в 1962 г. // Архив КБНИИ. № 1752; *Ионе Г.И.* Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1 N 3395.
- 20. Зиливинская Э.Д. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 111 и сл.
- *21. Алексеев В.П.* К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. С. 178–180.
 - 22. Алексеев В.П. Указ. соч. С. 180.
- 23. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999; Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004.
 - 24. Зиливинская Э.Д. Маджар и Нижний Джулат ... С. 109–177.
- 25. Колосов А.В. Могилевская археологическая школа // Ўніверсітэцкі вестнік. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова. Кастрычнік 2013. № 9–10 (192–193). С. 5.
- 26. *Риер Я.Г.* Листая страницы // Клуб исторических реконструкций «Могилёвская хоругвь». Новости сайта. 25 ноября 2007. См.: http://horugva.ucoz.ru/news/2007-11-25.
- 27. *Риер Я.Г.* Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев. 2000. 320 с.

V.A. Fomenko

FROM THE HISTORY OF THE KABARDINO-BALKARIAN TERRITORY ARCHEOLOGICAL STUDIES: THE ARCHEOLOGIST GAVRIIL IOSIFOVICH IONE

The article has been dedicated to the famous soviet archeologist, the archeological science candidate Gavriil Iosifovich Ione. He took part in the Azerbaidjan Soviet socialist republic Academy of Science expedition which in the post war years were studying the monuments in Mingechaur hydroelectric power station construction zone, and was the coauthor of the monographic edition on the earliest excavation materials of the expedition. In 1960–1964 Gavriil Iosifovich Ione worked in the archeology sector of the Kabardian-Balkar research institute and in 1961–1964 was at the head of the sector. G.I. Ione was at the head of the archeological expeditions in Kabardiam and Balkar republic among them in the vicinity of the village of Upper Chegem and the Golden Hord township of the Lower Julat. In 1964 G.I. Ione moved from Nalchik to Mogilev in Belorussia, where he continued his archeological research and taught archeology at the Mogilev pedagogical institute.

Keywords: Azerbaidjan, Mingechaur hydroelectric power station, archeological research, Gavriil Iosifovich Ione, the Kabardian-Balkar research institute, archeology sector, archeological monuments in the vicinity of the village of Upper Chegem, the Golden Hord township of the Lower Julat, Belorussia, the Mogilev archeological school.

А.И. Тетуев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В статье анализируется процесс развития государственной национальной политики в РФ на разных этапах модернизационных преобразований. Исследуется динамика и тенденция развития межнациональных отношений на современном этапе. Выявлены социально-экономические факторы, формирующие этнополитическую напряженность в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, этнокультурное развитие, нормативно-правовые акты, стратегия, концепция, социальноэкономические факторы.

После распада СССР в 1991 г. сфера национальных взаимоотношений в новой России оказалась в эпицентре происходящих перемен. Органы государственной власти, учитывая уроки прошлого, стали проявлять больше внимания к поиску оптимальных механизмов для решения национальных проблем. В правительственных структурах был создан Государственный комитет по делам национальностей (Госкомнац России) и соответствующие структуры в субъектах Федерации.

В условиях новой России были сделаны конкретные шаги для утверждения равноправия народов: отменены ранее принятые преступные и необоснованные нормативно-правовые акты, признаны права национальных и региональных образований. В 1992 г. был подписан Федеративный договор, а в 1993 — принята Конституция Российской Федерации, которые положили начало национальной политике демократической России¹.

В июне 1996 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена разработанная Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации Концепция государственной национальной политики Российской Федерации².

Дальнейшее развитие Концепция получила в принятых последующих нормативных актах, касающихся развития и совершенствования национальных отношений, в частности, Федеральных законах «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), «Об общественных объединениях» (1995 г.), «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.), «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.), «О языках народов Российской Федерации» (2001 г.), «О государственной службе российского казачества» (2005 г.) и др.³.

В нормативно-правовых актах получили свое развитие, прежде всего, принципы государственной национальной политики, механизм реализации, направленный на защиту интересов граждан Российской Федерации.

Концепция получила развитие в посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. В 2003 г. в послании большое внимание акцентировалось на необходимости «сохранения целостности российского государства...», «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире», реализации приоритетных задач в социально-экономической сфере. Послания 2004 и 2005 гг. в большей степени апеллируют к обществу,

к национальным проблемам, к роли и месту национального фактора, в решении вопроса, в частности, о внутренних границах между субъектами Российской Федерации. Указано, что они должны перейти из практики (межнациональных конфликтов) в теорию, когда требуется проведение определенной работы по формированию совершенно нового сознания граждан по отношениям понятия «внутренних границ».

Президент по этому поводу отмечает: «И, наконец, свободное и справедливое общество не имеет внутренних границ, ограничений на передвижение, а оно само открыто для остального мира. Это дает гражданам нашей страны возможность в полной мере пользоваться богатствами человеческой цивилизации, включая достижения образования, науки, мировой истории и культуры»⁴.

В целом, можно утверждать, что, начиная с 2000 года, отчетливо обнаруживается тенденция к социальной и политической стабилизации. Вместе с тем продолжающийся экономический спад усугублял социальные проблемы, которые не только оставались неразрешенными, но также «организовывались» и приобретали системный характер, заметно обострились национально-территориальные конфликты. Сущность подавляющего большинства этих конфликтов состояла в том, что одна и та же территория оказывалась пространством, на котором соперничающие национальные элиты стремились добиться своего легального доминирования, предполагающего доступ к политической власти и престижным секторам экономики. При этом все попытки «поднять на щит» проблемы спорных территорий несли в себе потенциальную опасность перехода скрытой стадии конфликта в открытую, вооруженную, что могло обострить общественно-политическую ситуацию на всем Северном Кавказе.

На развитие межнациональных отношений влияют также следующие негативные факторы:

- размывание традиционных нравственных ценностей народов России;
- правовой нигилизм и высокий уровень преступности, коррумпированность отдельных представителей власти;
- попытки политизации этнического и религиозного фактора, в том числе в период избирательных кампаний;
- недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов;
- высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, распространенность негативных стереотипов в отношении других народов;
- недостаточность реализуемых мер по обеспечению эффективной социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов.

Среди причин продолжающегося кризиса межнациональных отношений на Северном Кавказе далеко не последняя — отсутствие реалистической, всесторонне обоснованной национальной политики, в том числе и региональной. На государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный и свободный от былых стереотипов взгляд на национальные проблемы, еще не стали нормой опоры на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения.

Все это способствовало тому, что непосредственно Президентом Российской Федерации на состоявшемся в августе 2002 г. Всемирном конгрессе татар в Казани, было проанализировано состояние в сфере национальных отношений. В конце 2002 г. последовало указание о внесении корректив в Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации. Однако изменение структуры Правительства Российской Федерации (16.10.2001 г. – упразднено Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ, с 06.12.2001 министр, курировавший национальную политику, был отправлен в

отставку 24.02.2004 г. вместе с Правительством М. Касьянова) не позволило сразу приступить к реализации указаний.

Концептуальные основы национальной политики современной России были изложены в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»⁵ [8]. В 2012− 2014 гг. был принят ряд нормативных правовых актов в сфере национальной политики: Указы Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» (№ 602), «О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации» (№ 606) от 07.05.2012 г.; Указ Президента РФ «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г.» (№ 637) от 25.07.2014. В 2012 году, был создан Совет при Президенте России по межнациональным отношениям, и при Председателе Совета Федерации был образован консультативный Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями⁶. Безусловно, одним из центральных документов стала принятая в декабре 2012 года «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Этот документ был принят взамен действовавшей с 1996 года Концепции государственной национальной политики, в нем определялась ситуация в сфере межэтнических отношений в стране, задавались цели, принципы и задачи государственной национальной политики, механизмы ее реализации, этапы и ожидаемые результаты. Согласно Стратегии, основными вопросами государственной национальной политики в России, требующими особого внимания органов власти, являются: первое – это сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности; второе - обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; третье - создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения межнационального мира на Северном Кавказе; четвертое – это поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, укрепление их связей с Россией. Целями государственной национальной политики Российской Федерации в Стратегии определены: первое - упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации; второе - сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; третье - гармонизация межнациональных отношений; четвертое – обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии; и пятое – успешная социокультурная адаптация мигрантов 7 .

Следом были приняты мероприятия по реализации Стратегии. Так, Правительством РФ принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (далее – Программа) с общим финансированием на период с 2014 г. по 2020 г. в 6 млрд. 766 млн. 35 тыс. руб. Также был разработан «План мероприятий по реализации в 2013—2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»8.

Во исполнение указанных документов органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации приняты региональные планы мероприятий по реализации Стратегии. Так, План мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии в Кабардино-Балкарской Республике предусматривает: Разработка и принятие муниципальных целевых программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и укрепление единства российской нации; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, работающих в сфере межэтнических отношений; проведение социологических исследований состояния межнациональных отношений в республике; реализация республиканского и межрегионального молодежного проекта «Куначество»⁹.

Бесспорно, что проблемы национальной политики могут успешно решаться только системно, во взаимосвязи с экономическими, социальными, культурными и политическими проблемами.

Для выполнения указанных задач в настоящее время реализуется федеральная целевая программа Юг России (2014–2020). С этой же целью создано министерство по делам Северного Кавказа и правительственная комиссия по развитию Северного Кавказа¹⁰. Вместе с тем темпы социально-экономического развития северокавказских республик, в том числе и Кабардино-Балкарии, остаются пока еще существенно ниже, чем в других регионах России.

Первый Президент Кабардино-Балкарской Республики Валерий Коков (1992—2005 гг.) в период проявлений центробежных тенденций в стране и республике проявил себя последовательным сторонником сохранения единства Кабардино-Балкарской Республики, тесного союза с народами России. Неоднократно пресекая всякие попытки этнической дестабилизации и раздела Кабардино-Балкарской Республики на две самостоятельные части, В.М. Коков завоевал признание среди граждан республики. Однако ему не удалось преодолеть целый комплекс проблем: кризисное положение в экономике (дотационность республики составляла свыше 80 процентов), массовая безработица, низкий уровень жизни населения, терроризм¹¹.

Указанные проблемы остались нерешенными и в период президентства А.Б. Канокова, руководившего республикой с 2005 по 2013 гг. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга социально-экономического состояния субъектов Российской Федерации, проведенного Министерством регионального развития Российской Федерации. По сводному индексу социально-экономического развития за 11 месяцев 2013 года республика находилась на 80 месте из 83 субъектов Российской Федерации. При этом, по данным Минрегиона России, за последние три года ситуация ухудшалась: 2010 год — 31 место, 2011 год — 72 место, 2012 год — 76 место и с начала 2013 года — 80 место» 12.

Опять же по составляющим данного индекса республика занимает последние места: инвестиционная привлекательность – 80 место, доходы и занятость населения – 80 место, бюджетная система –70 место, реальный сектор экономики – 67 место. По заключению Минрегиона России, республика характеризуется низким уровнем экономического развития, и в 2013 году значения большинства макроэкономических показателей были хуже среднероссийского уровня¹³. В социальной сфере Кабардино-Балкарской Республики также наблюдается нестабильная ситуация. В связи с дефицитом бюджетных средств республиканские целевые программы финансируются только на 15-20 процентов от запланированных объемов. В 2013 г. уровень общей безработицы по республике оценивается в 40 тыс. человек, что составляет 9,8% экономически активного населения республики. Численность официально зарегистрированных безработных (состоящих на учете в службе занятости) в ноябре 2013 г. года составила 8,4 тыс. человек, или 2,2% экономически активного населения, что выше среднероссийского значения в 2 раза (1,1%). По данным баланса трудовых ресурсов, число граждан трудоспособного возраста, незанятых в экономике, составило на начало 2013 года более 200 тыс. человек, или 39% трудоспособного населения¹⁴.

Важную роль в стабилизации этнополитической ситуации играют органы местного самоуправления, несмотря на то, что их статус до сих пор остается в правовом плане не вполне определенным. Как правило, гражданские инициативы находят поддержку местных органов самоуправления: они с одной стороны, оперативно реагируют на нужды населения, а с другой, выступая в качестве звена официальной власти и осуществляя некоторые делегированные функции государственного управления, претворяют решения граждан в жизнь. Фактором нестабильности продолжают оставаться территориальные вопросы. Они переплетены

с историческими причинами возникновения конфликтов, давними хозяйственными спорами, проблемами передела, незаконного занятия, реального или мнимого неравенства народов во владении землей. На Северном Кавказе вопрос о земле, особенно в горных районах, вследствие особой важности этого ресурса хозяйствования, является наиболее сложным, трудноразрешимым и имеет продолжительную историю. Вступившие в силу в 2005 и 2006 гг. федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также «Концепция административной реформы в РФ на 2006–2008 гг.» значительно расширили возможности НКО участвовать в процессе принятия решений органами государственной власти и местного самоуправления. Главным механизмом налаживания взаимодействия стали обязательные по закону диалоги власти и представителей гражданского общества.

Для реализации Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были приняты ряд законов КБР, в том числе закон от 27.02.2005 № 68РЗ «О статусе и границах муниципальных образований», который изменил границы и статус территорий муниципальных образований. При этом не было учтено положение Федерального закона от 06.10.2003 № 131, что при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, при преобразовании (или) упразднении муниципальных образований необходим учет мнений соответствующих муниципальных образований. В связи с этим отдельные муниципальные образования граждан оспаривали право граждан на осуществление местного самоуправления, самостоятельность местного самоуправления в Верховном Суде КБР, Конституционном суде РФ¹⁶.

Анализируя проведенные административно-территориальные преобразования, исследователь А.Н. Такова справедливо отмечает: «Они обострили взаимоотношения между официальной властью и лидерами балкарского национального движения, представленными, прежде всего Советом старейшин балкарского народа¹⁷. Для разрешения спорных вопросов по закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований» в Парламенте КБР была создана согласительная комиссия. Однако диалог органов государственной власти, местного самоуправления и представителей институтов гражданского общества не дал положительных результатов, до сих пор не решены спорные вопросы по определению границ муниципальных образований.

Принятое на сегодняшний день компромиссное решение пересмотреть границы административных поселений, ограничив межселенные территории отгонными пастбищами, также вызвало протест у определенной части населения. Приходится признать, что административно-территориальный передел на новом витке исторического развития, реализующий положения Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не дал пока желаемых результатов, не привел к общественному согласию в КБР. Предстоит долгая кропотливая работа по поиску реально компромиссного решения, способного удовлетворить все заинтересованные стороны.

Вместе с тем в Кабардино-Балкарии до сих пор не проведена земельная реформа в соответствии с требованиями Земельного Кодекса Российской Федерации. Главная причина в решении этой проблемы это отсутствие согласия в обществе. В настоящее время стало понятно, что без приватизации невозможно создать эффективное сельское хозяйство. Проблема еще и в том, что Кабардино-Балкария это регион, где сельское население в республике по данным переписи 2010 года составляет 45.5 процента¹⁸.

Стремление нового руководства решить накопившиеся социально-экономические проблемы в республике вселяет надежду на позитивные перемены, и создают условия для стабилизации этнополитической ситуации. В настоящее время определены предприятия, которые способны обеспечить производство высококонкурентной импортозамещающей продукции. Так, например предприятие «Севкаврентген», которое производит широкий спектр сложного цифрового медицинского рентгеновского оборудования и по номенклатуре изделий занимает до 20% российского рынка. Большим потенциалом обладает ОАО «Терекалмаз». Мощности завода позволяют уже сейчас довести импортозамещение до 60%, а после реализации инвестиционной программы предприятие будет способно обеспечить импортозамещение до 100% в зависимости от сегмента рынка, по буровому инструменту – до 70% 19.

Наиболее значимым для республики инвестиционным проектом является восстановление градообразующего Тырныаузского вольфрамового комбината, что в перспективе может дать более 1 тыс. рабочих мест, уже не говоря о том, что сырье, которое будет добываться, будет востребовано в оборонной промышленности. На территории Майского района предполагается поместить кластер полимерной упаковки, кластер пищевой переработки, комплекс по выращиванию плодов и овощей, научно-исследовательский центр, объекты социальной, энергетической и транспортной инфраструктуры.

Большие возможности в производстве импортозамещающей продукции имеются в сельскохозяйственном производстве республики. Речь идет о производстве плодов, овощей и продукции их переработки. По этим видам продукции Кабардино-Балкария вышла на полную самообеспеченность, и поставляет ее в другие регионы России. Консервная отрасль республики занимает лидирующие позиции на Северном Кавказе. За девять месяцев 2014 г. консервными заводами произведено 169 млн. условных банок плодовоовощных консервов, что составляет 12,5% от общего объема производства овощных консервов в Российской Федерации²⁰.

В 2015 году удалось сохранить поступательное развитее экономики. Так, объем валового регионального продукта в 2015 г. оценивается в размере 132 млрд. руб., что составляет 103,3% к уровню в 2014 г. Объем продукции сельского хозяйства составил 38,7 млрд. руб. или на 104,4%. Введено в строй 375 тыс. кв.м. жилья, что на 14,2% выше уровня 2014 г. Вместе с тем предстоит большая работа по ослаблению факторов, формирующих этнополитическую напряженность в республике.

Важным условием в решении задач Стратегии в сфере социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа является реализация федеральной целевой программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года²². В рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» Кабардино-Балкарской Республике на 2015 год из федерального бюджета выделено 4 миллиона 155 тысяч руб. Это позволило реализовать комплекс мероприятий, включенных в подпрограммы «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности», «Взаимодействие с религиозными организациями», а также «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике на 2013—2017 годы». Целью проводимых мероприятий является формирование гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, а также позитивное воздействие на этнокультурное развитие народов России, поддержка языкового многообразия на территории Российской Федерации»²³.

Данные социологических опросов населения свидетельствуют, что подъем ксенофобских настроений достиг максимума – 62% от опрошенных в октябре 2013 г., что давал серьезный повод для беспокойства. В последующем репрезентативный

опрос среди россиян, проведенный «Левада-Центром» в августе 2015 года, показал снижение ксенофобских настроений среди населения России по отношению к представителям других этнических групп. Это явилось результатом, с одной стороны, реализации публичной миграционной политики (отсутствие громких происшествий на национальной почве, снижение концентрации телепередач, разоблачающих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к тематике). С другой стороны, произошло частичное замещение привычного объекта ксенофобских нападок последних лет («выходцев с южных республик») новыми категориями (или старыми, реанимированными) — «фашистами» и «американской угрозой» в восточной Украине, как реакция на внешнеполитическую ситуацию²⁴.

Социологические исследования в Кабардино-Балкарской Республике показали, что доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений -81,7%, уровень толерантного отношения к представителям другой национальности -63,3%., 46,6% ощущают общность со всеми россиянами. Доля респондентов, оценивающих положительно состояние межконфессиональных отношений, составляет в целом $83,6\%^{25}$.

О стабилизации ситуации в сфере межнациональных отношений свидетельствуют и данные ВЦИОМ, согласно которому россияне в целом считают, что Россия должна быть общим домом для разных народов 26 .

Анализ национальных процессов в российском обществе позволяет сделать вывод, что с начала XXI века отчетливо проявляется тенденция к социальной и политической стабилизации. Рост общей организованности и управляемости в обществе проявляется не только в действиях органов государственной власти и местного самоуправления, но и институтов гражданского общества, в акциях различных общественно-политических движений. Хотя следует признать, что для национальной политики 1990-х годов в России было свойственно наличие запаздывающего фактора, медленной реакции на проявлявшиеся проблемы, разраставшиеся конфликты, отсутствие комплексных подходов в решении задач.

Стратегия государственной национальной политики начала нового века является превентивной, упреждающей, нацеленной на предотвращение наиболее опасных межэтнических конфликтов, поддержание мира и стабильности. Важным условием достижения указанной задачи является восстановление и укрепление взаимосвязей в сфере культуры народов России, укрепление российского духовного пространства, исламской и православной цивилизаций. Это обусловлено и тем, что именно здесь, в сфере духовности, пытаются поставить водораздел противники единства России, ее государственной целостности.

Таким образом, важнейшей целью национальной политики России на современном этапе остается создание субъектам Федерации благоприятных и гарантированных условий равноправного и свободного развития в составе многонациональной страны.

Примечания

- 1. *Болтенкова Л.Ф., Гаджиев Г.А. и др.* Федеративный договор. Документы. Комментарии. М., 1994. С. 15–32.
- 2. См.: Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации // Кулешов С. В., Аманжолова Д.А. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: «Русский мир» 1997. С. 647–663.
- 3. *Тетуев А.И*. Национальная политика на Северном Кавказе: политические и социально-экономические предпосылки межнационального согласия (1990-е начало XXI в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Нальчик, 2006. С. 37.
- 4. *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005. С. 10.

- 5. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // URL: www. kremlin.ru (Дата обращения 21.03.2016 г.).
- 6. Указы Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» и др. // Электронный ресурс: www. kremlin.ru (Дата обращения 21.12.2015 г.).
- 7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Электронный ресурс: www. kremlin.ru (дата обращения 21.03.2016 г.
- 8. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»; План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики (утвержден распоряжением Правительства России 15.07.2013 г.) // Электронный ресурс: www. government.ru/docs/all/ (дата обращения 21.03.2016 г.).
- 9. План мероприятий по реализации в 2013—2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Кабардино-Балкарской Республике (утвержден распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 18 октября 2013 года) // Электронный ресурс:www. http://docs.cntd.ru/document/422453076 (дата обращения 21.03.2016 г.).
- 10. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 года. О федеральной целевой программе «Юг России (2014–2020 годы) (с изменениями на 20 октября 2014 года) // Электронный ресурс: www.dok. ntd.ru (дата обращения: 07.03.2016).
- 11. Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе эволюция, опыт, тенденции, Нальчик: Эль-Фа. 2006. С. 306.
- 12. Слюняев И.Н. «По большинству основных экономических показателей республика занимает одно из последних мест в Российской Федерации» Кабардино-Балкарская правда. 2014 г. 28 января.
- 13. *Храмов К.К.* «Кабардино-Балкария характеризуется низким уровнем экономического развития» // Кабардино-Балкарская правда. 2014 г. 28 января.
 - 14. Слюняев И.Н. Указ. соч.
- 15. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Статья 3822; Концепция административной реформы в РФ на 2006–2008 гг. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Статья 4720.
 - 16. Там же.
- 17. *Такова А.Н.* Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике 2005–2008 гг. // Вестник РГГУ. Научный журнал. № 17 (09) «Серия исторические науки. История России». М., 2009. С. 163.
- 18. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Нальчик, 2013. С. 6.
- 19. *Коков Ю.А.* Выступление на заседании комиссии Правительства Российской Федерации по социально-экономическому развитию Северо-Кавказского федерального округа// Электронный ресурс: www.president-kbr.ru (Дата обращения: 14.03.2016).
 - 20. Там же.
- 21. Коков Ю.А. Послание Главы Кабардино-Балкарской Республики Парламенту Кабардино-Балкарской Республики // Кабардино-Балкарская правда. 2016 г. 20 февраля.
- 22. Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2012 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года» // Электронный ресурс: www.consultant.ru/document/ (Дата обращения: 14.03.2016).
- 23. Информационные доклады руководителей подразделений Управления «Об итогах деятельности Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР» за 9 месяцев 2015 года // Электронный ресурс: // www. pravitelstvokbr.ru/oigv/ (Дата обращения: 14.03.2016).
- 24. Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. // Электронный ресурс: www.levada.ru (Дата обращения: 14.03.2016).

- 25. Социологическое исследование состояния межнациональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике. Пятигорск, 2016. С. 26, 27.
- 26. Результаты всероссийского опроса общественного мнения по национальному вопросу // Электронный ресурс: www. wciom.ru/database/ (Дата обращения: 14.03.2016).

A.I. Tetuev

THE STATE NATIONAL POLICY AS A WAY TO MAINTAIN THE ETHNO-POLITICAL STABILITY IN KABARDINO-BALKARIA

The process of national and sub-national policy development of the Russian Federation in various stages of modernization reforms is analyzed in the article. The dynamics and trends of international relations development at the present stage are examined. Identified socio-economic factors shaping the ethnic and political tensions in the Kabardino-Balkaria.

Keywords: national policy, international relations, ethnocultural development, normative-legal acts, strategy, concept, socio-economic factors.

А.С. Мирзоев

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ И ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ЧЕРКЕСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Статья посвящена рассмотрению комплекса вооружения черкесских воинов во второй половине XVIII— первой половине XIX вв., включающего наступательное и оборонительное оружие.

Ключевые слова: комплекс вооружения, наступательное и оборонительное оружие.

Наступательное оружие

Лук и стрелы. Лук (шабзэ) и стрелы (шабзэшэ) оставались на вооружении черкесов довольно долго, вплоть до середины XIX века и продолжали соседствовать с широко распространившимся к тому времени огнестрельным оружием.

По свидетельству Хан-Гирея, черкесы сами луки производить не умели, но завозили их из Турции¹. «Применявшиеся в Черкесии луки принадлежат к типу сложных, т.е. склеенных из разных материалов: рога, дерева, вываренных сухожилий животных. Рог при натягивании тетивы оказывался на внутренней стороне лука и обеспечивал очень сильное его натяжение. Вдоль рога рыбьим клеем приклеивались вываренные сухожилия животных, которые придавали луку эластичность; тонкий слой дерева составлял внешнюю сторону лука. Концы лука, на которые надевалась тетива, делались из кости»².

Стрелы производились самими черкесами, причем высокого качества. Производство стрел было одним из немногих занятий, которому представители черкесской знати предавались в свободное время. «Они сами каждодневно делают для себя стрелы, – писал Д. Интериано, – даже [находясь] на лошади, и делают превосходно, [так что] не многие стрелы можно найти, которые бы пролетали бы большее расстояние, чем их, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом»³. Обычное количество стрел в колчане не превышало тридцати⁴. При этом, стрелы были двух видов: с опереньем из белых орлиных перьев и с опереньем из перьев ворон и других хищных птиц⁵. Стрелами с белым орлиным опереньем могли пользоваться только князья, «дворяне и простолюдины не имеют права украшать свои стрелы подобным образом под угрозой строгого наказания»⁶.

У «аристократических» подразделений черкесов употребление лука и стрел, как и ношение кольчуги, было привилегией дворянства. Я. Потоцкий отмечает этот факт относительно Кабарды в конце XVIII века. В частности, он писал: «Крестьяне совершенно не имеют права носить кольчугу, колчан и стрелы; на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком»⁷. Но при этом, как свидетельствовал Э. Челеби, крестьяне «все имеют ружья»⁸. Если в XVII–XVIII веках у черкесской аристократии использование метательного и огнестрельного оружия сочеталось, то в XIX веке употребление лука и стрел носило уже в основном парадный характер. Князья и дворяне вооружались ими во время нанесения официальных визитов, а также в ходе различных состязаний, устраиваемых в связи с ритуальными обрядами⁹.

Кроме того, у Хан-Гирея имеются сведения о сезонном характере использования этого вида оружия. Он, в частности, писал, что князья и дворяне носят лук со стрелами весною и осенью, так как летом из-за жары «лук становится слаб, а зимою от стужи слишком туг, так что в эти два времени года признается неудобным древнее это орудие» Для ношения и предохранения лука и стрел от сырости и повреждений применялись специальные футляры: налучье (шабзэльэ) и колчан (шальэ). Эти предметы, а также тетива (шабзэпс) изготовлялись черкешенками и они, надо заметить, достигли в этом большого мастерства. По мнению Хан-Гирея, «ни один народ, употреблявший это древнее оружие, не достиг до такой степени искусства в украшении его, как черкесы: серебряный прибор к колчану делается под чернью и позолотою. Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом» 11. Налучье и колчан шились из красного, черного и коричневого сафьяна. При этом они украшались тиснением, металлическими, оправленными в серебро бляшками, золотым и серебряным шитьем 12.

Ружье (фоч). Огнестрельное оружие распространилось на Кавказе в XVI–XVII веках. Ружья XVI–XVII веков – фитильные. В XVIII веке на Кавказ из Турции начинают поступать ружья с искровым кремневым замком. Со временем местные мастера приступили к самостоятельному изготовлению оружия, используя турецкие ружья в качестве образцов¹³. В 1711 году французский путешественник Абри де ла Мотрэ посетил Черкесию. «Что же касается огнестрельного оружия, – сообщает он о черкесах, – ...то они научились подражать ему, если уже не превзошли то [огнестрельное оружие], которое купцы привозили к ним из Константинополя...» ¹⁴.

Как считают специалисты, ружья, изготовленные на Кавказе в первой четверти XVIII века, имеют переходный характер, «сочетают в себе черты турецкого ружья этого периода и специфически кавказского типа ружья более позднего времени – конца XVIII–XIX вв. Ружья второй половины XVIII–XIX вв. являются оригинальным оружием, обладающим характерными чертами, позволяющими дать им определение «кавказский тип ружья». Ему свойственны следующие черты: длинные, круглые или граненые, главным образом нарезные, стволы, украшенные у казны и дула золотой, реже серебряной насечкой. Замки принадлежат к средиземноморскому типу кремниевого замка. Ложа у кавказского ружья тонкая, с длинным узким прикладом, заканчивающимся костяной пятой. Серебряные накладки и обоймицы украшены гравировкой и чернью, растительным, иногда с геометрическими элементами, орнаментом»¹⁵. Прицел турецкого типа, постоянный диоптрический: на стволе у казны имеется вертикальный выступ с маленьким отверстием, а на конце ствола мушка, в виде металлического шарика, небольших размеров (не больше спичечной головки). При прицеливании мушка на конце ствола (адыгейск. пэкІэгъуаз) и отверстие на прицеле у казенной части ствола (адыгейск. дакъэгъуаз) должны были совпадать. Ружья, имевшие нарезные стволы, назывались кабардинцами «шэхъщын» ¹⁶.

По свидетельству Т. Лапинского, в каждом черкесском селении «... имеется один или несколько оружейных мастеров, которые, правда, медленно, но искусно изготовляют новое оружие или переделывают и починяют старое» 17. Так как кремниевое ружье служит долго и может использоваться не менее ста лет, то происходило постепенное его накопление в стране. Хан-Гирей, например, сообщает о своем времени (30-е годы XIX столетия): «Это губительное оружие в настоящее время предпочитается всем другим, и каждый черкес, начиная от пастуха до князя, имеет исправное ружье» 18. Аналогичное свидетельство приводит Д. Белл, который писал относительно натухайцев и шапсугов: «Сейчас каждый пастушок обладает или ружьем или пистолетом, а иногда и тем и другим» 19.

Ружья носились в специальных чехлах – «дохъутей». Материалами для изготовления чехлов служили войлок, козьи или барсучьи шкуры. Последние

особенно ценились. Как чехол, так и само ружье имели ремень. Ружье в чехле носилось за спиной. После выстрела, если необходимо было тотчас обнажить шашку, его можно было не вкладывая обратно в чехол, перекинуть за спину с помощью имеющегося на самом ружье ремня. Как свидетельствовал Т. Лапинский: «Этот способ ношения ружья превосходен как для всадника, так и для пешехода, потому что ружье не только защищено от сырости и ржавчины, но кроме того, не утомляет солдата и может быть с такой же легкостью вытащено из чехла, как сабля из ножен»²⁰.

Для стрельбы из ружья спешенные черкесы использовали присошки (зэпэбаш). «Разборчивый вкус черкеса, не терпевший ничего тяжелого и неуклюжего, — отмечал Н. Дубровин, — положил свою печать и на присошки. Они имеют вид циркуля, иглы которого втыкаются в землю, а наверх кладется ружье» 21 . «Место их — при ружейном чехле, к которому они пристегиваются очень просто и не мешают ни пешему, ни всаднику» 22 .

К огнестрельному оружию полагалось специальное снаряжение. Таковыми были, прежде всего, приспособления для ношения пороха: газыри (хьэзыр), пороховница (гыныльэ), натруска (гынжей тегьащхьэ). Газыри—патронные гильзы, представляющие собой круглые, полые внутри, деревянные или камышовые трубочки высотой 8–10 см. Газыри носились в газырницах (хьэзырыльэ) — специальных нагрудных кармашках, нашитых на черкеску. Их общее количество колебалось от 16 до 24 (по 8 или по 12 с каждой стороны). Нижний конец газыря имел дно с небольшим круглым отверстием, в которое мог свободно войти шомпол (шэехух). Внутрь газыря до самого дна загонялся войлочный пыж (шэкудэ), затем в него засыпался отмеренный заряд пороха. Мерка пороха, необходимого для производства одного выстрела, зависела от калибра ствола и качества пороха. Пулей, обернутой в тряпочку, служащую вторым пыжом, затыкалось верхнее отверстие газыря.

При заряжении проводилась следующая операция: газырь вынимали из нагрудного кармашка, пулю, обернутую в тряпочку, вытаскивали, верхний конец газыря приставляли к стволу ружья и переворачивали, при этом в него высыпался порох. Затем доставали шомпол, вставляли в отверстие на дне газыря и загоняли в ствол пыж, находящийся в нем. Вслед за этим в ствол загонялась пуля, обернутая в тряпочку. Последняя удерживала пулю и обеспечивала плотную ее пригонку к каналу ствола. На рисунках Г.Г. Гагарина, прославившегося удивительной правдивостью своих произведений, горцы часто изображены с оборванными полами и рукавами черкесок. Х.Х. Яхтанигов находит объяснение этого в следующем. До появления патронов, издавна существовала большая проблема – плотная подгонка пули к каналу ствола. Для того чтобы ликвидировать зазор между пулей и каналом и плотно засадить пулю в ствол, ее и обертывали в лоскуток материи. Без этого выстрел терял значительную часть своей силы. «Но, а если в бою этот запас оказывался на исходе, то приходилось, в буквальном смысле этого слова, рвать на себе одежду, что, и зафиксировано пытливым взором художника Γ . Γ . Гагарина»²³.

Таким образом, газырь – это прообраз патрона. Само слово «газырь» возможно и происходит от своего адыгского названия «хьэзыр», означающего «готовый». Употребление газырей имело целый ряд преимуществ: 1) это были готовые, отмеренные заряды пороха; 2) в них в любую погоду порох оставался сухим; 3) при их употреблении сокращалось время заряжания; 4) с ними можно было заряжать ружья верхом, на полном скаку, что при обычном порядке заряжания без остановки сделать трудно.

Преимущества этого способа имел возможность оценить Н. Муравьев в 1817 году, во время его нахождения в Персии в составе русского посольства. Во время военного смотра в честь послов персидские воины показывали свое воинское

искусство. В числе прочего они демонстрировали и стрельбу из пистолетов на скаку. Вслед за ними показали свое умение и кабардинцы, находившиеся там, в числе сопровождавших послов лиц. Описывая это зрелище Н. Муравьев сообщал: «Надобно здесь заметить о непроворстве, с которым вообще заряжают свое оружие Азиаты. Они не употребляют начиненных жестяных или деревянных патронов наподобие Черкес, но имеют кожаную порошницу при поясе, из коей высыпав заряд на ладонь, всыпают после оный в дуло; в ветреную погоду сдувает всегда у них порох с руки. Черкесы, напротив заряжают весьма скоро. Я сам был свидетелем, как они успевали вынуть ружье из-за плеч и пять раз зарядить и выстрелить из оного на всем скаку на расстоянии полуверсты»²⁴.

Основной походный запас пороха находился в большой пороховнице (гыныльэ). «Эти пороховницы имели форму закрученного рога, делались же из дерева, а сверху оклеивались кожей. Они имели специальное приспособление для отмеривания дозы пороха, засыпаемого в ствол-мерку, которая прикреплялась к широкой части пороховницы, в которой имелось отверстие для отсыпки пороха. Пороховница опрокидывалась, порох отсыпался в мерку, а затем отверстие закрывалось специальной костяной пластинкой, задвигавшейся в пороховницу. Сверху мерка затыкалась деревянной пробкой»²⁵.

В маленьких пороховницах-натрусках хранили высококачественный, затравочный порох (гынжей), который насыпали на полку ружья или пистолета. Натруски (гынжейтегъащхьэ) имели форму рожка, более редкой была круглая форма. Они делались из рога, кости, дерева, в более редких случаях целиком из серебра. Натруски оправлялись в серебро, которое украшалось гравировкой и чернью. Сбоку они имели устройство, представлявшее собой рычаг, верхнее плечо которого имело пружину. Пружина надавливала на плечо рычага, заканчивавшееся крышкой, закрывавшей отверстие натруски²⁶. Натруска хранилась в одном из двух нагрудных карманов (бгъэгущтальэ), располагавшихся ниже газырниц. Эти карманы на черкеске делались внутренними или нашивными. У некоторых натрусок имелось кольцо, к которому прикреплялся шелковый шнурок, другой конец которого в виде петли одевался через голову на шею. Это делалось во избежание ее утери, особенно при заряжании и стрельбе на скаку.

Пули и пыжи хранились в специальном кожаном кисете (шалъэ) висевшем на поясе. Так как ружья изготавливались разных калибров, пули отливались вручную индивидуально для каждого ружья. Для этого существовали пулелейки, некоторые из них в форме двух пластинок, носимых на поясе²⁷. В основном пули были свинцовые (бдзамцІэшэ), но в фольклоре есть упоминания и об оловянных (дзэхушэ), каменных (мывэишэ) и даже самшитовых (чэщеишэ) пулях. Употребление последних двух происходило, по-видимому, в экстренных, крайних случаях, когда заканчивался запас обычных свинцовых пуль. В этом плане примечателен случай, имевший место в 1770 году во время захвата Астрахани войсками Степана Разина. Вот как он описывается: «Астрахань была взята, но еще оборонялась одна из кремлевских башен, где засел Казан-бек с 12 черкесами из числа подвластных князя Каспулата*. Они отказались сдаться, отбивали приступ за приступом и, когда не стало свинцу, заряжали ружья серебряными деньгами, но, наконец вышли и деньги и порох. Тогда Казан-бек приказал растворить ворота, и черкесы с кинжалами в руках ворвались в толпы неприятеля... и все пали героями, не помышляя о сдаче 28 .

Для ухода за ружьем инструментами служили отвертка, иголка для прочистки затравного отверстия, шомпол (шэехух), жирница (щальэ). Шомпол представлял собой деревянный прут с металлическим наконечником и вставлялся в специальное

^{*} Кабардинский князь из рода Идаровых Каспулат Муцалович во второй половине XVI века состоял на русской службе. Черкесы, оказавшиеся в это время в Астрахани, находились там по служебным делам.

отверстие в ложе ружья. Жирница — металлическая коробочка с гусиным жиром, носимая на поясе. Обычно они украшены серебром с чернью и гравировкой. Жир, находящийся в ней, использовался для смазки и чистки ружья. Иголку для прочистки затравного отверстия прикрепляли на серебряной цепочке у казенной части и вставляли в специально сделанное для нее отверстие у основания ложи.

«Одним из главных занятий черкесов, – сообщает И. Бларамберг, – является чистка и приведение в боевой порядок оружия; поэтому оружие у них всегда чистое и сверкающее»²⁹. Т. Лапинский в связи с этим отмечал: «Адыг любит свое оружие больше всего на свете и кладет на его сохранение больше забот, чем на свою собственную персону. Его оружие всегда находится в таком блестящем состоянии, что самый лучший европейский солдат может взять с него пример»³⁰.

Пистолет (фочк**1эш**). Этот вид огнестрельного оружия также был широко распространен среди черкесов, особенно у представителей феодальной аристократии. «Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах», — писал Хан-Гирей³¹.

Пистолеты, по мнению специалистов, пришли на Кавказ с Запада. К производству собственных пистолетов в Черкесии приступили не ранее XVIII века³². По длине они такие же, что и европейские кавалерийские пистолеты, но намного легче³³. Для них характерна тонкая деревянная ложа, оклеенная черной ослиной кожей, тонкие рукоятки заканчиваются костяным, несколько сплюснутым сверху и снизу шариком. К рукояти пистолета прикреплялся шнур (кІэрахъуэпс), который носился на шее, для щегольства. Эти шнуры изготовляли девушки для подарка молодым мужчинам³⁴.

Часто носили по два пистолета: один в кобуре на левом боку рукоятью вперед, а другой за спиной, заткнутый за пояс. Кобура для пистолета (хъумпІырэ) изготавливалась девушками. Затвор у пистолетов был кремниевый, аналогичный ружейному, но меньших размеров, причем он устроен таким образом, «чтобы можно было выстрелить легче и удобнее левой рукой, чем правой»³⁵.

По свидетельству Т. Лапинского дальность выстрела и прицельная точность черкесского пистолета были очень посредственны, и поэтому он считался оружием ближнего боя. Черкес «пользуется пистолетом, из которого он стреляет левой рукой, в сражении только на близком расстоянии, когда он обнажил саблю или кама»³⁶.

При широком распространении огнестрельного оружия и военном укладе жизни потребление пороха в Черкесии было чрезвычайным³⁷. Черкесы умели сами изготавливать порох и, как сообщает Т. Лапинский, «большое число семейств занимается исключительно изготовлением пороха и получает от этого значительную прибыль»³⁸. Количество производимого пороха никогда не покрывало потребности в нем, поэтому порох в большом количестве импортировался в Черкесию из Крыма и Турции³⁹.

Шашка. Описывая этот вид холодного оружия Ф.Ф. Торнау сообщает: «Это последнее, любимое и самое страшное черкесское оружие состоит из сабельной полосы, в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах, с рукояткою без защиты для руки. Шашка черкеса остра, как бритва, и употребляется им только для удара, а не для защиты; удары шашки большей частью бывают смертельны»⁴⁰.

Шашка — сравнительно молодой вид оружия. Создателями шашки являются черкесы XVIII века. Само слово «шашка» происходит от ее черкесского названия «сэшхуэ» означающее большой нож⁴¹. Со второй половины XVIII в. шашка стала постепенно вытеснять черкесскую саблю. Это было по нашему мнению связано с широким распространением в Черкесии нарезных кремниевых ружей и падением защитных функций кольчуг, которые кремниевые ружья легко пробивали на расстоянии. Длинная черкесская сабля со штыковым граненым концом была

хорошо приспособлена как для рубки, так и для пробивания кольчужного доспеха. С появлением нарезного оружия защитные доспехи и предназначенные для их поражения длинные черкесские сабли стали постепенно выходить из обихода, а их ношение стало носить парадный характер, призванный обозначать высокий статус их владельцев.

Шашка имела ряд конструктивных особенностей, отличавших ее от черкесской сабли. Прежде всего, это меньший изгиб клинка, но, несмотря на это, как отмечал Хан-Гирей, «шашкою неудобно колоть, а только можно рубить»⁴². Возможно, как считают некоторые исследователи, это связано с тем, что у шашки отсутствует защитная крестовина на рукояти — гарда. «Этим смелым решением был уменьшен вес оружия на 1/6, 1/5 часть, кроме того, что немаловажно для рубящих клинков, данное изменение передвинуло центр тяжести вперед»⁴³.

Шашка короче и легче сабли. Средняя длина клинка шашки -72-76 см, средняя длина клинка черкесской сабли 95-106 см. Согласно кабардинской формуле «шашка должна быть легкая как перо, упругая как лоза, острая как бритва. Кто носит тяжелую шашку, тот не надеется на умение» 44 .

Шашку носили в деревянных, обтянутых сафьяном ножнах, на левом боку лезвием вверх, при этом она была утоплена в ножнах по самую головку рукояти. «Вероятно, — как считает X.X. Яхтанигов, — это подсказано желанием компактности, а возможно, и необходимостью сохранить дорогую обделку, подразумевавшую и некую конспиративность из-за блеска» 45.

В изготовлении ножен принимали участие и женщины, украшавшие их накладками из кожи, серебряным и золотым галуном. Обоймицы делались металлические, оправленные в серебро с гравировкой и чернью ⁴⁶. Было два способа ношения шашки: на поясной и на плечевой портупее. К кожаной поясной или плечевой портупее делался набор из серебряных бляшек. Серебром украшалась также рукоять шашки. Если она была деревянная, то сверху ее обкладывали серебряными пластинами, украшенными чернью и гравировкой. Если же рукоять делалась из цельного куска черного рога, то серебро не применялось. Вообще, как отмечают специалисты, «серебро в черкесских шашках использовалось довольно экономно – на рукоять и две узкие обоймицы, а также бляшки портупеи» ⁴⁷.

Еще одной особенностью шашки является наличие сверху на головке рукояти клинообразного выреза, который разделяет ее на две половины – уши. Это так называемый раструб (адыгейск. къэкlэбзэжь).

Боевые свойства шашки определялись помимо конструктивных особенностей качеством ее клинка. Клинки довольно высокого качества производились как местными мастерами, так и завозились из Европы (немецкие, итальянские, венгерские, польские). При этом некоторые изделия местных кавказских мастеров не только не уступали старым европейским клинкам, но даже превосходили их. В.А. Потто писал: «Восточное оружие издревле славилось в Европе, но с тех пор, как русские начали войну на Кавказе, стали приобретать известность черкесские шашки, удары которых, нередко перерубавшие ружейные стволы и даже рассекавшие панцыри, приводили всех в изумление»⁴⁸.

Конечно, обладателем оружия такого высокого качества как, например, «гурда» или знаменитые «волчки» (хьэдзэгъей) и в то время был довольно ограниченный круг лиц. В наше же время такие клинки стали предметом легенд, их нет даже в большинстве музеев⁴⁹.

Сабля колчанная (джатэ). Этот вид холодного оружия, по-видимому, не входил в число обязательного элемента в комплексе вооружения черкесского воина. О ней упоминает Хан-Гирей: «Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить»⁵⁰.

Так называемая «колчанная сабля» могла носиться не только при колчане, но и крепиться к седлу. Об этом сообщает Д. Кук, свидетельство которого относится к 40-м годам XVIII века. «Когда они сидят на лошади, – писал он о кабардинцах, – у них к седлу прикреплена сабля под левым бедром, а другая висит у левого бока»⁵¹.

Кинжал (**къамэ**). Кинжал является обязательным элементом, частью национального костюма черкесов. Хан-Гирей в связи с этим отмечал: «Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности, у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следственно, он вечно вооружен» ⁵². Г.Н. Прозрителев выделял два вида черкесских кинжалов: небольшой узкий кабардинский и короткий, широкий шапсугский ⁵³.

Кинжал — чисто боевое оружие и он не применялся, как пишут об этом некоторые, для приема пищи⁵⁴. Для этого использовался специальный, небольших размеров подкинжальный ножичек (къамэщІэгъысэ). Он хранился в углублении, карманчике, сделанном с внутренней стороны кинжальных ножен⁵⁵. Кроме того, черкесы носили на поясе сзади, на правом боку так называемый «черкесский нож» (адыгэсэ). Его особенностью, кроме формы рукояти и лезвия, было то, что он, как и шашка утапливался в ножнах вместе с рукоятью. В настоящее время ножи такого типа продолжают носить абхазские старики.

Оборонительное оружие

Черкесский защитный доспех состоял из шлема, кольчуги, налокотников, кольчужных перчаток или наручей.

Шлем. Шлемы изготавливались двух видов: высокие (таж) и низкие (жыпхъэ или кІыпхъэ)⁵⁶. Таж представляет собой высокий конический железный шлем, склепанный из двух половинок. К верхушке шлема прикреплено кольцо, в котором закреплялся флажок из красного сафьяна, украшенный вышитым узором и галуном (шыкъу). К ободу шлема закреплена кольчужная сетка. Она закрывает половину лица и ниспадает на плечи поверх кольчуги, создавая дополнительную защиту. Спереди кольчужная сетка шлема застегивалась на крючок под подбородком. Шлем украшался накладными серебряными пластинами с гравировкой и чернью⁵⁷.

Второй вид шлема – жыпха или чыпха, отличался простотой устройства. Его основной корпус защищал темя, сетка защищала шею, височные части и щеки⁵⁸.

«Особенностью черкесского шлема является отсутствие защитного приспособления для лица — носовой стрелки. Вместо нее используется кольчужная сетка, закрывающая половину лица. Бармица черкесских шлемов длинная, прикрывающая плечи» 59 .

Панцирь (афэ) и кольчуга (афэ джанэ). Исследователь кавказского оружия Э. Аствацатурян дает им следующее определение: «Кольчуга или панцирь — это защитный доспех, сплетенный из колец. В источниках нет твердого различия между понятиями кольчуга и панцирь. Однако исследователь защитного вооружения Н.В. Гордеев предлагает различать их по способу крепления кольца — в кольчуге «на гвоздь», в панцире «на шип». Крепление «на гвоздь» состоит в том, что расплющенные концы согнутого в колечко отрезка проволочки с пробитыми отверстиями соединяют гвоздиком, проходящим в оба отверстия, концы которого расклепывают по обе стороны кольца. Крепление «на шип» заключается в том, что в одно из отверстий укрепляют конической формы шип, на его острие накладывают отверстие второго конца проволочки и расплющивают шип.

При этой технике головка образуется лишь на одной стороне кольца, другая остается гладкой и на ней иногда видно место крепления шипа. Благодаря тому, что одна сторона кольца гладкая, панцири меньше рвут надеваемую под них одежду, чем кольчуги. Все панцири одинарного плетения, то есть каждое кольцо

захватывает четыре других. Кольца у панцырей меньшего размера, чем у кольчуг, и панцири легче их»⁶⁰. «Кольца всех черкесских панцырей клепаны «на шип» в горячем состоянии, так как в месте склепки видна сварка металла, вследствие чего кольца совершенно невозможно разъединить. Техника плетения и крепления колец, «по оценке Н.В. Гордеева, первоклассная»⁶¹. Черкесские панцири легкие (от 3,390 до 4,920 кг) и удивительно прочные.

До появления нарезного оружия и патронов лучшие образцы черкесских кольчуг были непроницаемы для пуль. Говоря о лучших образцах черкесских кольчуг, русский военный историк В.А. Потто писал: «Эти кольчуги представляют теперь археологическую редкость, их можно видеть только в музеях, и, кажется, самый секрет их бесподобной выделки утрачен навеки. Подобный трехкольчужный панцирь, представляющий собой мелкую сетку, легко укладывается весь на ладони и весит не больше пяти-шести фунтов, но надетый на голову и плечи, он образует как бы литую массу, которую можно было пробить разве штыком или пикой, но никак не употребляющейся тогда круглой пулей. На Кавказе, впрочем, существовал особый сорт шашек, называемый гурда, закалка которых приспособлялась именно для рубки этих знаменитых панцирей, но зато же настоящая гурда, — а их много было поддельных, — и ценилась на вес чистого золота» 62.

Производство таких кольчуг было делом трудоемким и занимало много времени. По подсчетам специалистов в кольчуге могло находиться до 25-ти тысяч колец. На изготовление одной кольчуги или панцыря уходило до 6000 тысяч часов труда мастера 63 . Естественно, что такие кольчуги высокого качества стоили очень дорого. Хан-Гирей, например, упоминает кольчугу, за которую было уплачено 30 душ крепостных обоего пола 64 .

Кольчуги и панцири были непременной частью защитного вооружения знати. Д. Интериано писал в XV веке о черкесах, что их знать никогда не расстается со своими доспехами. «Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» 65. Как свидетельствуют источники, спустя и 300 лет, жизнь черкесов мало изменилась. Так, в «Описании кабардинского народа», сделанном в 1748 году, сообщается: «Да и все владельцы кабардинские один от другого всегда опасается убийства и для предосторожности от того и по ночам спят в панцирях» 66. По свидетельству многих авторов при покупке кольчуги, она проверялась на прочность. «Чтобы их испробовать, их кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается», – сообщает Г.Ю. Клапрот 67.

Под кольчугу одевалась специальная одежда — подкольчужник (тэджэлей). Это достаточно плотная, стеганная на вате куртка. Говоря об ее предназначении, И. Бларамберг сообщает: «Во время военных действий они надевают под кольчугу ватную одежду, благодаря упругости которой пули отскакивают еще лучше» 68. Для носящих кольчугу воинов шилась специальная верхняя одежда типа кафтана. Они шились распашными из дорогих, обычно красного цвета, тканей. Такую одежду мы видим на офицере из лейбгвардии кавказско-горского полуэскадрона , изображенного на рисунке Г.Г. Гагарина. Боевая куртка, одеваемая поверх кольчуги, называлась танжьедед 69.

Из всех областей Черкесии лучшие панцири производились в Кабарде и кабардинцы лучше остальных были оснащены этим видом защитного вооружения⁷⁰. Согласно историческим источникам кабардинцы в XVIII веке могли выставить не менее 5 тысяч «панцирников». Так, в одном из них, датируемом за 1743 год,

^{*} Это воинское подразделение выполняло функцию личного конвоя (охраны) русских императоров. В нем по очереди проходили службу представители аристократии народов Северного Кавказа. Был сформирован в 1828 году в царствование императора Николая I и расформирован в 1882 году по указу императора Александра III.

сообщается: «Ныне в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим 3 тысячи человек. А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца, да и панциря редкой человек не имеет»⁷¹.

В XVII веке русское правительство выписывало из Кабарды в Москву «черкас панцирного дела, сварщиков самых добрых мастеров»⁷². Черкесские панцири ценились и в Персии, куда они вывозились кабардинскими князьями в качестве подарков персидскому шаху. В 1595 году шах Абасс, показывая русскому послу князю Андрею Звенигородскому разное оружие, сказал: «А пансыри добрые выходят к нам из Черкас»⁷³. В то же время известно, что в Черкесию в большом количестве завозились кольчуги из России, Дагестана, Турции, Персии и Абхазии. Возникает вопрос: почему черкесы завозили панцири, если они могли их сами изготовлять, причем высокого качества? Дело в том, что черкесские панцири стоили дорого и производились в небольшом количестве. Основу военного и политического могущества князей составляли находящиеся в вассальной зависимости от них дворяне. При установлении вассальных отношений князья выдавали им так называемый «дворянский подарок» (уэркъ тын). По обычаю, панцирь входил в число обязательных предметов, составляющих уорк тын. Но материальные возможности князей не были безграничны, поэтому они стремились приобретать в других местах эти панцири, пусть и не такого высокого качества, но по меньшей стоимости. Кроме того кольчуга входила в состав «цены невесты» (нысэ уасэ) уплачиваемой при женитьбе, а также «цены крови» (лъы уасэ) при выплате штрафов за убийство.

Секрет изготовления черкесской кольчуги был утерян, как считает X.X. Яхтанигов, еще в начале XVIII века. Поэтому ее более поздние образцы по качеству весьма далеки от предыдущих 74 .

Налокотники (еущэджий). Налокотники предназначались для защиты рук от ударов клинка и закрывали их от кисти до локтя. «Черкесская принадлежность налокотников определяется их формой и украшением: главная пластина неглубока и прикрепляется к руке при помощи еще двух небольших пластинок, скрепленных «кольчужными колечками и застежками». Поверхность налокотников «иногда украшали гравировкой или позолотой с надписями, и по краям налокотников около запястья располагались серебряные накладки, поверхность которых покрывалась черновым и гравированным орнаментом и надписями»⁷⁵.

Кольчужные перчатки (афэІэльэ) и наручи (ІэщІтель). Продолжением налокотников являлись кольчужные перчатки или наручи. Последние были более распространены. Хан-Гирей называет их «наручники», подчеркивая их отличие от перчаток. Черкесские наручи — это кусок кожи определенной формы на который нашита кольчужная сетка. Они накладывались кольчужной сеткой кверху на внешнюю сторону кисти и крепились со стороны ладони с помощью кожаных шнуров. Раструбы, как сообщает Хан-Гирей, заправлялись под налокотник⁷⁶. Таким образом, черкесские наручи защищали кисти рук и пальцы только с внешней стороны. Зато у них было перед настоящими кольчужными перчатками то преимущество, что их было легче снимать и надевать, а также то, что воин лучше «чувствовал» оружие и оно лучше «сидело» в его голой со стороны ладони руке. Они изготавливались из красного или черного сафьяна. По краям обшивались галуном, вытканным из золотых или серебряных нитей. Посредине вышивали золотом или серебром закрученные рога или другой, характерный для черкесского орнамента, мотив.

Изготавливали и вышивали наручи женщины⁷⁷. Хотя черкесов «... особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны и к богатому украшению оружия. Их сабли (шашки), кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и т.д. покрыты украшениями из серебра и золота превосходной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами» – сообщает И. Бларамберг⁷⁸.

В отделке и украшении оружия мастера серебряных дел старались удовлетворить своеобразному эстетическому вкусу черкесов, не терпевшему ничего пестрого, яркого, ценившего во всем чувство меры. Хан-Гирей отмечал: «Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружия более богатые, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите... Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят»⁷⁹.

Основной фон черкесского оружия темный. Это, по мнению некоторых исследователей, не случайно. Густая чернь, украшавшая оружие, «помимо своего художественного назначения, была призвана иметь и самое практическое назначение — приглушать, дабы, как говорили запорожские казаки, «вражеское око на ясной сбруе не играло». Сами казаки для этой цели окунали ружья в воду, чтобы перед походом они покрылись ржавчиной» 80.

Не прихоть руководила военными вкусами черкесов, но они складывались столетиями и вытекали из их образа жизни, особенностей быта. Хан-Гирей отмечал в связи с этим: «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала... искусство их во всем, что касается до оружия: вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной, с удобностию для употребления»⁸¹.

Примечания

- 1. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 227.
- 2. *Аствацатурян* Э. Оружие народов Кавказа. История оружия. Москва–Нальчик. Хобикнига. Эль-ФА, 1995. С. 39.
- 3. Интериано Дж. Быт истрана зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. С. 51.
- 4. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 3 об.
 - 5. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // АБКИЕА. С. 197.
- 6. *Бларамберг И*. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, 1992. С. 65.
- 7. *Потоцкий Я*. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. С. 227.
- 8. *Челеби Э*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Повольжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 59.
 - 9. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 39.
 - 10. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 227–228.
 - 11. Там же. С. 227.
 - 12. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 39.
 - 13. Там же. С. 10.
- 14. *Мотре А*. Путешествия господина А. де ля Мотре в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. С. 124.
 - 15. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 10.
 - 16. Яхтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984. С. 23.

- 17. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 139.
 - 18. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 228.
- 19. Белл Джс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 гг. // АБКИЕА. C. 499.
 - 20. Лапинский Т. Указ. соч. С. 39.
- 21. Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. С. 15-16.
 - 22. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 333.
 - 23. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 26.
- 24. Андреева А. Из глубины далеких лет // Нарты. Общеадыгская газета. Нальчик, 1996. Март-апрель. С. 14.
 - 25. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 51.
 - 26. Там же.
 - 27. Там же.
- 28. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991. Т. 1. C. 84.
 - 29. Бларамберг И. Указ. соч. С. 65.
 - 30. Лапинский Т. Указ. соч. С. 141.
 - 31. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 228.
 - 32. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 46.
 - 33. Лапинский Т. Указ. соч. С. 140.
 - 34. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 49-50.
 - 35. Лапинский Т. Указ. соч. С. 140.
 - 36. Там же.
 - 37. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 249.

 - 38. *Лапинский Т.* Указ. соч. С. 61. 39. *Пейсонель К.* Указ. соч. С. 194.
 - 40. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 16
 - 41. Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 874.
 - 42. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 228.
 - 43. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 30.
 - 44. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 30.
 - 45. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 30.
 - 46. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 34.
 - 47. Там же. С. 35.
 - 48. Потто В.А. Кавказская война. Т. 4. С. 544.
 - 49. Яхтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. С. 31.
 - 50. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 228.
- 51. Кук Дж. Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части персидского королевства // АБКИЕА. С. 178.
 - 52. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 228.
 - 53. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 36.
 - 54. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // АБКИЕА. С. 535.
 - 55. ЩІэнгъуазэ. Налшык, 1991. № 12. Декабрь. Н. 7.
 - 56. Яхтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. С. 38.
 - 57. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 52.
 - 58. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 38.
 - 59. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 52.
 - 60. Там же.
 - 61. Там же. С. 54.
 - 62. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 592.
 - 63. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 16.
 - 64. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 231.
 - 65. Интериано Дж. Указ. соч. С. 49.
- 66. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. документы и материалы в двух томах. М., 1952. Т. 2. С. 159.

- 67. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. // АБКИЕА. С. 266.
 - 68. Бларамберг И. Указ. соч. С. 30.
 - 69. Фольклор адыгов. Нальчик, 1988. С. 34.
- 70. *Монпере де Ф.Д.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым // АБКИЕА. С. 442.
- 71. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. документы и материалы в двух томах. М., 1952. Т. 2. С. 158.
- 72. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. документы и материалы в двух томах. М., 1952. Т. 1. С. 322.
 - 73. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 53.
 - 74. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 7.
 - 75. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 54.
 - 76. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 229.
 - 77. Аствацатурян Э. Указ. соч. С. 54.
 - 78. Бларамберг И. Указ. соч. С. 66.
 - 79. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 248-249.
 - 80. Яхтанигов Х.Х. Указ. соч. С. 41.
 - 81. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 250.

A.S. Mirzoev

OFFENSIVE AND DEFENSIVE ARMS OF THE CIRCASSIANS IN THE SECOND HALF OF THE XVIIIth – EARLY XIX CENTURIES

The article is devoted to the Circassian warriors weapons complex in the second half of the XVIIIth – early XIXth centuries, including offensive and defensive weapons.

Keywords: weapons complex, offensive and defensive weapons.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 316.77

Г.Д. Базиева

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Динамичные процессы трансформации национального медиапространства повышают роль национальных СМИ в системе межкультурных и межэтнических коммуникаций, направленных на позитивную стратегию социокультурного развития в полиэтничном пространстве РФ. В статье рассматриваются основные направления деятельности национальных СМИ по развитию коммуникативных стратегий в контексте региональных особенностей и модернизации информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

Ключевые слова: информационное пространство, межкультурные коммуникации, социокультурная идентичность, модернизация, телевидение, Кабардино-Балкария.

Расширение информационного и коммуникативного пространства имеет разнообразные последствия: как положительные (доступность и удобство получения любой информации в любом конце света), так и отрицательные (захламление информационного поля, средства массовой информации и интернет часто используются в целях манипулирования общественным мнением и др.). В этой связи повышается роль национальных СМИ в формировании политической и нравственной культуры, этнической и гражданской идентичности, в пропаганде культуры межнациональных отношений, в создании положительных образов государств, регионов, народов. Актуальность темы продиктована важной ролью СМИ в современном обществе, необходимостью повышения уровня развития СМИ, обеспечивающих регулярность и тиражирование информации на определенной территории и являющихся мощным механизмом воздействия на массовую аудиторию.

Л.В. Матвеева справедливо отмечает, что «роль СМИ как системы обеспечения информационного пространства социальных международных коммуникаций состоит в формировании активного и конструктивного диалога всех социальных слоев общества с учетом их этнокультурных особенностей. СМИ может стать организатором, модератором и режиссером таких диалогов. Для эффективного участия отечественных СМИ в международных социальных коммуникациях необходимо способствовать восстановлению национальной идентичности населения нашей страны через возвращение исторической памяти, актуализацию краеведческой, антропологической, этнокультурологической и собственно исторической работы, которая отражалась бы в информационных продуктах»¹.

СМИ выполняют целый ряд функций: политической и социальной ориентации, эстетического и научно-популярного образования, пропаганды национальных ценностей, воспитания культуры межнациональных отношений и др. Но, как отмечают В. Пантин и И. Семененко, СМИ нередко формируют «искаженные образы и самих себя, и людей других национальностей; это ведет к усилению негативной идентификации по отношению к «чужим», которые якобы принципиально отличаются от «своих» (от «нас»). В то же время встречные потоки

информации и дезинформации («частичной», односторонней информации), двойные стандарты, доминирование на телевизионных экранах худших образцов «массовой культуры» и т.п. часто дезориентируют человека, разрушают его внутренний мир и те основы необходимой солидарности с другими людьми, без которых невозможно ни формирование гражданского общества, ни складывание устойчивой национально-цивилизационной идентичности»².

Существует целый спектр дисциплинарных и междисциплинарных подходов к изучению СМИ: философский, теоретико-журналистский, юридический, филологический, исторический, культурологический и др. В данной статье мы используем комплексный культурологический подход, в рамках которого рассматриваем контент СМИ как национальную продукцию, формирующую этническое, национальное и гражданское самосознание общества. Система межкультурных коммуникаций также «актуализирует проблемы формирования всех видов идентичности (индивидуальной и коллективной, этнической и гражданской)»³.

Российские исследователи подчеркивают смысловую многомерность понятия «идентичность»: это и *тождественность* (как соотнесение и отождествление с определенным кругом понятий), и *подлинность* (в смысле характеристики подлинного, а не мнимого содержания), и *индивидуальность* (в применении к характеристике ярко выраженных личностных качеств). В таком множественном толковании заложены и возможности для многомерной интерпретации феномена идентичности: как совокупности индивидуальных личностных качеств; как общей системы ориентиров, предпочтений, ценностей и мотиваций; как результата соотнесения (идентификации), выявляющей индивидуальные (личностные) характеристики и общие (групповые) качества. Совокупность этих составляющих (качественных характеристик и процесса их выявления) можно определить как «социокультурную идентичность» – представление человека о себе и своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями⁴.

Если этническую идентичность формируют публикации и передачи на родном языке по традиционной культуре, народной педагогике, истории, материалы о выдающихся национальных представителях в различных общественных сферах и др., то социокультурная идентичность развивается только в системе межкультурных (как массовых, так и межличностных) коммуникаций.

В настоящий период в Кабардино-Балкарии выходит в свет более 50 печатных изданий (из них на русском – 46 изданий, на кабардинском языке (либо включают в себя материалы на кабардинском) – 23 издания, на балкарском (либо включают в себя материалы на балкарском) – 17, на английском – 4, французском – 1, арабском – 3, турецком – 3, иврите – 1, татском – 1). Работают две радиотелевизионных компании: ОАО «Общественная радиотелевизионная компания «Нальчик», ФГУП «Кабардино-Балкарская телевизионная и радиовещательная компания Каббалктелерадио» (дочернее предприятие ВГТРК) и одна телевизионная: ГКУ «Вещательный телевизионный канал «Кабардино-Балкария». В компании «Каббалктелерадио» работают студии телепрограмм на русском, кабардинском и балкарском языках и главные редакции радиовещания (также на трех языках).

С 2014 г. в Кабардино-Балкарии транслируется в полном объеме первый мультиплекс – 10 бесплатных каналов. Подачу сигнала даже в самых отдаленных населенных пунктах сотрудники РТПЦ могут отслеживать прямо из Нальчика. В современный период идут процессы трансформации СМИ (печати, телевидения и компьютерной коммуникации) на основе цифровых технологий в глобальной сети масс-медиа. Приоритетным направлением деятельности региональных СМИ являются информационно-аналитические и культурно-образовательные

программы, а также программы по искусству и культуре на языках народов, проживающих в регионе. Как отмечает В.Н. Бузин, «для региональных полновещающих телеканалов огромное значение имеют постоянные популярные рубрики, которые ассоциируются с образом телеканала. Отказ от этих программ ведет к потере аудитории. Огромное значение для популярности канала имеет жанровое разнообразие сетки, документальное кино и познавательное вещание»⁵.

29-30 мая 2007 года в Кабардино-Балкарии был проведен круглый стол «Межнациональный диалог в России в зеркале СМИ». В выступлении зам. председателя Парламента КБР Л. Федченко было отмечено, что в последние годы обязанности по развитию национальной культуры были возложены на субъекты. Однако, различные субъекты РФ находятся в разных социально-экономических условиях. Для КБР следствием принятия данного положения «является свертывание программ, направленных на развитие национальных языков, национальной литературы и культуры этнических народов: языки и литература коренных народов вытесняются из образовательных программ, издание художественных произведений на этих языках становится все более проблематичным, телевизионные передачи на языках коренного населения сведены к минимуму. Так, при общем сокращении вещания в Кабардино-Балкарском филиале ВГТРК по сравнению с 2003 годом в 1,7 раза продолжительность вещания программ культурно-просветительского, научно-познавательного, публицистического, художественного и развлекательного характера в Кабардино-Балкарском филиале ВГТРК сократилась в 3 раза, в том числе на кабардинском и балкарском языках в 2,4 раза, при этом работа Кабардино-Балкарского филиала ВГТРК переведена на режим информационных новостей»⁶.

В настоящий период в работе республиканского телевидения произошел ряд изменений, касающихся как формата передач, так и их тематики. Информационный канал ВГТРК значительно расширил свое вещание, кроме информационных выпусков по каналу транслируются завоевавшие зрительские симпатии телепередачи «Знак вопроса» с Людмилой Казанчевой в прямом эфире (выходит по понедельникам), «Личность и время» (на балк. яз.), «Вчера, сегодня, завтра...» (на каб. яз.), молодежный телевизионный журнал «Твой мир», передача «Семейный альбом», посвященная сохранению семейных ценностей, литературно-художественная передача «Экология литературы», познавательная передача «Вояж» об истории и культуре различных районов КБР, в рубрике «Ретро-ТВ» демонстрируются кинофильмы о Кабардино-Балкарии, телевизионные постановки госдрамтеатров КБР и др.)

В программе общественной телерадиокомпании «Нальчик» особенное значение занимают передачи, посвященные культуре народов, населяющих Кабардино-Балкарию. Большой популярностью пользуются передачи «Кунацкая», «Калейдоскоп», «Дружба», «О главном и не только», «Адыгский дом», «Ракурс», «Взгляните на лицо» и др., в которых поднимается целый комплекс проблем, связанный с современной жизнью Кабардино-Балкарии. Все программы транслируются на русском языке, что значительно расширяет аудиторию. Одним из учредителей телерадиокомпании является Кабардино-Балкарский фонд культуры, поэтому большинство программ носит культурно-просветительский характер. За последнее время были сняты такие телефильмы как «Выстрел за Вами, поручик» (о творчестве М. Лермонтова), «Черкешенка» (по поэме А.С. Пушкина «Кавказский пленник»), «Демон», «Измаил-бей» по произведениям М.Ю. Лермонтова и др. В цикле программы «Кавказ подо мною…» снимаются передачи, посвященные дружбе народов, населяющих республику.

Программы канала «1КБР» ориентированы на изучение истории и современности культурной жизни КБР как в прошлом, так и в настоящем («Письмена», «ЛИК» (литература, искусство, культура), «Родники», передача о выдающихся

деятелях республики «Время и личность», «Будущее в настоящем» (на русск. яз.), «Экология души», «Родной язык» (на каб. яз.), «Годы и песни», «Грани», «Устаз» (на балк. яз.); на пропаганду традиционных ценностей народов КБР «Корни и крона» (о родословных), «Семья», «Наследие», «Мой край», «Моя родословная», «Очаг» и др.) на кабардинском и балкарском языках. Широкой популярностью пользуются детские познавательно-развлекательные программы «Золотой ларец» (на каб. яз.) и «Билляча» (на балк. яз.), общественно-политическая телепередача «Эхо» (каб. яз.). Кроме регулярных передач, канал «1КБР» транслирует репортажи с различных фестивалей, конкурсов, демонстрирует телефильмы и постановки театров КБР. Каждая неделя завершается информационным выпуском «Республика: картина недели».

«Зрительские опросы на кабардино-балкарском телевидении показали, что, возвращаясь домой после работы, люди обычно включают телевизор и начинают искать среди 54-х доступных им каналов родной местный канал. Региональный канал, по мнению зрителей, является для них отдушиной, потому что он не наносит вред психическому состоянию и взрослой аудитории, и подрастающего поколения. Его можно смотреть всей семьей, не опасаясь того, что тебе покажут сцены, от которых отцу будет стыдно перед детьми или наоборот. Зрители отмечают, что «свой» канал помогает прикоснуться к чему-то дорогому, родному, доброму, чистому, светлому; дарит ощущение радости и вселяет оптимизм. Согласно опросу, это мнение касается преимущественно программ, посвященных истории и культуре народов, проживающих в Кабардино-Балкарии»⁷.

Огромное значение в работе республиканского телевидения придается пропаганде произведений национального искусства и литературы (литературные чтения и вечера, программы, посвященные творчеству выдающихся деятелей культуры и искусств, трансляции художественных фильмов и спектаклей по произведениям национальной прозы и драматургии и др.). Художественная практика последних лет свидетельствует о том, что взаимодействие жанров различных искусств весьма многообразно и несводимо лишь к художественному переводу, а также «перекодировке» произведения на язык другого вида искусства. Изучая фонд республиканского телевидения, С. Саральпова делает вывод о том, что «основным и постоянным элементом пластических символов канала является орнаментальное искусство». «В 60-80-е гг. это были бумажные статичные заставки с самыми простыми и доступными орнаментальными рисунками между передачами в студии, декорации которых тоже в большинстве случаев составляли вырезанные из картона и раскрашенные орнаменты различной величины. Сейчас это сложные орнаментальные композиции. Они выполнены на компьютере в динамике, соответствующей динамике мышления сегодняшнего зрителя. Основу всех заставок, отбивок и шапок большинства телепередач составляют орнаментальные рисунки»⁸. В современных художественных поисках возникает стремление расширить изобразительно-выразительный диапазон отдельных видов творчества за счет их обогащения художественными возможностями других искусств.

Кроме телевидения, другим доступным средством получения научно-познавательной и политической информации является радио. Анализ радиовещания разных лет позволяет выделить такие изменения в структуре современных вещательных программ как художественно организованное сообщение, расширение «зоны» художественно-постановочного вещания, программы начинают все более соответствовать современным требованиям. В работе Кабардино-Балкарского радио большое внимание уделяется радиосценировкам, литературным чтениям, религиозным вопросам, пропаганде лучших музыкальных достижений, а также истории и этикету народов КБР. Популярностью пользуются такие радиопередачи, как «Время, события, мнения», «Литературные чтения» «Откровенный

разговор», «Территория искусства», «Актуальная тема» (на русском языке), «Адыги: история и этикет», «Круг», «Спортивный радиосборник», «Религия и жизнь», «Радиотеатр», «Пшынальэ» (на кабардинском языке), «Тау эл» (для жителей села), «Наследие», спортивный радиосборник «Гюрен», общественно-политический журнал «Ауаз» («Голос») (на балкарском языке), «Моя Кабардино-Балкария» (на кабард. и балк. языках) и др.

16-18 апреля 2012 года в г. Пятигорске Национальной ассоциацией телерадиовещателей совместно с ВГТРК КБР при поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям была проведена конференция «Региональное телерадиовещание в многонациональном обществе». В рамках конференции состоялись круглые столы-тренинги, которые были проведены ведущими специалистами медиа-отрасли. В них приняли участие представители органов власти всех уровней, федеральных и региональных телерадиокомпаний СКФО и ЮФО, специалисты в области этнополитологии, представители духовенства. На обсуждение участников конференции были вынесены следующие вопросы: обеспечение неконфликтного, гармоничного взаимодействия различных культур и этнических групп в СМИ; необходимость повышения эффективности участия региональных вещателей в проведении анализа и решении концептуальных вопросов развития отрасли; профессиональное развитие в таких сегментах, как менеджмент, информационное вещание, программная концепция вещания. На конференции было отмечено, что многоязычное телерадиовещание – это требование времени, способствующее сохранению этнокультурного пространства в республиках России, формированию культурно и духовно развитой аудитории.

Проблемы в национальных СМИ осложнены рядом проблем: 1) снижение уровня владения родным языком среди лиц среднего и молодого поколений; 2) недостаточно высокий уровень профессиональной квалификации кадров, так как требования для работы в СМИ превосходят уровень подготовки педагогических кадров; 3) слабый приток молодых специалистов, успешно работающих как в русскоязычных, так и в национальных редакциях.

Национальные СМИ в современных условиях поставлены перед сложным выбором: полное дистанцирование от политических и конфессиональных вопросов невозможно, в то же время адекватный и беспристрастный анализ данных проблем затруднен в силу как объективных, так и субъективных причин, так как региональное медиапространство «наиболее подвержено управленческим воздействиям различного уровня» На заседаниях Общественно-консультативного совета при президенте КБР неоднократно подчеркивались такие негативные черты работы национальных СМИ как описательность, мажорность репортажей, недостаточность аналитических программ и публикаций» 10.

В настоящий период модернизации информационно-телекоммуникационной инфраструктуры стратегия развития национальных СМИ КБР основывается на таких факторах как креативность и инновационность. В этих целях создан самостоятельный Госкомитет по делам СМИ (2011), который контролирует медийную сферу. В рамках модернизации в Кабардино-Балкарии планируется круглосуточное вещание телевидения на трех языках: русском, кабардинском, балкарском. В соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» Государственным комитетом КБР по СМИ разработан проект «Стратегии развития государственных средств массовой информации КБР до 2017 года». Проект представляет собой комплекс экономических, организационных, технических и образовательных мер, направленных на развитие средств массовой информации КБР, что будет содействовать развитию положительного имиджа, росту конкурентоспособности и инвестиционной

привлекательности республики, обеспечению информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления, а следовательно — повышению качества жизни людей и решению значимых общественно-политических и социально-экономических проблем Кабардино-Балкарии.

В апреле 2014 г. руководители и творческие работники Ассоциации СМИ Северного Кавказа, осознавая свою особую ответственность за обеспечение объективного и конструктивного освещения всех сторон жизни регионов Северного Кавказа приняли «Кодекс СМИ Северного Кавказа», под которым подписались более 20 редакторов и директоров различных региональных средств массовой информации. Основные положения кодекса следующие:

- 1. Мы заинтересованы в процветании России как единой страны, а также регионов Северного Кавказа как неотъемлемой части общего демократического социального государства, и направляем на это свои усилия.
- 2. Мы солидарны в том, что существование различий в наших политических, социальных, религиозных, этических и эстетических взглядах неизбежно, однако оно не может препятствовать объединению в вопросах, касающихся общечеловеческих жизненных интересов, стратегических интересов России и ее многонационального народа.
- 3. Мы ощущаем нашу общую ответственность перед земляками за будущее Северного Кавказа и входящих в его состав субъектов Российской Федерации и обязуемся своей деятельностью поддерживать созидательные процессы на его территории.
- 4. Мы уважаем друг друга, обеспечивая совместную защиту прав журналистов Северного Кавказа.
- 5. Мы берем на себя ответственность за выражение и донесение до общественности консолидированной позиции журналистов Северного Кавказа по вопросам и проблемам, требующим формирования такой позиции.
- 6. Мы принимаем обязательства по неуклонному повышению качества соблюдения международных стандартов журналистской этики, объявляя о нетерпимом отношении ко всем формам и видам злоупотребления правом на свободу информации.
- 7. Мы открыты контактам к сотрудничеству со всеми, кто разделяет объявленные нами базовые принципы, и подчеркиваем, что участие в нашем движении никак не ограничивает прав и возможностей любого человека и любой организации¹¹.

«Кодекс СМИ Северного Кавказа» направлен на повышение качественного уровня освещения различных региональных проблем, на развитие массовых коммуникаций на основе культурного и информационного взаимообмена, а также журналистской этики (открытость, плюральность, ориентированность на общественную дискуссию и др.). Динамичные процессы значительной трансформации национального медиапространства, связанные с цифровизацией национального и регионального телевещания, распространением электронных СМК, повышают роль национальных СМИ в системе межкультурных и межэтнических коммуникаций, направленных на позитивную стратегию социокультурного развития в полиэтничном пространстве РФ.

Примечания

1. *Матвеева Л.В.* Позитивные и негативные черты СМИ как информационного ресурса в глобальном диалоге культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. Материалы к XI Международным Лихачевским научным чтениям, Санкт-Петербург, 12–13 мая 2011 г. Изд-во Санкт-Петербургского

Гуманитарного Университета профсоюзов Санкт-Петербург, 2011 // URL:http://www.lihachev.ru/pic/site/.../019 MatveevaLV.pdf (дата обращения: 13.05.14).

- 2. Пантин В.И., Семененко И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004 // URL:http://spkurdyamov.narod.ru (Дата обращения: 20.05.2012).
- 3. *Базиева Г.Д*. Межкультурные коммуникации и проблемы идентичности // Обсерватория культуры. 2013. № 2. С. 38.
 - 4. Пантин В.И., Семененко И.С. Указ. соч.
- 5. *Бузин В. Н.* Трансформационные процессы на региональном медиапространстве // Вестник ТюмГУ. 2011. № 8. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsionnye-protsessy-na-regionalnom-mediaprostranstve (Дата обращения: 03.07.2015).
- 6. Федченко Л. Межнациональный диалог в зеркале СМИ (Нальчик, 29–30 мая 2007 г.) // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 6 июня.
- 7. *Саральнова С. Б.* Народное творчество на телевидении: проблемы и возможности телережиссуры: На материалах телевидения Кабардино-Балкарии: диссертация ... кандидата искусствоведения. М., 2006. С. 15.
- 8. *Саральпова С*. Орнамент знаковая основа символ // Литературная Кабардино-Балкария. 2006. № 2. С. 215.
- 9. *Бузин В.Н.* Уровни управления российским медиапространством // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1 // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/urovni-upravleniya-rossiyskim-mediaprostranstvom (дата обращения: 02.03.2014).
- 10. *Тетуев А.И*. Межнациональный диалог культур как форма взаимодействия регионов и фактор консолидации народов России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов-н/Д., 2011. № 4. С. 114.
 - 11. Кабардино-Балкарская правда. 2014. 24 апр.

G.D. Bazieva

DIALOGUE OF CULTURES IN MASS-MEDIA

Dynamic processes of transformation of the national media space areenhanced the role of national media in the system of intercultural and interethnic communication aimed at positive strategy of socio-cultural development in polyethnic space of the Russian Federation. The article considers the main directions of activities of the national media development of communication strategies in the context of regional characteristics and modernization of information-telecommunication infrastructure.

Keywords: information space, cross-cultural communications, sociocultural identity, modernization, television, Kabardino-Balkaria.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.352.3'373.6

Н.Р. Иваноков, Б.Ч. Бижоев

АДЫГСКИЕ (ЧЕРКЕССКИЕ) ЭТИМОЛОГИИ

В статье по-новому раскрывается происхождение слов бэджэщ «шакал», бжьыдзэ «блоха», бадзэ «муха», бэгын «опухать», балыджэ «редис», уашъхъуэ «клянусь». В отличие от предшественников, авторы доказывают, что перечисленные слова являются исконно адыгскими, а некоторые из них заимствованы соседними народами.

Ключевые слова: этимология, убыхский, абазинский, осетинский, бжедугский диалект, адыгская форма, заимствование, хатты, небесный купол.

Бэджэшъ «шакал». Этимология этого слова дана А.К. Шагировым, который толкует его на материале абхазского, абазинского и убыхского языков. См.: «Как будто бы заимствовано из убыхского языка *бэгьэшъу* «шакал». На убыхском языке разъясняется как *багьэ* (ср. абаз. *бага* «лиса», абх. *а-бга* «шакал», «лисица», «волк» + уменьшительный суффикс -шъу»¹.

Неприемлемо. Неприемлемо, потому что осталось необъясненным, почему получили такое название все звери данной породы, поскольку автор не анализирует и не устанавливает, что значат формы а-бга, багь, Что касается уменьшительного суффикса -шъуы, следует сказать, что в бэгьэшъу не может быть такого суффикса, поскольку шакал не самое маленькое среди этих зверей животное, чтобы называться «лисой маленькой». Гораздо меньше шакала сама лиса. Ссылка на мышьэ для объяснения перехода -шьы в -шьуы не даст желаемого, так как мышьэ «медведь» в представлении адыгов один из самых крупных зверей и образовано его название с участием -шъ в значении «крупный». Значением «маленький» -шъуы в бэгьэшъу «шакал» автором наделяется, исходя из значения абхазской формы *а-бгыхъучІы* «шакал» из *а-бгы и хъуычІы* «маленький». В абхазском, где *а-бгы* обозначает и волка, такая форма не только возможна, но и нужна: форма а-быхъуычІы в абхазском буквально значит «маленький волк». С позиций абхазского языка форма «маленький волк» - это полноценная номинативная единица, но не с позиций убыхского или абазинского языков, где бэгьы выступает в значении «шакал», а бага в значении «лиса». Путем присоединения хъучІы к форме бага «лиса» нельзя образовать форму «маленькая лиса» как номинативную единицу. Для полноты этимологического анализа необходимо определить, что значит первая часть форм а-бгы, бага, бэгьэ в а-бгыхъуыычІа бэгэшъуы. Этого не сделано. Практически значение основной (первой) части не этимологизировано ни в одной из этих форм, что, в свою очередь, значит отсутствие этимологического анализа во всех формах, о которых идет здесь речь. Одно не подлежит сомнению: форма с одними и теми же составляющими не может обозначать три совершенно разных предмета. Все это сказано с той целью, чтобы показать, что к образованию адыгейского слова бэджэшъ не имеет никакого отношения ни одна из названных здесь абхазских форм. Сами абхазские формы, о которых шла речь, нуждаются в гораздо более глубоком анализе.

В адыгейском языке шакал называется словом $б ext{-}\partial \mathcal{M} ext{-}\omega \mathbf{b} \mathbf{b}$. Слово это сложное. Состоит из $f ext{-}\partial \mathcal{M} ext{-} \mathcal{M} ext{-}\omega \mathbf{b}$. Первая часть формы $f ext{-}\partial \mathcal{M} ext{-}\omega \mathbf{b} \mathbf{b}$ «шакал» — $f ext{-}\partial \mathcal{M} ext{-}\omega \mathbf{b}$

«лиса» – состоит из ба со значением «много» и джэ «двигаться», «перемещаться» (ср. джэрыуэн «ходить», «бродить») и значит «бродить, колесить». Форма, состоящая из названных составляющих, значит букв. «много перемещающийся», иначе «находящийся в постоянном движении в поисках пищи для себя и своих детеньшей». В этом значении – шъы выступает в таких формах, как шъэджашъ «крупный телом», мышъэ «медведь», букв. «крупный» и др. Форма бэджэшъы, состоящая из бадж «лиса»+ шъэ «крупный», значит «крупная лиса». Название свое бэджэшъы «шакал» получил по внешнему сходству с обычной лисой. Перебой шъэ/шъы связан со значениями «понятие о предмете» и «конкретный представитель этого понятия».

Бжыдзэ/бжыдз «блоха». Существуют разные мнения относительно значений составляющих форму *бжыдзэ/бжыдзэ*², но не существует ни одной работы, в которой устанавливается морфемный состав этой адыгской формы, определяется значение каждой составляющей и значение всей формы в целом. Ниже делается попытка произвести этимологический анализ данной формы в таком порядке, как это сказано выше.

Форма, о которой идет речь, состоит из фонем-морфем *б, жъы/жы, дзэ*. Морфема *б* в этой и многих других формах в начале слова непосредственно перед согласной фонемой выступает со значением «субъект признака или действия», обозначаемого словом, в котором она выступает. В этом значении она выступает, например, в словах *псэ* «душа», *псы* «вода», *бжъын/бжьыны* «лук». Морфема *жы* тот же корень, который функционирует в слове *жын* «рыгать» (в значении «испражняться»). Сочетание *бжы* в причастном значении значит «рыгающий». Морфема *дзэ* в *бжъыдзэ/бжыдзэ* значит «масса» (*жъуыгъ*), *бжыдзэ* — «масса рыгающих насекомых». Надо отметить, что нарыганное блохами доставляло женщинам немало хлопот: необходимо было для очистки одежды, постели, на которых оставили блохи свои следы, развести золу в воде и продержать их в течение двух часов и только потом стирать. Название свое блоха *бжъыдзэ/бжыдзэ* получила по характеризующему его признаку — «рыгающая беспрерывно» «*зэпыуэ имыГэу жырэдз*». Толкование дано в виде множественного числа.

Бадзэ «муха». Как это довольно часто делается у нас при этимологическом исследовании той или иной адыгской формы, анализ слова бадзэ «муха» начат с другого, в данном случае с осетинского, языка. По мнению Н. Трубецкого, форма бадзэ «муха» не адыгское слово, а осетинское. Доказывается это просто: адыгское слово бадзэ звучит похоже на осетинское слово бындзэ, бындза. П. Чарая же считает, что слово бадзэ «муха» родственно грузинскому buzi «муха» и мегр. bazi «большая муха», потому что они тоже звучат сходно с адыгским бадзэ «муха». корневой элемент ∂ 39; последний сопоставляется автором с абх. a- ∂ 3 «блоха», с дзэ в каб. бжъыдзэ, адыг. бжыдзэ «блоха», убых. дзэдэ «пчела», а также с материалом андо-дидойских языков»³. Окаменелый показатель класса вещей, на который ссылаются последнее время исследователи при установлении значения той или иной морфемы, на самом деле, как правило, оказывается в самих адыгских языках полноценной значимой единицей. Нет такого (окаменелого) аффикса и в анализируемой форме. Если Вы утверждаете, что есть, достаточно доказать, что он есть, и все станет на место. Морфема $\partial 39$ не может иметь значения блоха в форме бадзэ, потому что бадзэ ни с какой стороны не блоха, а наличие этого значения у формы бжъыдз/бжыдз не доказано автором. Неприемлемо сближение В.И. Абаевым формы бадзэ «муха» с немецким Віепе «пчела», потому что нельзя объяснять значение одного насекомого через значение другого насекомого из-за того только, что в них просматривается что-то общее в звучании.

А.К. Шагиров остановился на следующем: «По-видимому, следует согласиться с Ж. Дюмезилем, отвергающим мнение Трубецкого о заимствовании, считая слово

по происхождению символическим, экспрессивным». Сюда же Дюмезиль относит чеч. (чеч.-инг.) mosa «муха. Впрочем сопоставление с нахской лексемой см. еще у Месароша (P-Spr 227) см. также Осн.ист.-этнол.проблемы 42. В грузинском связь между buzi и звукоподражательной глагольной основой bzu «жужжать» представляется очевидной»⁴.

На адыгском материале этимология слова *бадзэ* «муха», на наш взгляд, выглядит следующим образом. Состоит анализируемая форма из двух основ – *ба* и *дзэ*. Первая (*ба*) – основа корневая. Исходная ее форма *бэн* в смысле *бэ хъуын* «размножиться» букв. «увеличиваться количественно». Корневая морфема *бэ* в причастном употреблении выступает здесь со значением «множащаяся». Вторая основа *дзэ* исходно значит «армия», здесь выступает в значении «масса» (*жъуыгъ*). Форма, состоящая из названных морфем, в целом значит «стремительно множащаяся масса» (*псынкІзу багьуэрэ жъуыгъ*).

Форма нуждается в дальнейшем изучении.

Бэгын «пухнуть», **«опухать»**. По А. Абдокову основа состоит из корневого элемента *ба* и суффикса, который он усматривает и в глаголе *гъуэгын* «громко плакать», «реветь». Корневую морфему автор сближает с убых. *пэ*-, ср. убых. *пэдэ* «пухнуть», «опухать»⁵. Б.Х. Балкаров сопоставляет *багы*- в целом с *абыгь*-, *абах*-«пухнуть», «опухнуть» в андийских языках⁶. Т.Е. Гудава предполагает сложную, но ныне не расчленяемую основу⁷.

Форма бэгын значит «опухать». Состоит из бэн «возвышаться», «подниматься вверх» и суффикса -гы со значением «процесс становления признака» и значит «возвышающийся». Существует и параллельная форма с той же идеей высота, возвышение, выступающая вместо бэ, которая обозначает конкретный предмет как представитель этого понятия, ср. «бэгын» «возвышаться», «подниматься вверх» и «абыхаз» «захребетный». См. аналогичные соотношения: жакІэ «борода», букв. «предмет следом («идущий») и уыжы конкретный «след», ср. пакІэм ккъымыхырэр жакІэм ккъымыхырэпп «чего не сделают усы, того уже никогда не сделает борода» др.

О других мнениях по поводу этимологии формы бэгын см. выше. Обращение Б.Х. Балкарова к андийским языкам, предположение Т.Е. Гудава о былой структуре формы бэгын, можно сказать, в порядке вещей в нашей компаративистике, но не только привлечение, но и замена А. Абдоковым адыгской формы бэгын убыхской формой nэд с тем же значением, что и у бэгын, объяснить невозможно.

Балыдж, бэлылжэ/бэлыдж «редька», «редис» — в шапсугском *бэлыгь* с *гь* (вместо *дж*) возможно и в кабардинском, усвоено из грузинского; по предположению В.И. Абаева 8 , через осетинское посредство, ср. груз *boloki* осет. *булкI* (ирон.), *болгэ* (диг.) «редька»; ср. также инг. *болак*, чеч. *балг* «топинамбур», «земляная груша» 9 .

Когда речь идет о заимствованиях, необходимо, на наш взгляд, не только называть заимствуемую форму, но показать ее морфемную структуру и ее внутреннюю форму. По нашему мнению, форма бэлыдж «редька» — не заимствование из грузинского, а адыгская форма. Основанием для такого мнения выступает наличие в осетинской форме фонемы-морфемы гэ, отсутствующей в грузинской форме boloki, к которой, как считал В.И. Абаев, восходит адыгская форма бэлыдж. Разумеется, могло иметь место чередование грузинского «k» с осетинским «г». Однако В.И. Абаев не сказал о таком немаловажном моменте ни одного слова. Между тем в осетинском языке в заимствованиях из адыгских языков чередование осетинского «г» с адыгским «дж» является закономерным явлением, в отличие от чередования грузинского «k» в boloki, с осетинским «г» в болгэ, которого (чередования), надо думать, нет в этих языках. Адыгская форма бэлыдж состоит из морфем «бэ», «лы» и «джэ». Морфема бэ здесь и во многих других формах выступает со значением «много», ср. тхыльыбэ кънщэфыгъ

«купил много книг». Лы значит здесь «мясо» в смысле «мякоть плодов и ягод», ср. мыГэрысэм лышхуэ тель «мясистое яблоко». Морфема джэ значит «тело». В этом значении она выступает, например, в форме джан «рубашка», букв. «предмет (значение морфемы «нэ») для тела». Форма бэлыдж, состоящая из названных выше морфем, в целом значит «мясистая», букв. «тело, представленное мякотью плодов и ягод». Адыгская форма бэлыдж, таким образом, не имеет никакого отношения к грузинской форме boloki, в своем образовании, она исконно адыгская форма. Осетинская форма болгэ «редька» заимствована осетинским языком еще в ту пору, возможно, когда в форме бэлыдж вместо сегодняшнего дж в кабардинском звучало г.

Уашъхъуэ/уашхъуэ «о небо!»; «клянусь» (фольк.). Несомненно, из уэ «небо» (ср. уафэ/уашъуэ «небо» уэс/уэсы «снег» и т.п.) и шъхъуэ/шхъуэ в значении «синий» (но не «серый», как у Лопатинского)¹⁰. Об этом с очевидностью свидетельствует клятвенное выражение уашъхъуэ мывэшъхъуэ чІанэ (в фольклоре), букв. «синее небо, кусок синего камня». В убыхском уэ «небо» ныне означает «бог»¹¹.

У *уашъхъуэ/уашхъуэ* нет значения бога (приписываемого ему даже в новейших работах)¹². Указывая на это и на этимологическую прозрачность адыгской формы, Ж. Деетерс справедливо отмечает относительную ценность предложенного в литературе соответствия последней с хаттским (протохеттским) *washab* «бог»¹³.

Адыгское уашъхъуэ/уашххъуэ сближают также с убых. уэшхъуэ «молния», «гром и молния», «бог»¹⁴. На убыхском слово информатор Ж. Дюмезиля разъясняет как «порох (шхъуэ) неба»¹⁵. Мессарош, в отличие от других, дает еще одно значение; «ей-богу». Может быть, в убыхском имеем и заимствование из адыгейского уэшхъуэ или уащхъуэ «ей-богу»? А. Абдоков привлекает из убыхского уэбэ «бог». Автор произвольно сравнивает вторую часть уашъхъуэ/уашхъуэ с общеадыгским -шхуэ «большой» (см. сэшхуэ «шашка»), а бэ в уэбэ (вслед за Дюмезилем)¹⁶ – с убыхским бэ «большой» («толстый», «обильный» (ср. бэц «толстый», «густой», «обильный») и адыгским бэ «много»¹⁷. Убыхская лексема, выступающая и в виде уэбэ, означает «бог» в смысле доброй, благоволящей силы¹⁸. Элемент бэ в уэбэ Дюмезиль сравнивает с первой частью убыхского бэжъу «старик», «почитаемый, знатный человек»¹⁹. Он же последнее разъясняет как композит из бэ «серый» («седой») и жъуы «старый»²⁰.

Абхаз.-абаз. уашхъуа/уашхъуа «клятва» усвоено из адыгских языков, как и осет. уасхэ, уасхо то же 21 . Л.И. Лавров предполагает, что осет. Уасхо (название божества) образовано по типу Уац-Илла (святой Илья), Уас-Тырджи и пр. и означает «святой Хо» 22 . По словам В.И. Абаева (устное сообщение), осетинский эпитет Уац 23 к уасхэ, уасхо «Уасхо) не имеет никакого отношения» 24 .

Форма уашшхъуэ состоит из двух основ — уэ «небо», букв. «воздушное пространство над землей» и шшхъуэ «купол» и значит «купол неба», «поверхность неба в виде полушария». Небесный купол 25 . Основа шшхъуэ «купол», состоящая из морфем шшы со значением «верх», см. «макушка», «верхняя оконечность, вершина чего-л.» 26 и хъуэ от хъуэн «покрывать» в причастном значении «покрывающий» + «небо» в целом значит «покрывающее небо», букв. «покрывающее воздушное пространство над землей», т.е. «купол неба». Уашшхъуэ располагается в зените неба на самом высоком месте небосвода. Вторая часть клятвенной формулы уашъхъуэ, мывэщхъуэ ч 16 — мывэшъхъуэ ч 16 толкуемое как «кусок синего камня» восходит к уашъхъуэ «купол неба».

Нужно отметить здесь также полное отсутствие кабардинской клятвенной формулы у адыгейцев. Не только формулы как таковой, но даже каких-либо следов его нет нигде. Сомнительно вообще, чтобы она была когда-нибудь у адыгейцев. Скорее, формула эта собственно кабардинское образование. Вопрос этот сам по себе отдельная тема, требующая изучения.

Примечания

- 1. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. І. С. 72.
 - 2. Там же. С. 91.
 - 3. Там же. С. 67.
 - 4. Там же С. 27.
- 5. Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 40.
- 6. *Балкаров Б.Х.* Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1964. Т. XX. Серия филол. С. 100.
- 7. Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959. С. 75; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. І. С. 71.
- 8. *Абаев В.И*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1958. Т. І. С. 270.
- 9. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. І. С. 68.
- 10. *Лопатинский Л.Г.* Объяснительный словарь // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1896. Вып. XXI. Отд. II. С. 299.
- 11. *Dumézil G*. Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques. In: "Istituto orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica", V, dicembre 1963. Roma, 1963.
- 12. *Абдоков А.И*. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 69.
- 13. *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen. "Handbuch der Orientalistik", Bd. 7. Leiden-Köln, 1963. P. 76.
- 14. *Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965. С. 45; *J. Meszaros*. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934. P. 200.
- 15. *Dumézil G*. Études oubykhs. In: Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul, VII. Paris, 1959. P. 70.
 - 16. Dumézil G. Analyse de mots oubykhs. «Word», 1969. XXV. P. 105.
- 17. *Абдоков А.И.* Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 69–70.
- 18. *Dirr A*. Die Sprache der Ubychen. Sonderdruck aus Caucasica, fasc.4 und 5. Leipzig, 1928. P. 16; *Dumézil G*. Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques. In: "Istituto orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica", V, dicembre 1963. Roma, 1963. P. 10.
- 19. *Dumézil G*. Études oubykhs. In: Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul, VII. Paris, 1959. P. 70.
 - 20. Dumézil G. Analyse de mots oubykhs. «Word», 1969. XXV. P. 105.
- 21. *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen. "Handbuch der Orientalistik", Bd. 7. Leiden-Köln, 1963. P.77; *Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965. С. 45
- 22. Лавров Л.И. Доисламские верования кабардинцев и адыгейцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 200–201.
- 23. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. І. С. 206.
- 24. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. І. С. 89–90.
- 25. Современный толковый словарь современного русского языка / под ред. Ефремовой Т.Ф. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. С. 307.
 - 26. Там же. С. 321.

N.R. Ivanokov, B.Ch. Bizhoev

ADYGHE (CIRCASSIAN) ETYMOLOGIES

In the article newly opens up the origin of words bedzhesh «jackal», bzh`ydze «flea», badze «fly», begyn «to swell», balydzhe «garden radish», uasch`kh`ue «swear». Unlike predecessors, an authors proves that the transferred words are indigenously adygh, and some of them adopted nearby people.

Keywords: etymology, ubykh's, abazin's, ossetian's, bzhedug's dialect, adygh form, adopted form, khatts, celestial dome.

А.К. Аппоев

О РОЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается роль лингвистических словарей в карачаево-балкарском языке. Ставится проблема издания лингвистических (отраслевой лексики, словаря антонимов, словаря регионализмов, диалектологического и орфоэпического) словарей карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: слово, лексическая система, лингвистические словари.

Карачаево-балкарское языкознание достигло значительных успехов в научном изучении целого ряда уровней языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса. Об этом свидетельствуют многие монографические и иные исследования, которые проводились с позиций семасиологии и ономасиологии. На сегодняшний день налицо тот факт, что лингвистические исследования ориентированы на другую парадигму. Иначе говоря, «языковедческая наука на данном этапе включает в себя и то, что ранее считалось «не лингвистикой», т.е. отмечается значительным расширением сферы интересов. Язык рассматривается в своей погруженности в жизнь. ... понять сущность языка представляется возможным лишь исходя из человека и окружающей его действительности. Языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением, деятельностью лица» 1.

Как известно, язык любого народа является инструментом сохранения и передачи следующим поколениям его культурного наследия. Вопросы нормализации литературного языка, проблема разработки лексических, терминологических, орфографических, орфографических и графических норм рассматриваются в контексте унификации литературного карачаево-балкарского языка, издания единых для карачаевцев и балкарцев нормативных словарей.

Важной частью нормализации единого литературного языка является унификация терминологической системы, которая призвана обеспечить однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой на содержательном, логическом и лингвистическом уровнях. Если унифицированные орфографические словари, не говоря о других словарях, должны пометами указывать региональные особенности лексического (фонетического, морфологического, грамматического) характера единого карачаево-балкарского языка, то в лингвистических терминологических словарях не должно быть вариантов.

Орфографические, орфоэпические и графические нормы карачаево-балкарского языка взаимосвязаны, взаимообусловлены и представляют собой цепочку проблем, решение которых должно проходить в русле единых задач унификации карачаево-балкарского языка на основании единой структуры и законов языка, единых принципов орфографии. Единая совершенная система правописания карачаево-балкарского языка также должна быть построена на научно обоснованных принципах орфографии. При этом в целях консолидации тюркских народов Северного Кавказа в общероссийском поликультурном пространстве вопросы разработки графики и принципов орфографии карачаево-балкарского, ногайского и кумыкского языков целесообразно решать согласованно².

В современной науке о языке лексикография интерпретируется как раздел лингвистики, сопряженный с теорией и практикой составления словарей. За

последние десятилетия карачаево-балкарские языковеды достигли определенных успехов в данной отрасли лингвистического знания, в результате чего появились лексикографические работы теоретической и практической направленности. Наряду с ними подготовлены и изданы также различные филологические словари, среди которых особый интерес вызывают «Карачаево-балкарско-русский словарь» (1989)³, «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» (в трех томах) (Т. 1. 1996, Т. 2. 2002, Т. 3. 2005)⁴.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 года издания является не только справочником по переводу с карачаево-балкарского на русский язык, но так же и наиболее полным собранием общего лексического богатства карачаево-балкарского языка XX века⁵.

Словарный запас карачаево-балкарского языка огромен. Только в картотеке отдела карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований свыше миллиона слов в их основном значении. В это количество не вошли несколько тысяч ограниченных в употреблении специально терминологических слов и значений⁶.

Как известно, наша речь состоит из комплекса слов. Слово воспринимается нами, внешне, прежде всего, как звук или группа звуков. Однако не всякая группа звуков будет словом. Например, если взять такие сочетания звуков, как баш и паш, то в карачаево-балкарском языке первое из них является словом, потому что имеет значение «голова», а второе, хотя и оформлено по законам языка, не имеет значения, оно остается лишь комплексом звуков и не становится словом. Из сказанного следует, что не всякий комплекс звуков является словом, а лишь тот, который в данном языке имеет определенное значение (т.е. смысл, семантику).

Безусловно, роль лингвистических словарей при изучении лексической системы огромна. В них она представлена наиболее наглядно: слова располагаются в алфавитном порядке, раскрывается общая семантическая структура слова, приводится иллюстративный материал. В этом смысле толковые словари являются своего рода обширнейшим учебным пособием по лексикологии, но без теоретических обоснований и обобщений. Здесь уместно вспомнить о роли иллюстративного материала в толковых словарях. Толкование значения, например, сложных глаголов сопряжено с определенными трудностями. Это обусловлено не только подвижностью их семантических границ, но также их неразрывной связью с грамматикой. Одним из основных достоинств толковых словарей можно считать то, что учитывается контекст при передаче смыслового содержания сложных глаголов в обязательной их связи с грамматикой.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах, созданный на базе картотечного фонда отдела карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований, основанного на изучении лексики карачаево-балкарской художественной, научной, общественно-политической литературы, памятников устного народного творчества, архивных рукописей, печатных и рукописных словарей, является полным переводным и в то же время толковым словарем карачаево-балкарского языка⁹.

В конце 2013 года вышел в свет «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» проф. Ж.М. Гузеева. Также, сотрудниками сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований завершен и готовится к изданию «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка» Цель данного словаря — дать более или менее полный выбор синонимов карачаево-балкарского языка, т.е. слов, сходных по общему значению, но различных по оттенкам. Словарь синонимов карачаево-балкарского языка кроме главного значения, как справочной книги, дающей возможность быстро и без всякого напряжения памяти найти требуемое слово, имеет еще и другие достоинства. Он расширяет знакомство с языком, открывая массу слов, забытых или неупотребляемых нами по незнанию, и часто

заменяемых совершенно ненужными описаниями. Вместе с тем словарь синонимов расширяет и умственный кругозор, знакомя с множеством новых понятий¹². Между тем, необходимыми по карачаево-балкарскому языку являются словари отраслевой лексики, словарь антонимов, словарь регионализмов, диалектологический и орфоэпический словари.

Орфоэпия является единственным разделом карачаево-балкарского языкознания, который специально (монографически) не исследован. Нет также словарей орфоэпических вариантов и справочников по орфоэпии для школьников.

Важную роль в становлении орфоэпии ученые отводят системе языка. Это оправдывается и в карачаево-балкарском языке. Так, основной проблемой произношения является прямое копирование письменного варианта слов. Так называемое «буквенное» произношение типа тазчыкъ «тазик» вместо тасчыкъ, сызчыкъ «черточка» вместо сысчыкъ, къызчыкъ «девочка» вместо къысчыкъ, менден «от меня» вместо меннен, кюнден «от солнца» вместо кюннен и др. наблюдается у учащейся молодежи и не только у городских детей, которые лишены языковой среды и изучают родной язык только по учебникам, но и у сельских школьников, а также у взрослого населения. Это прямое копирование письменного варианта слов. Другой вариант соответствует фонетическим законам карачаево-балкарского языка: оглушению звонких рядом с глухими (ассимиляция), замена смычного [ч] щелевым [ш] в положении перед согласными [с], [т], [н], [л]: а[с]чыкъ «немножечко» (орф. азчыкъ), а[ш]лыкъ «голод» (орф. «ачлыкъ»), ке[ш]ти «поздно» (орф. кечди), ю[ш] ню «тройку» (орф. ючню). Такое буквенное произношение объясняется, видимо, неразличением орфографии и орфоэпии из-за того, что программы ни школьного, ни вузовского образования, а следовательно, и учебники, не отражают изучение орфоэпии. Правила орфографии в них изучаются довольно подробно, а правила орфоэпии вообще отсутствуют. Большинство орфоэпических вариантов связано с фонетическими законами карачаево-балкарского языка. Именно из-за отсутствия правил орфоэпии эти законы стали основой произношения 13.

Кроме правильного написания слов важным является правильное их произнесение. Разработка четкой системы выявления нормативных и ненормативных орфоэпических вариантов, составление словаря-справочника по орфоэпии являются важными задачами в нормализации карачаево-балкарского языка. В последние годы мы также часто слышим как с экрана телевидения, так и по радио, что грамматические формы слов карачаево-балкарского языка читаются так, как и написано. Такое произношение, мягко говоря, режет слух. Например,

шитатот

DMACTO

вместо	читают.
(орфоэпическое произнесение)	(орфографическое написание)
«ба рр ыкътыла»	«ба р лыкъдыла»
«кё рр юктюле»	«кё р люкдюле»
«кёчю рр юктюле»	«кёчю р люкдюле»
«ту рр укъ т у»	«ту р лукъду»
«кётю рр юктюле»	«кётю р люкдюле»
«толту рр укътула»	«толту р лукъдула»
«барды рр ыкътыла»	«барды р лыкъдыла»
«юсю нн ен»	«юсю н ден»
«а нн ан»	«а н дан»
«ёттю рр юктюле» и т.п.	«ётдю р люкдюле»

Создание орфоэпического словаря карачаево-балкарского языка, на наш взгляд, в корне разрешило бы эту ситуацию. Думается, что данная проблема не менее актуальна и для других языков.

Примечания

- 1. *Кетенчиев М.Б.* Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. М.: Поматур, 2010. 274 с.
- 2. *Байчоров М.Р.* Специфика функционирования современного карачаево-балкарского языка в контексте языковой ситуации: Автореф. дисс. кан. филол. наук. Нальчик, 2015.
 - 3. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
- 4. Толковый словарь карачаево-балкарского языка (в 3-х томах). Нальчик, 1996, 2002, 2005.
- 5. *Аппоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2004. С. 34.
- 6. *Он же*. Роль лингвистических словарей в изучении лексической системы (на материале карачаево-балкарского языка) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. г. Челябинск, 2014. № 3. С. 210–218.
 - 7. Там же. С. 217.
- 8. Дзуганова Р.Х. Трудные случаи толкования значений сложных глаголов в словарях (на материале кабардино-черкесского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. С. 155–160.
- 9. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 129 с.
- 10. Гузеев Ж.М. Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю. М.: Эльбрусоид, 2013. 496 с.
 - 11. Словарь синонимов карачаево-балкарского языка (в рукописи).
- 12. Аппоев А.К. Из опыта составления словаря синонимов карачаево-балкарского языка // Актуальные проблемы современной филологии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора И.Х. Ахматова. Нальчик: Каб.- Балк. ун-т, 2014. С. 63–66.
- 13. *Гузеев Ж.М.* Проблемы карачаево-балкарской орфоэпии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 4 (60) 2014. С. 187–189.

A.K. Appoev

ON THE ROLE OF LINGUISTIC DICTIONARIES IN KARACHAI-BALKAR LANGUAGE

The article discusses the role of linguistic dictionaries in Karachai-Balkar language. Poses problems of linguistic publications (sectoral vocabulary, dictionary of antonyms, dictionary regionalism and dialect orthoepic) dictionary Karachay-Balkar language.

Keywords: word, lexical system linguistic dictionaries.

УДК 81(470.64)

Токъумакъ М.Хь.

СОМАТИЗМЭХЭР АДЫГЭБЗЭ ЭМОТИВНЭ ЛЕКСИКЭМ ЗЭРЫХЭТЫР

Мы лэжьыгээр зытеухуар эмотивнэ лексикэм адыгэбзэм щиубыд увып эрц. Соматизмэхэм нэхъыбэу узыщрихьэл эр фразеологизмэхэраш. Абыхэм эмотивнэ лэксикэм увып эшхээ щаубыд, зыхэщ эныгъэ зэмыл эужьыгъуэхэр къагъэлъагъуэу. Соматизмэхэм ящышу нэхъыбэ дыдэу эмотивнэ фразеологизмэхэр къэзыгъэхъур гу, нэ псалъэхэрш.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: соматизмэхэр, эмотивнэ лексикэ, зыхэщІэныгъэ, фразеологизмэхэр, энантиосемие, гу, нэ.

Лъэпкъ куэдым цІыхум и Іэпкълъэпкъ зэхэлъыкІэм гульытэ лей хуащІ. Пасэрей адыгэхэри цІыхум и Іэпкълъэпкъыр зэрызэхэтым фІыуэ щыгъуазэт. Медицинэ щІэныгъэ ямыІэми, уз Іэджэ ягъэхъужыфырт¹, удз зэмылІэужьыгъуэмкІэ, псэущхьэхэм я кІуэцІхэм щыщхэр (лъатэ, бжэныщэ, н. къ.) къагъэсэбэпурэ². Абы нэмыщІ Іэзэхэм, КъурІэным щыщ сурэ гуэрхэр къыратхыкІыурэ, дыуэ ятхырт, тебжэхэрт, щІагъауэхэрт, абыкІэ цІыхухэр ягъэхъужын я мураду. Адыгэхэм къупщхьэ къутахэри фІыуэ ягъэхъужырт. Дуней псом щыцІэрыІуэ урыс хирург Пирогов Н.И. итхауэ щытащ адыгэхэр уз гъэхъужынымкІэ Іэзэу зэрышытар³. Абы щыхьэт тохъуэ ПщыукІ Хъ.Хъ. итхри: Октябрьскэ революцэм ипэкІэ адыгэхэм къахэкІа Іэзэхэм езы адыгэбзэм хэт псалъэхэм фІэкІа адрей бзэхэм щыщхэр къагъэсэбэпу щытакъым⁴. Адыгэхэм я ІэзэкІэу щытам и хъыбарыр нэхъ яхъумащ хамэ къэрал Іэпхъуауэ щыта ди лъэпкъэгъухэм я щІэблэм. Абы и лъэныкъуэкІэ гъэщІэгъуэнщ бзэщІэныгъэлІ БищІо Б.Ч. Тыркум щыпсэу ПІрощт Исмэхьил деж щитхыжар⁵.

ЦІыхум сыт хуэдэ лэжьыгъэ имыщІэми, дапхуэдэ гурыщІэ зыхимыщІэми, къегъэсэбэп Іэпкълъэпкъым ехьэлІа псалъэхэр, сыт щхьэкІэ жыпІэмэ и Іэпкълъэпкъым хуэдэу ар зыщыгъуазэ щыІэкъым⁶. БзэщІэныгъэлІхэм къахутащ, цІыхум и гум илъыр псалъэм нэхърэ нэхъ наІуэ зыщІыфынур, нэхъыфІу къыбгурызгъэІуэфынур Іэпкълъэпкъым щыщхэр къигъэсэбэпурэ абы и щытыкІэрауэ, фэкІэ къигъэлъагъуэр арауэ⁷. Псалъэм папіцІэ: Сарими абы хуэдизкІэ и гум ирихьат Тинэ и джэгукІэри, Іупхъуэр зэрызэхуащІыжу, къыщылъэтащ, занщІзу жэуэ Тинэ ІэплІэ хуищІыну⁸. Нартыхум къызэщІэплъауэ, и Іупэ щхъуантІэр кІэзызу, и нитІри къихуу, зрилъэфыхьщ зы тІэкІури и машинэм итІысхьэжащи, иджы бэзэрым хьэбыршыбыру телъыр къытольалъэ, шоферыр игъэгузавэу «мывэкІэ, чырбышкІэ къыдэмыуащэрэт» жиІзу и машинэри игъэкъугъ защІзурэ егъакІуэ⁹. [Мариям:] Пішэдджыжьым Исуф згъашхэщ, гъуэмылэ тІэкІуи естри щІэзгъэкІрэ Назифэ и пэшым сыщІэплъэмэ — ари щІэскъым. ЗанщІзу си льакъуитІыр щІэхуащ, си Іэпкълъэпкъри зэпкърыхуащі¹⁰.

Іэпкълъэпкъ зыхэт псоми соматизмэмк Іэ йоджэ, ар иджырей адыгэбзэм къыщахутауэ щытщ. Абы теухуауэ щы Іэщ Апажэ М.Л. 11 , Къэрдэн М.Л. 12 , Чым Р.С. 13 сымэ я лэжьыгъэхэр. Дэ соматизмэхэр эмотивнэ лъэныкъуэк Іэ къэдгъэлъэгъуэну дыхуейщ.

Адыгэбзэм эмотивнэ лексикэр иджыри нэгъэсауэ къэхута щыхъуакъым. Ар Іэмал имы Ізу бджын хуей бзэщ Ізныгъэм и лъэныкъуэ зэмыл Ізужьыгъуэхэм ящыщ зыщ. Эмотив лексикэм хохьэ ц Іыхум зыхищ Із гурыш Ізхэр (зыхэщ Ізныгъэхэр).

Псальэм папщІэ, гъащІэм дапшэщи къыщохъу цІыхур зыгъэгуфІэ, къэзыгъэгубжь, зыгъэшынэ, игъэщІагъуэ, зезыгъэгъэгусэ, зыгъэукІытэ Іуэхугъуэ гуэрхэр. ЦІыхум ахэр къригъэлъагъуэн папщІэ къигъэсэбэп псальэхэращ эмотив лексикэм хыхьэр. «Эмоциональнэ и лъэныкъуэкІэ цІыхур нэхъ къулейуэ щытыхукІэ, а зыхэщІэныгъэхэр къызэрагъэлъагъуэ щІыкІэхэмкІэ абы и бзэр нэхъ къулейщ»¹⁴. Езы зыхэщІэныгъэхэр психологием епхащ, абы и зы Іыхьэщ. Ауэ бзэ и лъэныкъуэкІэ ахэр къапщтэмэ, лингвистикэми и Іыхьэщ: зыгуэрым и зыхэщІэныгъэхэр къызэрыпщІэр щыпсалъэкІэщ¹⁵.

Адыгэбзэр фразеологиемкІэ къулейщ, ар «гупсысэм художественнэ къару хэзылъхьэ жыІэкІэхэм ящыщщ»¹⁶. ЦІыхум и зыхэщІэныгъэр къэзыгъэлъагъуэ куэд фразеологизмэхэм яхэтщ⁷. Нэхъыбэ дыдэу зыхэщІэныгъэр къэзыгъалъагъуэр соматизмэхэр здыхэт фразеологизмэхэрщ: **губжьыр** (дэр зэрыгъэшхын, лъыр нэм къытельэдэн, и нэм хъуаскІэ къыщІихын); **гуфІэ** (гур жан хъун, дзэлыфэ тІын, и Іупэр зэтежын); **укІытэ** (напэр сын, щхьэр егухын); **нэщхъеягъэ** (пэр къыпыхун, и напІэ хьэльэн (хуэхьэльэщ), и цыр уэн); **лъагъуныгъэ** (гум дыхьэн, и нэ и псэу илъагъун, ІэкІэ къехьэкІын); **шынэ** (гур дзапэкІэ Іыгъын, гур фІэкІуэдын, нэр тІууэ хуэгъэпльэн); **гуауэ-гугъуехьыныгъэ** ((и) гур хэщІын, гур къигъыкІын, щхьэр зехьэн); **жагъуэ** (шхьэм иригъэжэн, щхьэм хуэхьын, гур щІэгъун); **арэзыныгъэ** (гур тІысыжын, гур зэгъэн, гум жьы дихужын (дихун)); **зэшыгъуэ** (гур зэхуэбэгын, гум зихузын, гум къэкІын) сытхэр къэзыгъэльагъуэр.

Нэхьыбэ дыдэу эмотивнэ фразеологизмэхэр адыгэбзэм *гу* псалъэм къыщегъэхъу. Адыгэбзэм *гум* соматизмэм и мызакъуэу мыхьэнэ нэгъуэщІи къызэщІеубыдэ. Псалъэм папщІэ Хьэнэху Р.А. етх: «*гур* цІыху губзыгъэм и лъабжьэщ, абы хохьэ зыхэщІэныгъэри (гухэлъри), гупсысэри. ЦІыхум *гукІэщ* зэрызэхищІэр дунейм къыщыхъур»¹⁸. Бзэ куэдым *гу* псалъэм зыхэщІэныгъэр хеубыдэ, псалъэм папщІэ, адыгэбзэм, урысыбзэм. Маслов В.А. зэритхым тепщІыхьмэ, китайхэм я зыхэщІэныгъэхэр жьэжьейращ здэщыІэр, африкэ лъэпкъхэм – тхьэмщІыгъумрэ пэмрэщ, французхэм – чэм¹⁹.

Гу хэту эмотивнэ фразеологизмэхэм зыхэщІэныгъэ куэд адыгэбзэм къыщегъэхъу²⁰, ар *пс*э псалъэм куэдрэ епхащ. *Гумрэ псэмр*э адыгэбзэм семантикэ и лъэныкъуэкІэ зэщхьэщыкІыныгъэшхуэ щаГэкъым²¹, ар къагъэлъагъуэ эмотивнэ фразеологизмэхэм: *псэм* (*гум*) *хыхьэн*, *псэм* (*гум*) *дыхьэн*, *псэр* (*гур*) къэтхьэкъун, *псэм* (*гум*) *дэгъэхуэн*, *псэм* (*гум*) *къищтэн*, *псэм* (*гум*) *темыхуэн*, *псэр* (*гур*) *дзапэкІэ Гыгъын*, *псэр* (*гур*) *к*ГэрыпицГэн; и гумрэ и псэмрэ къезауэу, и гумрэ и псэмрэ дыхьэу, гуиих-псэихиц н.къ. Псалъэм папщГэ: *Гурэ псэкІэ зэрылъагъум* куэд жиГэнукъым, и гум илъыр къыбощГэ, дэ куэдыщэ мыгъуэ жыдоГэ²². Саният «Адыгэ клубым» кГуэурэ Къазджэрий шГедаГуэри арат, Къэбэрдейм я хъыбар зэхихмэ, и нэпсым къызэпижыхырт, нарт уэрэд зэзэмызэ хьэщГэм и псалъэм къыдэкГуэу къыхигъэщмэ, хъыджэбзым игури и псэри дихъэхырт²³. ЛГы губзыгъэм уи фызыр адыгэми урысми зэхуэдэу къилъытащ: — Фызыр гурэ псэкГэ къыхах, — жиГэрт Мэтхъэным, — цГыхубзыр уи гум ирихърэ, уи псэм къищтэрэ — къашэ²⁴.

Гум нэмыщІ нэхьыбэ дыдэу эмотивнэ фразеологизмэхэр адыгэбзэм къыщызыгъэхъур нэ псалъэрщ. Ар псэми гуми епхащ: нэмкІэ цІыхум къэзыхъуреихъ дунейм зыхегъэгъуазэ, псалъэм папщІэ, и нэм хуехь, и псэм хуехь, и нэ и псэу (ельагъу), и нэм и джабэхъщ, и псэм къыпатхъащ, гум къимыщтэмэ, нэм къыфІэнэркъым; гур мыплъэмэ, нэр плъэркъым , гум фІэфІыр нэм фІэдахэщ, нэм екІур гуми йокІу, гум емыкІур нэми екІуркъым н.къ. Апхуэдэ зэпэлъытыныгъэм хыхьэ соматизмэхэр мыхьэнэкІэ зэпэщІэувэркъым, зэгъусэу е къэщтэныгъэ, е мыдэныгъэ къагъэльагъуэ.

Къэгъэлъэгъуапхъэщ соматизмэхэр здыхэт эмотивнэ фразеологизмэхэм я нэхъыбэм гум и жагъуэ зыщЈу (отрицательнэ) зыхэщЈэныгъэ къызэрагъэлъагъуэр. Шаховскэ В.И. гу лъыдегъатэ апхуэдэ зыхэщЈэныгъэхэр дэтхэнэ культурэми нэхъыбэу зэрыхэтым²⁵. Б.И. Додоновми нэрылъагъу къещЈ губжьыр, шынэ

сытхэр ц Іыхум сэбэп зэрыхуэхъур: щ
хьэр ф Іыуэ егъэлажьэ, Іэплъэпкъ псор нэхъ жан ещ
 I^{26} .

Соматизмэхэр здыхэт эмотивнэ фразеологизмэхэм цІыхум зыхищІэхэр фэкІэ, щытыкІэмкІэ къагъэлъагъуэф. Псалъэм папщІэ: Абы и нитІыр плъыжь къэхъуат, и жьакІэ хужьыр зэщІэсысэрт. Астемыри къэгубжьащ²⁷. Саримэ и фэр пыкІарэ и нитІыр къихуу къожэ: — Быбэ! Нанэ сиукІынущ²⁸. Шэч хэлъкъым, и гур зыгуэрым Щысхьыншэу, щэхуу ефыщІыр, Іэ щІыІэр щІыфэм щыджэгуу, Гуауаеу и гум дэмыхуэр Дадий къеІуатэр мыпхуэдэу...²⁹. Къазджэрий и гур кІуэдыпат: сэ сызырыщыгугъа, мыр къызэрыщІэкІа, жиІэу и бгъэгум еуэж щхьэкІэ, ней Іэмал³⁰. Мэру плъагъур къэпщІэнтІащ, саукІыну къэкІуащ жиІэри, и фэр пыкІауэ бзагуэ хъуным нэсащ³¹.

Псалъэухам зы эмотивнэ фразеологизм фІэкІа хэмыту къэкІуэнкІэри мэхьу: Хьэбибэ и пІэм имыкІыжыфу итт, и фэр шэхум хуэдэу пыкІауэ, Апчарэрэ Иринэрэ шынауэ унэм къыщІэкІыртэкъым³². – Ар дауэ? – умелыІычи! Щыхухъу емыфэ щыІэ? – жиІэри, зыхуихьыныр имыщІэу и нэ нащхъуитІыр къригъэжу къызэпльащ³³. Зи гур гуауэм иуІари КІуэрт гъы защІэу, къэмыувыІэу, Гъусэу иІэр игъэгуІэу³⁴. Комендантым и нэщхъыр зэхиукІауэ чыфитанцым епльащ, пэпщащ³⁵. Щыхубзыр къызэплъэкІмэ, и нэм Іугъуэ къыщІех, къысхузэгуэпу зэгуоуд³⁶. Бекъан, ищІэнур имыщІзу, и нэр игъэупІэрапІэрт³⁷.

Адыгэбзэм куэдрэ ущрохьэл і соматизмэ здыхэт фразеологизмэхэм ямызакъуэу, псалъэ щхьэхуэ зыхэщ і ныгъэ и мыхьэнэуэ и гъусэу къак і уэу: Сынолъэ і у, гукъеуэ уи гум дэлъу зумыгъэл і эндахьы ціык і ухэр хэкум ираш» жа і эрат хъыбарри, ціыхум я **щхьэр зыдахьынур ямыщ і э**у, гузэвэгъуэм имыгъэжейжу къэнат ³⁹. «**Щхьэр ф і эхуауэ мэгу і эж**, Я нэпск і эхьэдэр ягъэпск і ыну Гъын щагъэтамэ, Къаублэж» ⁴⁰.

Зы эмотивнэ фразеологизмэм зыхэщ Іэныгъэ зэмыл Іэужьыгъуэхэр и гъусэ хъунк Іэри мэхъу:

- 1. Щамхьун нэгузыужьыгьуэ ар (Астемыр шым къызэрехуэх пэтар) хуэхъуауэ **и нэр къыщипхъуауэ дыхьэшхырт**⁴¹. «ЖысІэну сыхуэмеиххэу пцІы гуэр къызжьэдэльэтрэ сызэгуэудмэ сунэхъуакъэ», жиІэу (Нурхьэлий) и гум къыщыкІкІи, **шынэурэ и нэр къыщепхъуэ**⁴². Уи лІыр дэнэ щыІэ, жысІакъэ? **и нэр къыщипхъуауэ къэгубжьащ** Аралпыр (Думэсарэ зыхуигъазэу)⁴³.
- 3. Нурхьэлий **шынауэ**, и цІыхугъэу щытари къыхуэмыцІыхужу, Елдар зыкІэрикъузэу щытт, **и нитІыр къихуу**⁴⁶. ЩакІуэ жыпІа? **гуфІэщауэ и нитІыр къихурт**, и адэр гушыІэрэ и фІэщрэ къыхуэмыщІэу⁴⁷. Я Іыхьлы, я благъэ, я къуэш уІэгъэ хъуауэ зэхахамэ, **я нэпсыр къыщІэжу, я нэр къихурэ гужьеяуэ, жепІэри сытри зэхамыхыу** щхьэхьу къэсырт, зыхуейуэ зыхуэгузавэм щІэупщІэу⁴⁸.

Эмотивнэ фразеологизм соматизмэхэр здыхэтым мыхьэнитІ-щы щиІэ къохъу. Языхэзым зыхэщІэныгъэ къикІыу: *щхьэм дэуеин, щхьэм бжьэ еуэн, щхьэм ихьэн, щхьэр гъэкІэрэхъуэн, щхьэр кІэрэхъуэн, шхьэр унэзэн; гур хэгъэщІын, гур къэжанын, гур щыун, гум ежэлІэн, гур ебгъэн, гум къэкІын, гур мэбампІэ, гур къиуІащ, гум ежэлІэн, гур икІын* н.къ.

Мыхьэнэ яІэхэм псоми зыхэщІэныгъэ къикІыу: $\mathit{гум}$ $\mathit{еуэн}$, $\mathit{гум}$ $\mathit{тум}$ tym tym

Зэрытлъагъущи, адыгэбзэм эмотивнэ фразеологизмэм соматизмэхэр хэту куэд мэхъу. Нэхъыбэ дыдэу ахэр къэзыгъэхъур *гу, н*э псалъэхэрш. Къэтхутащ соматизмэ хэтхэмкІэ фІэкІа зэщхьэщымыкІ эмотивнэ фразеологизм зэщхьхэр адыгэбзэм зэриІэр. Эмотивнэ фразеологизм соматизмэхэр зыхэтым мыхьэнитІщы щаІэ къохъу: языхэзым зыхэщІэныгъэ къикІыу, е мыхьэнэ яІэхэм псоми зыхэщІэныгъэ къикІыу. Соматизмэхэр здыхэт эмотивнэ фразеологизмэхэм цІыхум зыхищІэхэр фэкІэ, щытыкІэмкІэ къагъэлъагъуэф. Псалъэухам зы эмотивнэ фразеологизм фІэкІа хэмыту къэкІуэнкІэри мэхъу. Адыгэбзэм куэдрэ ущрохьэлІэ соматизмэ здыхэт фразеологизмэхэм ямызакъуэу, псалъэ щхьэхуэ зыхэщІэныгъэ и мыхьэнэуэ къакІуэу. Абы нэмыщІ, зы эмотивнэ фразеологизмэм зыхэщІэныгъэ зэмылІэужьыгъуэхэр, зыхэт контекстым ельытауэ, къыщигъэлъагъуэ щыІэщ.

ТегъэщІапІэхэр

- 1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов 18–19 веков. Нальчик, 1974. С. 389.
- 2. *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. C. 251-252.
- 3. *Пирогов Н.И*. Собрание сочинений. Труды по военной медицине и военнополевой хирургии. М., 1960. Т. 7. 642 с.
- 4. *Пшуков* X.X. Развитие медицинской лексики в кабардинском языке как результат этнокультурных процессов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Тезисы докладов. Нальчик, 1982. С. 42.
- 5. *Бижоев Б.Ч.* Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 236–237.
- 6. *Карданов М.Л.* Образование и функционирование анатомической номенклатуры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2009. С. 5.
- 7. *Петрова Л.И*. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии // Вестник Псковского государственного университета. Серия социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. Псков, 2007. С. 134–135.
- 8. KI ыщокъуэ A лим. Мазэ ныкъуэ щхъуант І
э // Тхыгъэхэр томипл Іым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык, 1984. Н. 669.
- 9. *КІыщокъуэ Алим*. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 197.
- $10.\,\mathit{KI}$ ыщокъуэ A лим. Лэчымэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 395.
 - 11. Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик, 1992. С. 123–141.
- 12. *Карданов М.Л.* Образование и функционирование анатомической номенклатуры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2009. С.5.
- 13. *Кимов Р.С.* Соматизмы кабардинского языка. Грамматизация. Нальчик, 2010. 122 с.
 - 14. Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е. Адыгэбзэ. Япэ Іыхьэ. Налшык, 1991. С. 17.
- 15. *Токмакова М.Х*. Проблемы эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Вестник КГУ. Кострома, 2009. № 4. С. 195–200.
- 16. *Бищ Io Б. Y*. Псалъэпэ // Бэрбэч Б.Ч., Бищ Io Б.Ч., Іут Iыж Б.Къу. Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ. Налшык, 2001. С. 3.
- 17. *Токмакова М.Х.* Место фразеологизмов в эмотивной лексике кабардино-чер-кесского языка // Материалы 4 Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2008. С. 285–286.
- 18. Ханаху Р.А. Феномен мудрости в адыгском эпосе // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994. С. 123.
 - 19. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. С. 138.

- 20. *Токмакова М.Х.* Слово *гу* «сердце» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2012. № 1 (19). С. 84-88.
- 21. Бижева 3.X. Лексика и культурные концепты // Кабардино-черкесский язык: в 2-x т. Нальчик: Эль-фа, 2006. Т. II. С. 148.
- 22. *КІыщокъуэ Алим*. Нал къута // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ: в 4-х т. Налшык: Эльбрус, 1985. Т. 3. Н. 271.
- 23. *КІыщокъуэ Алим*. Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ: в 4-х т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 2. Н. 665.
- 24. *КІыщокъуэ Алим*. Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык, 1984. Н. 529.
- 25. *Шаховский В.И.* Что такое лингвистика эмоций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 3 (12). URL: http://www.tverlingua.ru (дата обращения: 18.01.2016).
 - 26. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
- 27. KІыщокъуэ Aлим. Хъуэпсэгъуэ нур. // Тхыгъэхэр томипл Іым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык, 1984. Н. 64.
 - 28. Ардыдэм. Н. 137.
 - 29. КІыщокъуэ Алим. Адэ // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. Н. 134.
- 30. *КІыщокъуэ Алим*. Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ. // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык, 1984. Н. 664.
- 31. КІыщокъуэ Алим. ХьэщІэ льапІэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 406.
- 32. KІыщокъу
э Алим. Нал къута // Тхыгъэхэр томипл Іым щызэхуэхьэсау
э. Т. 1. Налшык, 1985. Н. 291.
- 33. КІыщокъуэ Алим. МелыІыч // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 441.
- $34.~\mathit{KI}$ ыщокъуэ A лим. Тисей // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык, 2004. Н. 453.
- 35. *КІыщокъуэ Алим*. МелыІыч // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 473.
 - 36. Ардыдэм. Н.444.
- 37. *КІыщокъуэ Алим*. Нал къута // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык, 1985. Н. 352.
 - 38. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык. 1951. Н. 430.
- $39.\ \mathit{KI}$ ыщокъуэ A лим. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 83.
- 40. *КІыщокъуэ Алим*. Кулиев Къайсын папщІэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ: в 6 т. Налшык: Эльбрус, 2004. Т. 1. Н. 402.
- 41. *КІыщокъуэ Алим*. Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ: в 4 т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 1. 600 н.
 - 42. Ардыдэм. Н. 155.
 - 43. Ардыдэм. Н. 289.
- 44. *КІыщокъуэ Алим*. Хъуэпсэгъуэ нур. // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык, 1984. Н. 133.
 - 45. КІыщокъу ЭАлим. Бдзэжьеящэм ипхъу // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. Н. 151.
- 46. *КІыщокъуэ Алим*. Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ: в 4 т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 1. Н.257.
- 47. *КІыщокъуэ Алим*. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык, 2006. Н. 66.
- 48. *КІыщокъуэ Алим*. Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ: в 4 т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 1. Н. 172.
 - 49. Ардыдэм. Н. 86.
- 50. *КІыщокъуэ Алим*. Нал къута // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык, 1985. Н. 17.

М.Х. Токмакова

РОЛЬ СОМАТИЗМОВ В ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье исследуются соматизмы, обозначающие и выражающие различные эмоциональные состояния человека. Эмотивные значения соматизмы приобретают в составе фразеологических единиц. Выявляются особенности функционирования их в кабардино-черкесском языке. Наибольшее количество эмотивных фразеологизмов образуют слова *гу* «сердце» и *нэ* «глаз».

Ключевые слова: соматизмы, эмотивная лексика, фразеологизмы, отрицательные эмоции, энантиосемия, *гу* «сердце», *нэ* «глаз».

M.H. Tokmakova

SOMATISMS IN THE ROLE OF EMOTIVE VOCABULARY KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

This article examines somatism denoting and expressing different emotional state. Emotive values somatism acquire in the composition of phraseological units. Identified features of their functioning in the Kabardino-Circassian language. The greatest number of emotive phraseological units form the words of «heart» and «eyes».

Keywords: somatism, emotive vocabulary, idioms, negative emotions, enantiosemy, whearb, weyes.

Жылэтеж Хь.Ч.

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ ЩЫІЭЦІЭ УНЕЙХЭМ ПСАЛЪЭУХАМ ЩАІЭ ЗЭКІЭЛЪЫКІУЭКІЭР

Тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм щыГэцГэ унейхэм псалъэухам щаГэ зэкГэлъыкГуэкГэхэмрэ ахэр къызэрыгъэлъэгъуа Гэмалхэмрэ. Апхуэдэ псалъэухахэм яГэ ухуэкГэ нэхъыщхьэхэр наГуэ къыщыщГащ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: щыГэцГэ уней, синтаксическэ къалэн, зэкГэлъыкГуэкГэ, ухуэкГэ, субъект, объект, стиль.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэхэм псалъэухам щаІэ зэкІэльыкІуэкІэм елэжьащ щІэныгъэлІ зыбжанэ. Мы темэм теухуащ Къумахуэ Мухьэдин¹, Балъкъэр Борис², Урыс Хьэталий³, ХъутІэжь Заудин⁴ сымэ я лэжьыгъэ купщІафІэхэр. Хэхауэ щыІэцІэ унейхэм псалъэухам щаІэ зэкІэльыкІуэкІэм дэ дытепсэльыхьауэ щытащ⁵. Ауэ упщІэ куэд иджыри жэуапыншэу къызэрынам къыхэкІыу, иджыри зэ мы темэм къэлгъэзэжаш.

Псалъэхэм псалъэухам щаГэ зэкГэлъыкГуэкГэм мыхьэнэшхуэ щиГэ бзэхэмрэ апхуэдэ псалъэ зэкГэлъыкГуэкГэм зэрызэпсалъэ е стиль къалэн фГэкГа щамыгъэзащГэ бзэхэмрэ я кум дэтщ къэбэрдей-шэрджэсыбзэр. Аффикс -р, -м-хэм я падеж къалэнымрэ белджылагъ къалэнымрэ дахэ-дахэу зэхэгъэкГауэ зэрыщымытым къыхэкГыу псалъэхэм псалъэухам щаГэ зэкГэлъыхыыкГэм синтаксическэ къалэн егъэзащГэ. Псом хуэмыдэу ар щыдолъагъу индефинитнэ (падеж кГэухыншэ) конструкцэ зиГэ псалъэухахэм. Пасэрей адыгэбзэм апхуэдэ ухуэкГэщ иГэу щытар. Абы и щыхьэтщ бзэм къыхэна псалъэжьхэр: Мыщэ дыгъужь фГэбэлацэщ; Жэм лъакъуэ шкГэ иукГыркъым.

Псалъэхэм, е нэгъуэщІу жыпІэмэ псалъэухам и пкъыгъуэхэм, псалъэухам увыпІэ хэубыдыкІа щаІэщ, хабзэ хъуауэ. Ар, дауи, ижькІэрэ къэхъуа Іуэхугъуэщ.

«Глаголхэм я спряженэм, щыГэцГэхэм, цГэпапщГэхэм я склоненэм зыщимыужьам шыгъуэ, къэГуэтэн хуейуэ щытыр — коммуникативнэ перспективэр, актуальнэ членение жыхуэтГэр — щыГэн (зыГэрыгъэхьэн) папщГэ мыхьэнэ зиГа дэнэ къэна, арыншэу мыхъуу апхуэдауэ къэплъытэ хъунущ псалъэм я зэкГэлъыкГуэкГэр, иджыреибзэм дежкГэ абы и конструктивнэ-синтаксическэ мыхьэнэр нэхъ цГыкГу хъуами»⁶.

Псалъэухам субъектымрэ объектымрэ щыІэцІэ унейуэ къыщыкІуэм деж абыхэм ягъэзащІэ синтаксическэ къалэныр зэрызэхэбгъэкІыу зы Іэмал закъуэщ щыІэр — псалъэхэм псалъэухам щаІэ зэкІэлъыкІуэкІэр. Псалъэм папщІэ: Мудар Тембот къеджащ; Инал Жэмболэт псори хуиІуэтащ; Мурат Ислам йожьэ.

Стиль къалэн игъэзащІэу иныкъуэхэм деж щыІэцІэ унейхэм формант -*p*,-*м* щыпыувэ щыІэщ. Мыпхуэдэ псалъэухахэм субъектымрэ объектымрэ къэзыгъэлъагъуэ щыІэцІэ унейхэм я увыпІэр щахъуэж щыІэщ, ауэ сытым дежи субъектыр япэ иту къокІуэ: *Рустам Темботым къеджащ; МуІэедыр Инал йожьэ*.

Псалъэхэм псалъэухам щаІэ зэкІэлъыкІуэкІэм и синтаксическэ мыхьэнэр зэпхар формант -*p*,-*м*-хэм мыхьэнитІ зэрагъэзащІэм и закъуэкъым. Апхуэдэ псалъэ зэкІэлъыхьыкІэм и синтаксическэ къалэнхэр епхащ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм глаголым иІэ щхьэхуэныгъэхэм.

Адыгэбзэм глаголыр, абхъазыбзэмрэ грузиныбзэмрэ хуэдэу, полиперсональнэу щытщ. Псалъэухам и ухуэкІэ нэхъыщхьэхэр, псалъэхэм псалъэухам щаІэ

зэкІэльыкІуэкІэри хиубыдэу, зэпхар полиперсональнэ глаголыр аращ. «Адыгэбзэ глаголым морфемэ 15 нэс зы псальэм хэтынкІэ хъунущ. Абы щыгъуэми, морфемэ къэс увыпІэ пыухыкІа яІэщ»⁷. Глаголыр морфологие и лъэныкъуэкІэ, нэхъ пэжу жыпІэмэ, абы хыхьэ щхьэ формантхэм елъытауэ, куэду зэхэту къэкІуэнкІэ хъунущ: Асльэн Мурат тхыльыр иритыжащ; Астемыр Мурат Хъусейн къыхуриджащ.

Зэрытлъагъущи, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэухам псалъэхэм я увыкІэр елъытащ глаголым.

«Къэбэрдей-шэрджэсыбээм псалъэхэр псалъэухам зыхуей щІыпІэм деж уву убж хъунущ, сыт щхьэкІэ жыпІэмэ псалъэухам и пкъыгъуэ псоми увыпІэ хэха яІэу щыткъым. Ауэ псалъэухам и мыхьэнэм зимыхъуэжу апхуэдэу псалъэухам и пкъыгъуэхэр дэнэ дежи хэувэныр пэж дыдэу щыткъым, сыт щхьэкІэ жыпІэмэ ар епхащ псалъэухам и синтаксическэ ухуэкІэм»⁸.

Псалъэухам псалъэхэм я увыкІэм нэгъуэщІ мыхьэнэ нэхъыщхьи егъэзащІэ — псалъэухар мыхьэнэ зиІэ ІыхьэкІэ егуэш (актуальнэ членение жыхуэтІэр). Мыхьэнэ нэхъыщхьэ, хъыбар нэхъыщхьэ зиІэ псалъэр е псалъэухам и Іыхьэр и пэм ирагъэувэ. Абы къэІуэтэныгъэр нэхъ зэхэпщІэ ещІ. Зы псалъэухам мыхьэнэ зыбжанэ егъуэт, къэзыІуатэм жиІэну зыхуейм елъытауэ. Псалъэм папщІэ: Мухьтар Налшык щопсэу; Налшык Мухьтар шопсэу; Шопсэу Налшык Мухьтар.

Мы къэтхьа щапхъэхэм псалъэуха къэс ІыхьитІу гуэшащ. Япэ Іыхьэр къзІуэтэныгъэм и къегъэжьапІэщ, етІуанэ Іыхьэм япэм теухуауэ хъыбар гуэр жеІэ икІи хъыбар нэхьыщхьэр аращ дэзыгъащІэр. Псалъэухар мыхьэнэ зиІэ ІыхьэкІэ гуэшыным и лІэужьыгъуэхэр зэпхар псалъэхэм я увыкІэр аращ. Абы къыхэкІыу, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэухам псалъэхэм я увыкІэр Іэмал нэхъыщхьэу щытщ псалъэухар мыхьэнэ зиІэ ІыхьэкІэ гуэшыныр къэГуэтэнымкІэ.

Пыухыкlауэ псалъэухам псалъэхэм я увыкlэр стиль и лъэныкъуэкlэ къэlуэтэныгъэм и зы lэмалу мэувыр. Бзэм и стиль къэс езым ей псалъэ зэкlэлъыкlуэкlэ иlэжщ.

Псалъэухам псалъэхэм я зэкlэлъыхыкlэм стиль къалэн къудейкъым къэбэрдейшэрджэсыбзэм щигъэзащlэр. Псалъэхэм я увыкlэмкlэ жьэрыlуатэбзэмрэтхыбзэмрэ зэхэгъэкlа мэхъу, апхуэдэуи псалъэхэм я увыкlэмкlэ къэlуэтэныгъэм и зэхэщlэкъыщыхъуныгъэ теплъэр къэгъэлъэгъуа мэхъу. Псалъэухам хэт псалъэхэм я зэкlэлъыкlуэкlэр пхъуэжурэ къэlуэтэныгъэм Іуэрыlуатэ, лІыхъужь, усэ теплъэ иlэ бощlыфыр. Псалъэм папщlэ: *Къэкlуэжащ Бэдынокъуэ нэщхъейуэ*⁹ – Iуэрыlуатэзэраlуатэ теплъэ; *Хэплъэрт Сэтэней нэщхъейуэ, ежьэрт Сосрыкъуэ и хъыбар* зэхихыну¹⁰ – лІыхъужь теплъэ.

«Псалъэухам псалъэхэм я увыкІэм къалэну игъэзащІэ псоми (грамматическэ, коммуникативнэ, стилистическэ) зэгъусэу бзэм къэІуэтэныгъэр къызэрагъэпэщ. А къалэнхэр щхьэхуэ-щхьэхуэу къэплъытэ хъунукъым...»¹¹.

ЩыІэцІэ унейхэм падеж формант щапымытым деж псалъэухам и пкъыгъуэхэм субъект-объект зэхущытыкІэхэр къэгъэлъэгъуа зэрыхъур псалъэхэм я увыкІэмкІэщ.

Псалъэ къэс пыухыкlауэ увыпlэ щхьэхуэ зэраlэм мыхьэнэшхуэ щиlэщ мыбелджылы (падеж формантыншэ) конструкцэхэм. Мыпхуэдэ псалъэухахэм псалъэхэм я зэкlэлъыкlуэкlэр пхъуэжмэ, псалъэухам и мыхьэнэм зехъуэж. Лlэужьыгъуэхэр: субъект + предикат щхьитl зиlэхэм, субъект + объект + предикат щхьищ зиlэхэм, субъект + объект + предикат щхьищ зиlэхэм, субъект + объект + предикат щхьиплl зиlэхэм мыхьэнэ хэха ягъэзащlэу щытщ. Псалъэм папщlэ: Аслъэн Хьэсэн здишащ; Мурат Абу Инал хуишаш н.къ.

Мы псальэухахэм объектымрэ субъектымрэ я увып Іэр пхъуэжмэ, псальэхэм я синтаксическэ къалэнми зехъуэж: субъектыр объект мэхъу, объектыр — субъект.

Апхуэдэ щытыкІэ щыдолъагъу къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и лъэпкъэгъу бзэхэми: адыгеибзэм, абхъазыбзэм, н.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм глаголыр лъэІэсу е лъэмыІэсу зэрыщытым, полиперсональнэу зэрыщытым епхащ псалъэухам псалъэхэм я увыкІэм теухуа Іуэхугъуэ куэд.

Глагол лъэІэсхэмрэ лъэмыІэсхэмрэ зыхэт псалъэухахэм зэщхь икІи куэду зэрызэщхьэщыкІ зыкъом хэльщ. Абы къыхэкІыу псалъэухам псалъэхэм я зэкІэльыкІуэкІэм именительнэ, эргативнэ падежхэм дызэхуеплъынщ.

Именительнэ падежым глагол лъэмы Іэсым подлежащэм и щытык Іэр (формэр) еухуэ. Ар именительнэ падежым итщ.

Именительнэ ухуэкІэ зиІэ псалъэухахэм, актуальнэ членением нэгъуэщІ увыкІэ жимыІэмэ, хабзэр мыпхуэдэ зэкІэлъыкІуэкІэщ: именительнэ падежым ит подлежащэр япэ итщ, абы глагол лъэмыІэсыр къыкІэлъокІуэ: Ерстэм уафэм дэплъеящ¹²; А къеуджэкІхэм Болэт/Мэрян бгъэдэту яхоплъэ¹³; Заур Мударович здраджа совещанэм щІыхьащ¹⁴.

Сказуемэр щхьэ куэд зи Іэ глагол льэ Іэсу къак Іуэмэ, псалъэухам обстоятельствэ хэтынк Іэ мэхъу: *Мурид Софят губгъуэм здишащ*.

Именительнэ падежым ит подлежащэр нэхьыбэм сказуемэм и пэ иту бгъурыту е пэжыжьэу щыт хабзэщ: *Борисрэ Азэмэтрэ зопсальэ: Ди лъэмыжыр дыдейхэм ш*акъутэжыр сыт?¹⁵ А жэщым Атэбий дунейм ехыжаш¹⁶.

Косвеннэ объектыр сказуемэм и пэм иту къакІуэ хабзэщ. Мыпхуэдэ ухуэкІэр псалъэухам къыхэбгъэщыну узыхуей Іыхьэм елъытауэ пхьуэж мэхьур: ФатІимэт къалэм дэсш; Къалэм ФатІимэт дэсш.

Подлежащэм падеж формант щыпытым деж абы псалъэухам щиІэ увыпІэр нэхъ мащІэу убзыхуауэ щытщ, падеж формант щыпытым елъытауэ.

Субъект-объект зэхущытык Іэхэр къыщагъэльагъуэм деж псалъэхэм я зэк Іэльык Іуэк Іэм мыхьэнэшхуэ и Іэщ. Псалъэухам и пэм йоувэр субъект къэзыгъэльагъуэ псалъэр. Мыпхуэдэ зэк Іэльык Іуэк Іэ я Іэу щытщ псалъэхэм я увык Іэм нэгъуэщ І къалэн псалъэухам щамыгъэзащ Іэмэ (коммуникативнэ, синтаксическэ).

Эргативнэ ухуэкІэм псалъэхэм я увыкІэр куэдкІэ ещхьщ именительнэ ухуэкІэм. Подлежащэр псалъэухам и пэм мэув, сказуемэр псалъэухам и кІэмкІэ мэкІуатэ: *Мазизэ Іуэхум хэплъэн щІидзащ*¹⁷; *Аслъэнбэч куэд хуэзэфІэкІырт*¹⁸.

Эргативнэ ухуэк Іэ зи Іэ псалъэухахэм псалъэхэм я зэк Іэлъык Іуэк Іэр къэплъытэн щхьэк Іэ, гьэбелджылын хуейщ псалъэухам и грамматическэ лъабжьэр убгъуа зыщ І пкъыгъуэ ет Іуанэхэр.

Эргативнэ ухуэкІэ зыщІ глагол лъэІэсым къегъэувыр псалъэухам прямой объектым нэмыщІ косвеннэ объекти, определени, обстоятельстви хэтыну.

Субъект-объект зэкІэлъыкІуэкІэр эргативнэ конструкцэм морфологическэ ІэмалхэмкІэ къэгъэлъэгъуа мэхъур (субъектым, прямой, косвеннэ объектым и аффиксхэм я зэкІэлъыкІуэкІэмкІэ). Субъектнэ-объектнэ зэхущытыкІэхэр индефинитнэ конструкцэ зиІэ псалъэухахэм псалъэхэм я увыкІэмкІэ ІупщІ мэхъур.

Иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзэм субъектыр япэ ит хабзэщ, абы объектыр къыкІэльокІуэ. Дауи, а хабзэр къута щыхъуи щыІэщ: бзэм ущрохьэлІэ ар зэблэдзауэ къыщыкІуэ (объект-субъект).

Эргативнэ ухуэк эр, именительнэм (номинативнэм) хуэдэу, белджылы е мыбелджылы формэу къок уэ. Мыбелджылыуэ къыщык уэм деж псалъэхэм я увык эм мыхьэнэшхээ егъэзащ эр, сыт щхьэк эжып эмэ псалъэхэм я увык эмк эхобъект объект ээхущытык эхэр къэ уэта мэхъур: Лъэпщ гъук эным къыщ гедзэ 19; Сосрык туэ Бэдынок туэм и деж лык гуу игъэк гуда и топхэр араш дэнэк гишгъу ахъуэр: Балканым, Кавказ, Европэ псом 21; Вагъу эзэшиблым загъэзащ, нэху шынуш мыгувэу 22.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэхэм я увыкІэм мыхьэнэшхуэ щиІэщ индефинитнэ конструкцэ зиІэ псалъэухахэм. Апхуэдэ псалъэухахэм псалъэхэм

я зэкІэльыкІуэкІэмкІэ синтаксическэ зэхущытыкІэхэр къэІуэта мэхъур. Индефинитнэ конструкцэ зиІэ псалъэухахэм псалъэхэм я зэкІэльыкІуэм и закъуэкІэщ субъект-объект зэхущытыкІэхэр къэІуэта зэрыхъур. Подлежащэмрэ дополненэмрэ падеж формант зэрыпымытым къыхэкІыу, субъект-объект зэхущытыкІэхэр псалъэухам псалъэхэм я зэкІэльыхыкІэмкІэ къэІуэта мэхъур. Псалъэм папщІэ: Сосрыкъуэ Бэдынокъуэ хуиІуэхуащ²³; Хьэсэн Мурат письмо хуитхащ; Мысырыкъуэ тыгъэ зыхуищІыну иІэр Тузар закъуэта.

Мы щапхъэ къэтхьахэм субъект-объект зэхущытык Ізхэр псалъэхэм я зэк Ізльык Ізук Ізмк Із къэгъэлъэгъуа мэхъур. Мыпхуэдэ псалъэухахэм субъектыр япэ итщ. Нэгъуэщ Іу жып Ізмэ, иджырей адыгэбзэм подлежащэмрэ дополнен эмрэ я увып Ізр нэхъ тк Іий уэ щыт щабыхэм я формэр щы зэтех уэм деж. Ар къы щыхъур псалъэухам и пкъыгъу ит Іми падеж к Ізух щамы Ізм е т Ізми эргативнэ падежым и формантыр щапытым деж ш. Локъан Къемэт Ізухук Із куэдрэ ечэнд жэщырт; Мэшыкъу эм Изаным хуитхаш.

Синтаксисым ейуэ апхуэдэ хабзэ щымыlэмэ, е апхуэдэ хабзэ щыlэм утемытмэ, жыlэн хуейр зэхъуэкlа хъунущ. Псалъэм папщlэ, *Сосрыкъуэ Бадынокъуэ хуиlуэхуащ* псалъэухам подлежащэмрэ дополненэмрэ зэблэбгъэувыкlмэ, псалъэухам и мыхьэнэм зехъуэж — *Бадынокъуэ Сосрыкъуэ хуиlуэхуащ*. Иджы зыlуэхуар *Сосрыкъуэкъым*, атlэ *Бадынокъуэщ*.

Нэхьыбэм псалъэухам хэт псалъэхэм я зэк Іэльык Іуэк Іэр мыращ: $S+O+O_1+V$ (S- подлежащэ, O- прямой дополненэ, O_1- косвеннэ дополненэ, V- сказуемэ). Апхуэдэ пкъыгъуэ зэк Іэльыхык Іэм деж псалъэухам гьэпсык Іэ занщ Іэ и Іэу аращ. Къа Іуэтэну е къыхагъэщыну зыхуейм ельытауэ мыпхуэдэ ухуэк Іэм укъытек І мэхъур. Апхуэдэ щапхъэхэм куэдрэ дащрохьэл Іэ литературэм и жанр зэмыл Іэужьыгъуэхэм. Тхыбзэм куэдрэ ущрохьэл Іэ гьэпсык Із зэблэгъэувык Іа зи Іэ псалъэухахэм.

Псалъэухам псалъэхэм щаГэ увыкГэм стилистическэ къалэн игъэзэщГэныр хузэфГокГ. Стиль зэмылГэужьыгъуэхэр къызэгъэпэщыныгъэм хущГэкъуным къишащ псалъэ зэкГэлъыкГуэкГэ зэблэдзар, зэблэгъэувыкГар щыГэныр. Ар нэхъ иужькГэ бзэм къыщыхъуа Гуэхугъуэщ, щГэщ, абы инверсиекГэ йоджэ. ЗэкГэлъыкГуэкГэ зэблэгъэувыкГам щГыгъущ къэпсэлъыкГэри. Апхуэдэ зэкГэлъыхыкГэм и зы нэшэнэщ сказуемэр псалъэухам (подлежащэм) и пэм игъэувэныр. Логическэ ударенэри абы тохуэр. «ЗэкГэлъыкГуэкГэ зэблэгъэувыкГам (инверсием) куэд дыдэрэ дыщрохьэлГэ поэзием и бзэм, логическэ ударенэр къыхихыным нэмыщГ, псалъэкГэ нэхъ хэплъыхьа къызэригъэпэщу» 25. Мыбы щыгъуэм сказуемэм къещтэ коммуникативнэ къалэныр, псалъэухам къиГуатэм и ремэу щыту.

Къумахуэ Мухьэдин къызэрилъытэмкІэ, «ар епхащ псалъэр къыхагъэщын папщІэ къагъэсэбэп литературэ Іэмалхэм. Мыпхуэдэхэм логическэ ударенэм зэхэгъэкІын, къыхэгъэщын мыхьэнэ егъэзащІэ. Мыр иджырей усэбзэм куэду къыщагъэсэбэп Іуэхугъуэщ»²⁶. Еплъыт: Къызэщоур Хьэкурынэ... ЩІыуэ пІэрэ ар зытельыр?²⁷; Тайгам гъуэгу бгъуфІэ щеухуэф/ ЕщІыж щІэрыщІзу Ашхабад²⁸; ЩІадзащ Гуащэнэ гуэныжь гуэрым/ Хуагугъэр бийхэм сыту пІэрэ²⁹.

Ауэ зэкІэльыхыкІэ зэблэгъэувыкІа зиІэ псалъэуха псори инверсиеу убж хъунукъым. Къапщтэмэ, псалъэ занщІэм хэт авторым и псалъэхэм зэкІэльыкІуэкІэ зэблэгъэувыкІа яІэ хабзэщ, ауэ абыхэм стиль, синтаксис къалэн ягъэзащІэркъым. Епльыт: «Темыркъан къэсащ», — <u>жиІащ Аслъэныкъуэ</u>. Егъапщэт иджыри: <u>Зэрызохьэ къалэр; Къэсащ гъатхэр.</u> Дэ дызэреплъымкІэ, мыпхуэдэ щапхъэхэр зэкІэльыкІуэкІэ зэблэгъэувыкІам и лІзужьыгъуэщ.

Субъект-объект къэзыгъэлъагъуэ псалъэухам и пкъыгъуэхэр зэпэжыжьэу щытынкІэ хъунущ. Мыбдежым нэхъапэр мыхьэнэ нэхъыщхьэ зиІэр субъектыр япэ итынырщ: Рустам Тембот текІуащ; Инал СультІан къыхуитхащ.

Падеж кІзух зыпымыт псалъзухам и пкъыгъузхэр нэхъыбэ пщІы мэхъур. Адыгэбзэ глаголым субъектымрэ прямой объектымрэ къыщынэмыщІа, косвеннэ объектым и аффикси пытынкІэ хъунущ. Псалъэухам и пкъыгъуэу субъект, прямой объект, косвеннэ объект къэзыгъэлъагъуэхэм падеж кІэух пыувэнкІэ мэхъу: *Мурид Чэмал Мудар хуриджащ*; *Муридым Чэмалыр Мудар хуриджащ*.

ЕтІуанэ псалъэухам щыІэцІэ унейхэм пыт *-p,-м* аффиксхэм грамматическэ къалэн зыри ягъэзащІэркъым. Япэ псалъэухам синтаксическэ къалэнхэр зэрызэхэбгъэкІыр псалъэхэм я зэкІэлъыхыкІэмкІэщ.

Зи гугъ тщІахэр псори къызэщІэпкъуэжмэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэухам хэт псалъэхэм я зэкІэлъыкІуэкІэр нэхъыбэм мыхэращ:

1. Эргативнэ псалъэухам нэхъыбэрэ къакІуэр мыпхуэдэ ухуэкІэщ: SOV. Псалъэм папщІэ: *Мурат хъыджэбзыр къицІыхужащ*; *Щоджэным унэр къищэхуащ*.

Мы щапхъэхэм мыпхуэдэ ухуэкІэ яІэу пщІы хъунущ: OSV, OVS, SVO, VSO, VOS. Ауэ апхуэдэ зэхъуэкІыныгъэхэм псалъэухам и мыхьэнэм, къыхэгъэщыным, н.къ. зрегъэхъуэжыр: Хъыджэбзыр Мурат къицІыхужащ; Хъыджэбзыр къицІыхужащ Мурат; Мурат къицІыхужащ хъыджэбзыр; КъицІыхужащ Мурат хъыджэбзыр; КъицІыхужащ хъыджэбзыр Мурат.

2. Эргативнэ псалъэухам OSV ухуэкІэ иІэнкІэ хъунущ. Апхуэдэ псалъэухахэм глагол *тхьэлэн, укІын, исын* хэт хабзэщ. «Мыпхуэдэ псалъэухахэм субъекту нэхъыбэрэ къокІуэ *щыблэ, псы, дыгъэ, уэшх, жьы,* н.къ. псалъэхэр»³⁰. Щапхъэ: *Къардэныр уэшхым иуфэнщІащ; Мухътар псым итхьэлащ.* Мы ухуэкІэхэм яІэнкІэ хъунущ SOV, OVS, SVO, VSO, VOS лІэужьыгъуэхэр, ауэ сытым дежи псалъэухам и мыхьэнэм зехъуэж.

Эргативнэ ухуэкІэ зиІэ псалъэухахэм OSV зэкІэлъыхыкІэ яІэу бзэм къызэрыкІуэр мащІэ дыдэрэщ, нэхъыбэу къакІуэр SOV зэкІэлъыкІуэкІэрщ.

3. Субъектымрэ объектымрэ зэкlэльыкlуэкlэ ткlий яlэщ апхуэдэу къэкlуа щыlэцlэхэм «абсолютив – эргатив» зэпэщlэуэныгъэ ямыlэмэ: Аслъэн Беслъэн ельагьу; Нэгъүейм Иуаныр ецlыху.

Мыпхуэдэ псалъэухахэм я ухуэкІэр пхъуэжмэ, и мыхьэнэм зихъуэжынущ.

- 4. Субъектымрэ объектымрэ я увык Іэр пхъуэж хъуркъым объекту 3-нэ щхьэм и щхьэ ц Іэпапщ Із къыщык Іуэм деж. Косвеннэ объект зыхэт эргативнэ псалъэухахэм я къэк Іуэк Іэр тк Іий щ: S+KO. Щапхъэ: Тембот абы письмо хуитхащ. Мы псалъэухам мыпхуэдэ увык Іэхэр и Іэу пщ Іы мэхъу: S-O-KO-V, S-V-O-KO, V-O-S-KO, O-V-S-KO. Ауэ, зэрытлъагъущи, сытым дежи КО-р S-м и ужьым иту къок Іуэ. Апхуэдэу щымытмэ, псалъэухам и мыхьэнэр нэгъуэщ Мэхъур: Абы Тембот письмо хуитхаш.
- 5. Глагол лъэмы Іэс зыхэт псальэухам (абсолютнэ конструкцэм) къак Іуэ хабзэр SV зэк Іэльык Іуэк Іэрщ, ауэ VS зэк Іэльыхы к Іи и Іэнк Іэ мэхъу. Щапхъэ: Аслъэн йоджэ Йоджэ Аслъэн; Щоджэныр мэлажьэ Мэлажьэ Щоджэныр.
- 6. Абсолютнэ конструкцэ зи іэ псальэухахэм субьектымрэ объектымрэ щы іэціэ унейуэ къакіуэмэ, абыхэм я зэкіэльыкіуэкіэр ткіийщ SO: Исльам Бесльэн токіуэ. Ауэ щы іэціэ унейхэм аффикс -p,-м пыувэмэ, я увыкіэр тіум хуэдэуи мэхьу: SO e OS. Щапхьэ: Исльамыр Бесльэным токіуэ; Бесльэным Исльамыр токіуэ; Мэшыкъуэр Къардэным епсэльащ; Къардэным Мэшыкъуэр епсэльащ.
- 7. ЗэрыупщІэ, мыхъуныгъэ псалъэухахэм абсолютнэ конструкцэм деж я зэкІэлъыкІуэкІэр SV-у щыт хабзэщ, эргативнэ псалъэухам я зэкІэлъыхьыкІэр SOV-у щытщ. Щапхъэ: Руслъан къажэрэ?; Жамбот шхакъым; Мадинэ письмор итха?; Темболэт сочиненэ итхакъым.
- 8. ЩыІэцІэ унейхэр (республикэ, къалэ, район, къуажэ, газет, журнал, н.къ. я фІэщыгъэцІэхэр) косвеннэ объекту (КО) къыщыкІуэм деж субъектым (S) и ужь ув хабзэщ. Щапхъэ: Хьэжмурат Налшык щоджэ; Зэхуэсыр Къэрэшей-Шэрджэс республикэм щекІуэкІащ; Тхыгъэр «Іуащхьэмахуэ» журналым къытрадзащ.

Мыпхуэдэ псалъэухахэм, ищхьэмкІэ зэрыжытІащи, псалъэхэм я увыкІэр хуитщ. Ар зэпхар авторым къыхигъэщыну, гу лъыдигъэтэну зыхуейр аращ: *Хьэжмурат Налшык щоджэ; Щоджэ Налшык Хьэжмурат*.

ЩыІэцІэ унейхэм къалэ, къуажэ, республикэ, район, газет, журнал, н.къ. псалъэхэр дэщІыгъуу къыщыкІуэм деж я увыкІэр ткІийщ: щыІэцІэ уней + щыІэцІэ зэдай. Щапхъэ: Налшык къалэ, Щхьэлыкъуэ къуажэ, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Дзэлыкъуэ район, «Іуащхьэмахуэ» журнал.

9. УвыкІэткІий яІэщцІыхуцІэхэм сымэ, сэрэ, дэрэ, дэрэ псальэхэр щадэщІыгъум деж: Хьэсэн сымэ къалэм кІуащ; Мурат сэрэ хадэр довэ; Руслъан фэрэ дэнэ фыщыІа? Мы щапхъэ къэтхьахэм мыпхуэдэ зэкІэльыкІуэкІэ сымэ Хьэсэн, сэрэ Мурат, фэрэ Руслъан пщІы хъуркъым. Ауэ етІуанэ, ещанэ псальэухахэм цІэм зэпызыщІэ суффикс -рэ къыщыпыувэм деж апхуэдэ зэкІэльыхыкІэр къозэгъ: Сэрэ Хьэсэнрэ; Фэрэ Руслъанрэ.

Гу зэрылъыттащи, псалъэухар зэраухуэ Іэмал нэхъыщхьэхэр мыращ: псалъэхэм я зэк Іэлъык Іуэк Іэр, актуальнэ членение жыхуэт Іэр, къэпсэлъык Іэр, логическэ ударенэр. Псалъэухам къи Іуатэ гупсысэр, абы и Іэнк Іэ хъуну синтаксическэ, стилистическэ мыхьэнэр елъытащ псалъэхэм псалъэухам ща Іэ зэк Іэлъыхык Іэм.

ТегъэщІапІэхэр

- 1. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989, 383 с.
- 2. Балкаров Б.Х. Порядок слов в предложении // Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957. С. 213–214.
 - 3. Урыс Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Нальчик, 1994. 215 с.
- 4. *Хутежев 3.Г.* Порядок слов в простом предложении кабардино-черкесского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 1999. 20 с.
- 5. Жилетежев Х. Ч. Специфика собственных имен существительных в кабардиночеркесском языке. Нальчик. 2009. 113 с.
 - 6. Урыс Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Нальчик, 1994. Н. 86.
- 7. Кумахов М.А., Вамплинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Лундский университет (Швеция), 1998. С. 31.
- 8. Жилетежев Х. Ч. Специфика собственных имен существительных в кабардиночеркесском языке. Нальчик. 2009. С. 70.
 - 9. Нартхэр. Налшык, 1995. Н. 238.
 - 10. Ар дыдэм. Н. 116.
 - 11. Хутежев З.Г. Указ. соч. С. 5-6.
 - 12. КІэрашэ Тембот. Шу закъуэ. Налшык, 1989. Н. 98.
 - 13. КІыщокъуэ Алим. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык, 1956. Н. 355.
 - 14. *Нало Ахьмэдхъан*. Тхыгъэхэр. Т. 1. Налшык, 1993. H. 55.
 - 15. *Къэрмокъуэ Мухьэмэд*. Тхыгъэхэр. Т. 1. Налшык, 1999. Н. 156.
 - 16. Шэджыхьэщ З Хьэмыщэ. Тхыгъэхэр. Т. 2. Налшык, 1994. Н. 97.
 - 17. Ар дыдэм. Н. 294.
 - 18. Хьэхъупащ Рэ Амырхъан. Тхыгъэхэр. Налшык, 1983. Н. 99.
 - 19. Нартхэр. Налшык, 1995. Н. 338.
 - 20. Ар дыдэм. Н. 171.
 - 21. МафІэдз Сэрэбий. Мыщэ льэбжьанэ. Налшык, 1998. Н. 245.
 - 22. Нало Ахьмэдхьан. Тхыгъэхэр. Т. 2. Налшык, 1993. Н. 264.
 - 23. Нартхэр. Налшык, 1995. Н. 172.
- 24. *Мэлбахъуэ Елберд*. Іуащхьэмахуэ кІуэ гъуэгур шынагъуэт. Налшык, 1986. H. 45.
 - 25. Урыс Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Нальчик, 1994. Н. 92.
- 26. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989. С. 19.
 - 27. КІыщокъуэ Алим. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык, 1956. Н. 531
 - 28. КІуащ БетІал. Тхыгъэхэр. І том. Налшык, 1958. Н. 267.

- 29. Къагырмэс Борис. Вагъуэбэ. Налшык, 1982. Н. 138.
- 30. Кумахов М.А., Вамплинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Лундский университет (Швеция), 1998. С. 75.

Х.Ч. Жилетежев

СЛОВОПОРЯДОК СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности словопорядка собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Автор приводит примеры основных конструкций таких предложений.

Ключевые слова: собственные имена, синтаксическая роль, словопорядок, конструкция, субъект, объект, стиль.

H.Ch. Zhiletezhev

WORD ORDER OF OWN NOUNS IN KABARDIAN-CURKCASSION LANGUAGE

In the article consider peculiarity of word order of own nouns in Kabardian-Circassion Language. The author gives examples of the main structure of the sentence.

Keywords: proper names, syntactic role, word order, structure, subject, object, style.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 821.352.41

ТІымыжь Хь.Т.

ХЭХЭС АДЫГЭ ЛИТЕРАТУРЭМ И КЪЫХЭКІЫПІЭ НЭХЪЫЩХЬЭ

Тхыгъэм тегъэщlaпlэ хуэхъуар хэхэс адыгэ литературэм и къыхэкlыпlэ нэхъыщхьэу лъэпкъ ІуэрыІуатэр зэрыщытырщ. Апхуэдэу абы зэпкърыха щыхъуащ нэгъуэщІ лъэпкъхэм яхэс, нэгъуэщІ къэралхэм щыпсэу ди хэкуэгъухэм я художественнэ дуней еплъыкІэр къызэтенэжын щхьэкІэ, адыгэ ІуэрыІуатэм игъэзащІэ къалэныр, хамэбзэкІэ тхэ тхакІуэхэм я ІэдакъэщІэкІхэр лъэпкъ щэнхабзэм и хэлъхьэныгъэу къыдэзыгъэльытэ нэщэнэхэр, къуэкІыпІэ литературэ къулейм къыхэтэджыкІ адыгэ усакІуэм е прозаикым и гупсысэкІэм къыщыхъу зэхъуэкІыныгъэхэр зыхуэдэр. Мы тхыгъэр сэбэп яхуэхъунущ Кавказ Ищхьэрэм ис лъэпкъхэм я литературэхэр къэхутэным елэжь ІэщІагъэлІхэм, еджапІэ нэхъыщхьэхэм я егъэджакІуэхэм.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: хэхэсхэр, хэхэс адыгэ литературэ, ІуэрыІуатэ нэщэнэхэр, художественнэ дуней лъагъукІэ, менталитет, къыхэщхьэхукІыныгъэ, литературэ Іуэхугъуэхэр, Іэмал, хъэтІ, къуэкІыпІэ лъэпкъхэм я щэнхабзэ, этикэ.

Нобэ Къэбэрдей-Балъкъэрми, Адыгейми, Къэрэшей-Шэрджэсми лэжьыгъэ щхьэпэ щокlуэкl адыгэ Іуэрыlуатэм и «дыщэ пхъуантэр» щыз щІыжыным, льэпкъ Іущыгъэхэр дэнэ щІыпІэ щимыкъухьами, зэхуэхьэсыжыным хуэунэтІауэ. Литературэдж-къэхутакІуэхэр абыхэм щыгъуазэу щытыным мыхьэнэшхуэ иІэщ, сыт щхьэкІэ жыпІэмэ хэхэс адыгэ тхакІуэхэр сыт хуэдэбзэкІэ мытхэми, къэхъуркъым льэпкъ а и хъугъуэфІыгъуэхэм я кІадэм щимыІэбэ. Хэхэс адыгэхэм къахэкІа тхакІуэхэм я льэпкъ ІуэрыІуатэр фІыуэ зэращІэм щыхьэт тохьуэ нарт эпосым, ди хъыбарыжьхэм, таурыхьхэм, уэрэдыжьхэм узыщрихьэлІэ зэгъэпщэныгьэ гъэщІэгъуэнхэр, художественнэ Іэмал зэхуэмыдэхэр я тхыгъэхэм куэдрэ къызэрыщагъэсэбэпыр. Уеблэмэ яхэтщ ІуэрыІуатэ сюжетхэр я художественнэ тхыгъэхэм кыхэзышэхэр, лъэпкъ тхыдэр абыхэм хаухуанэурэ. Апхуэдэщ, псальэм папщІэ, Натхъуэ Къадыр, Омер (Іэпщацэ) Зэхърэ, Четин Онер, Къандур Мухьэдин, Уэтэр Сами, нэгъуэщІхэри.

Совет лъэхъэнэм и пэщГэдзэхэм тхыбзэщГэм тету ежьа адыгэ литературэр зэфГэувэнымкГэ лъэпкъ ГуэрыГуатэм и мыхьэнэм тепсэлъыхьурэ, БакГуу Хъ.И. етх «а зэманым лъэпкъым и художественнэ менталитетыр литературэм хъума щыхъуамэ, ар псом япэу «Нарт» эпосым и фГыщГэу зэрыщытыр» 1. Ар дыдэр хужыпГэ хъуну къелъытэ щГэныгъэлГым лъэпкъым и художественнэ шэнхабзэр къэгъэщГэрэщГэжыным ерышу яужь ит хэхэс адыгэхэми.

БакІуум и Іуэху еплъыкІэр деІыгъ филологие щІэныгъэхэм я доктор Гъут Іэдэми. «Зы лъабжьэ иІэу къежьа лъэпкъыр и щІыналъэкІи, и бзэкІи, и экономикэкІи зэпэІэщІэ щыхъуа зэманым, – етх щІэныгъэлІым, – ар зэшэлІэжынымкІэ ІуэрыІуатэм игъэзащІэ къалэным хохъуэ, езы адыгэхэр абы хущІэкъуу щытмэ»². Лъэпкъыр зы хъужыным адыгэхэр щыхущІэмыкъуа лъэхъэнэ щыІакъым, хэхэс адыгэ литературэм лъэпкъ ІуэрыІуатэм хуиІэ пыщІэныгъэ быдэр зэи къызэрымытІасхъэм хуэдэу.

Абыхэм я щапхъэхэр щыгъунэжщ хэхэс адыгэ тхак Іуэхэм я творчествэм. Псалъэм папщІэ, тырку тхак Іуэшхуэ Мыдхьэт (Хьэгъур) Ахьмэд литературэм зэрыхыхьар тыркухэр «хьэлвэ пщыхьэщхьэк Іэ» зэджэ зэхэсхэм щызэхиха хъыбархэмрэ псысэхэмрэ итхыжурэщ. Иужьк Іэ адыгэ щ Іалэм и рассказхэм я таурыхъ сюжетхэр

Истамбыл и уэрамхэм, хы Іуфэм, шей ефапІэхэм «къыщыхъуу» хуежьащ. Абыхэм къахыхьащ адыгэ ІуэрыІуатэм къыхихахэри: псалъэм папщІэ, «адыгэхэм я хабзэхэм теухуауэ «Кавказ» романым зи гугъу щищІ хъыбархэр (п.п., нэхъыжьыр адыгэхэм зэрагъэльапІэр, пщІэ лей зэрыхуащІыр Бадынокъуэ нартхэм къахилъхьа хабзэфІым къыдежьауэ; адыгэ лъахэр жэнэт щІыпІэ щІэхъуамрэ Ашэмэз и бжьамиймрэ, н.къ.)»³. Апхуэдэхэм уащрохьэлІэ «Хъусейн Феллах» романми, «Адыгэ уэркъхэр» пьесэми, «УнэІут» рассказми, нэгъуэщІхэми.

«Ныбжызо!», сипхъу — зэхэщіыкі, си нысэ» адыгэ псэлъэкіэм, щіагъыбзэ зыщіэльым, тетт Омер Сейфеддин (Хьэтыкъуэ) къэзыухъуреихъ ціыхухэм ядильагъу мыхъумыщіагъэхэр захригъэнэну яужь щихьэкіэ. И ауан рассказхэмкіэ абы утыкум къришэрт адыгэ таурыхъхэм я ліыхъужь хьилэшыхэу Къуийціыкіурэ Хъуэжэрэ, ефэнды хьэрэмышхымрэ пщы зэхэщіыкіыншэмрэ я прототипхэу Хъуэжэефэнды, Мыстіыкъ, Эфруз-бей, Мыхьмуд-бей сымэ.

«Сыадыгэщ» жыпІэныр мащІэщ адыгэбзэм фІэкІ нэгъуэщІ зы бзэми узыщримыхьэлІэ «цІыху псэхэгъуа», «и жьафэ къехыркъым», «и фэм кІуэцІыхуэжыркъым», «и пыІэкур къриудащ», «ныбафэуз хъуащ» псалъэ зэпхахэмрэ фразеологизмэхэмрэ хуэдэхэр тыркубзэм хэбгъэхьэу, абыхэм адыгэхэм кърах мыхьэнэр тырку тхылъеджэм къыгурыбгъэІуэн щхьэкІэ. Лъэпкъ художественнэ дуней еплъыкІэ хэхам а и щапхъэ тельыджэхэм хамэхэр щыгъуазэ хуищІыну хузэфІэкІащ ди лъэпкъэгъу тхакІуэ шэджащэм. Шэч хэмылъу ахэращ «тхакІуэшхуэм и бзэм зыми емыщхъ гьэщІэгъуэнагъхэр хэлъу» тырку литературэ къэхутакІуэхэм жезыгъэІэр.

Иорданием щыпсэу ди лъэпкъэгъухэм къахэк а тхак уэ гъуэзэджэ Омер (Іэпщацэ) Зэхърэ «адыгэ лъахэр нартхэм я щ ыгужьу, адыгэ ц ыхухэр Сосрыкъуэ и щ эблэущ» зэрибжыр, и романым ф ищари «Сосрыкъуэ и к уэдык ар» жи зущ. Романым и пэм къыщыш 1эдзауэ и к 1эм нэс сюжет псырылъищ зэгуэухуэнауэ щыукъуэдиящ − нартхэм теухуар, Истамбылак уэр, нэкъыф 1эщ 1 дунейр. Нанэжь (Мысырхъан) − романым хэт л ыхъужь нэхъыш хьэм − и гукъэк ыжхэр зи лъабжьэ сюжетыр тхак уэм зэрыришажьэри Сосрыкъуэ и пшыналъэм к 1эш зак узы пынальэм к 1эш зак узы пыналь пынальэм к 1эш зак узы пыналь пына

«А, Тембот, щхъэузыхь сызыхуэхъун! А си псэ закъуэ, къыпыщэт Сосрыкъуэ и пшыналъэм! Уэ уи макъыр жъгъырущ, гум щІохьэ, игъэузу... Къиш, си щІалэ, Сосрыкъуэ и уэрэдыр. Сэ абы гукъэкІыж куухэм сыхешэж, гуІэ нэпсхэр къысфІыщІихуу...»⁶.

Сосрыкъуэ и пшыналъэм хуэдэу нарт эпосым хэткъым адыгэм и псэр, и гупсысэр, къэзыухъуреихъ дунейм хуиІэ щытыкІэ хэхар нэхъыфІу къыщыгъэлъэгъуэжа, икІэмикІэжым лъэпкъым и щхьэм кърикІуам нэхъ ещхь. «А пшыналъэр адыгэм дерс къызыхихын защІэт, – етх Іэпщацэм, – ауэ а чэнджэщ Іущыщэхэр зэныкъуэкъунымрэ зэижынымрэ яІэщІигъэгъупщыкІат»⁷. Ауэ Зэхърэ езым ахэр зэи игу ихуакъым. Аращ лъэпкъ зэхэщІыкІым и фэеплъ телъыджэмрэ тхыдэ къэхъугъэмрэ зэгуипхэу и романым лъабжьэ щІыхуищІар, «зыкъэфщІэж, адыгэ, пшыналъэр мыбгъунлъэн папщІэ, фэ тегъэщІапІэ фшІын фиІэш» къыджиІэу.

Нарт хасэм ныхуэкІуэу ежьа Сосрыкъуэ кІуэдыпІэ зэрырашэр зи псэм ищІа Сэтэней-гуащэ мэгузасэ, Истамбыл гъуэгу мыгъуэжьым трахуа лъэпкъ хейр абы текІуэдэнкІэ зэрыхъунум Нанэжь (тхыгъэм хэт персонаж нэхъыщхьэр) егъэхыщІэ. Романым къыщыхъу Іуэхугъуэ псори къызэкІэрэхъуэкІ бзылъхугъэмрэ нарт эпосым и джэлэс Сэтэнейрэ я образхэм зэщхьыныгъэ куэд хэлъщ. И къуэм мурад бзаджэ къыщыхуащІа хасэм имыгъэкІуэн, Сосрыкъуэ кърыригъэзэжын щхьэкІэ, Сэтэней абы лъэпощхьэпо Іэджэ гъуэгум щыпегъэув. Нанэжьи хамэщІ жагъуэм кІуэ и хэкуэгъухэр къигъэувыІэнут, лъэкІамэ. Ар къыщемыхъулІэкІи, мэжэщІалІагъэм иубыдауэ, шэджэладжэ хъуауэ хэгъуэгу мыцІыхум къихута адыгэ бынхэм щхьэузыхъ захуищІыну хъэзырщ. Нэхъыщхьэу тхакІуэм къилъытэращи, «Нанэжь и гъащІэр ихьащ Сосрыкъуэ нартхэм къахуихъыжа мафІэр адыгэ жьэгум щымыгъэужьыхыжыным теубгъуа зэпыту...»⁸.

Хэхэсхэм я деж лъэпкъ Іущыгъэм и налкъутналмэсхэр щызэхуэхьэсыжынымкІэ лэжьыгъэшхуэ зэфІэзыгъэкІа усакІуэ-уэрэдус Кубэ Шэбан и творчествэми гъэщІэгъуэнагъ куэдым ущрохьэлІэ, абы и къэгъэсэбэпыкІэм ехьэлІауэ. Апхуэдэ зы щапхъэу къэтхьынти «ФІанитІ» зыфІища и усэр. Абы усакІуэм хеящІэу Іуэхум къыхешэ нарт лІыхъужь Лъэпщ.

Зэгуэр Лъэпщ фІанитІ ищІат зэщхьыркъэпсу, а махуэ дыдэми ахэр ящэхуат — «зыр лэжьакІуэжь Іэрыхьащ, адрейр — щхьэхынэм». ЗэманыфІ дэкІауэ ахэр зэІуощІэж: лэжьакІуэжь ейр зэрыщІэрыпсым хуэдэу къэнат, щхьэхынэм хуэзар ульият. Іуэхум гурыщхъуэ къыщыхэкІым, фІанитІыр Лъэпщ деж кІуащ. Ар нартхэм я гъукІэ Іущым псынщІэ дыдэу зэфІихащ:

Зэрыхъум къыщІэдэІу, сэ ныбжесІэнщ, ПцІы хэлъкъым мыбы – гъэхъу уи фІэщ: ИмыщІэу щхьэх мыр зейм дэлэжьащ, Іуэхуншэу уэ къуагъ гуэрым укъуэлъащ⁹.

Зы фІанэр лажьэрти — зэрыщытауэ къэнэжащ, адрейр «къиин гуэри хэмыту» къуэдзэщым щІэльурэ щІзульиихьащ. Эпосым и лІыхъужьым и псалъэхэмкІэ усакІуэр къыдочэнджэщ: цІыхур зыгъэдахэр, насыпыфІэ зыщІыр лэжьыгъэращи, абы фыхуэмыщхьэх. «ФІанитІым» и усэ гъэпсыкІэм тету тхащ «Іэхъуэм и уэрэд», «КъуийцІыкІу», «Нарт щауэ», «Жэбагъы и тхьэусыхэ» усэхэр, «Іуащхьэмахуэ» поэмэ-уэсятыр, нэгъуэшІхэри.

«Нарт» эпосым, адыгэ таурыхьхэмрэ хъыбарыжьхэмрэ хэт лІыхьужьхэр и усыгъэхэм къызэрыхишэ къудейркъым Кубэ Шэбан и ІэдакъэщІэкІхэр щІэщыгьуэ зыщІыр, атІэ Іэзэу къызэригъэсэбэпырщ нарт пшыналъэхэм щІэт жьыуэри, рифмэ гъэпсыкІэри, абыхэм къыхих образ гъэщІэгъуэнхэри. Абы и щапхъэу къэпхь хъунущ адыгэ мамлюк сулътІанхэм ятеухуа поэмэ гупыр. Нарт лІыхъужьхэм я циклхэм ещхьу, Кубэм абыхэм яфІищари «пшыналъэщ».

«Мамлюкхэр. Адыгэ тхыдэм щыщ эпос» циклым поэмэ 23-рэ хохьэ. Эпосым нарт пшынальэхэр зэрыщызэкІэльыхьам хуэдэу, мамлюк хъыбархэри ублапІэрэ ухьшІэрэ яІзу, ауэ гупсысэ нэхьыщхьэм псори зэришэлІэжу зэхэгъэуващ. «Нарт хъыбархэм», «Манас» эпосым хуэдэущ усакІуэр а циклым зэрыбгъэдыхьэр, – етх профессор ШащІэ Къазбэч, – хэгъэзыныгъи, «хэщхьэрыуэныгъэ» гуэри абы къигъэхьуныр Іэмал зимыІэщ. ЛІыхъужьхэм я бжыгъэм тещІыхьа тхыгъэхэм адыгэ сулътІанхэр щыпсэуа лъэхьэнэр зыхуэдэри абыхэм ягъэхъари наІуэу ди нэгу къыщІагъэувэж, хасэ унафэр цІыхубэр зэрыпсэу унафэу хэгъуэгум щызекІуэу зэрыщытами ар уагъэльагъу» 10. Хъыбарым «эпическэ фащэ Іэзэу щитІэгъэфу зэрыщытар» усакІуэм и ехъулІэныгъэ нэхъ инхэм ящышу къелъытэ ШащІэм. КъыжыІэн хуейщ литературэмрэ ІуэрыІуатэмрэ зэхэзыухуанэ а «Іэмалым» хэхэс усакІуэ зыбжанэ Кубэ Шэбан зэрыхуигъэсари.

США-м щыпсэу Натхьуэ Къадыри ящыщщ нарт эпосым и пшынальэхэр, адыгэ ціыху щэджащэхэм хуауса ліыхьужь уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ зи творчествэм гуащіафізу къыщызыгъэсэбэпхэм. Абы и новеллэ куэдым лъабжьэ яхуищіар адыгэ ІуэрыІуатэм къыхиха сюжет, гупсысэ гъэщіэгъуэнхэрщ. Абыхэм я гугъу ищіурэ, профессор Бэчыжь Л.А. етх: «Лъэпкъ художественнэ гупсысэ къэунэщіыкіэр тхакіуэм къызэригъэсэбэпыр жиіэну зыхуейр къызэрыдгуригъаіуэ Іэмал закъуэукъым, ар икіи лъабжьэ яхуохъу ціыхугъэмрэ хабзэмрэ теухуауэ Натхъуэ Къадыр иіэ новеллэхэм я сюжетымрэ фабулэмрэ я зыузэщіыкіэм»¹¹.

Еджагъэшхуэм зи гугъу ищ Бр Натхъуэм езым и лъэхъэнэгъум и хьэл-щэн, и дуней тетык Іэ, зыгъэгуф Із-зыгъэп Іейтей Іуэхугъуэхэр лъэпкъ Іуэры Іуатэм хэт персонажхэм гьэш Ізгъуэну зэрырагъап щэр щ, псори ф Іыуэ дызыщыгъуазэ хъыбарыжьхэмрэ таурыхъхэмк Іэ иджырей адыгэхэм я дунейр къызэрытхузэ Іуихыр щ, Іуэры Іуатэ сюжетхэмк Іэ и новеллэхэм я ухуэк Іэр (экспозицэ, завязкэ, кульминацэ, развязкэ) шэш Іа зэриш Іыр ш. Мыдхьэт Ахьмэд хуэдэу, Натхъуэ Къадыри зытетыр адыгэ хъыбар къэ Іуэтэжык Із хабзэр ш.

Мы щапхьэхэм къызэрагъэльагъуэщи, адыгэм и шыфэлІыфэр, и дуней тетыкІэр хэхэс адыгэ тхакІуэхэм псом япэу зыхалъагъуэр ІуэрыІуатэрщ. Лъэпкъ ліыхъужьым и образ къыщагъэщікІэ, абы и хьэл-щэным кІэралъхьэнухэр къаймэщІэкІыу зэрыхуежьэу, а тхакІуэхэр занщІэу зэІэбри аращ. Ауэ апхуэдэхэм къащхьэщыкІыу Натхъуэм нэгъуэщІ Іэмалхэри, Іуэху бгъэдыхьэкІэхэри къегъэсэбэп. Тхыдэмрэ археологиемрэ фІыуэ хэзыщІыкІ щІэныгъэлІыр, «Нарт» эпосыр и тегъэщІапІэу, хэтщ художественнэ ІэмалхэмкІэ адыгэм къикІуа гъащІэ гъуэгуанэр зэфІигъэувэжыну. Ар хъэкъ къыпщащІ «Кавказым и хъыбарыжьхэмрэ и хъыбарыщІэхэмрэ» тхылъым ихуа новеллэхэм.

Лъэпкъым и тхыдэм епха хъыбархэр лъэхъэнэк и зытепсэльыхь Іуэхугъуэхэмк и зэк Іэльыгъэк Іуауэ новеллэхэм къыще Іуэтэж зи ныбжыр илъэсищэм шхьэдэха Хьэт Іэхьу-дадэ. А лыжь Іущым и псалъэхэмк Іэ тхак Іуэм къыдже Іэ адыгэхэм я лакъуэр нартхэм я деж къызэрыщежьэр, нартщылъхуу забжыжу игъащ Іэми къызэрек Іуэк Іыр. Ик Іи Натхъуэр хущ Іокъу нарт хъыбарыжьхэм къа Іуэтэж Іуэхугъуэхэр сыт хуэдизк Іи и лъэпкъым, и тхыдэм кърипхыну. Новеллэхэм зи гугъу ящ Іыж Іуэхугъуэхэр къышыхъур адыгэ щ Іыгужьыр — Кавказыр щ, абыхэм хэт лыхъужьхэри езы Хьэт Іэхъу-дади къышалъхуар араш. Апхуэд э Іэмалымк Іэ Натхъуэ Къадыр хамэщ І шыпсэухэм ягу къегъэк Іыж «лыгъэр зи бащ э нарт лыхъужьхэм» я лъахэр адыгэхэм я тхыдэ хэкурауэ зэрыщытыр, абы хуэфэщэж хабзэрэ зэхэтык Іэрэ шэрджэсхэм зэра Іэр, я хъуэпсап Із нэхъ инри ар егъэф Іэк Іуэным зэрепхар.

ТхакІуэм къиІуэтэну зыхуей гупсысэр тхылъеджэхэм нэхъ гурыІуэгъуэ щащІын мурадкІэ, Осман Челики («Къафэ», «Къэзанокъуэ Жэбагъы»), Четин Онери («Къырхэм тетхащ», «Бинбогъуэ щыщ щІалэ цІыкІу», «Былыз къыздихь гъатхэ»), Къандур Мухьэдини («Кавказ», «Шэрджэсхэр. Балкан тхыдэ», «Революцэ»), Уйсал Муси («Дэнэ сыкъикІрэ икІи дэнэ сыкъэса?»), Хъуэст Надии («Жьы хъужаитІыр», «Къыдыр хужь»), Расим Рушдии («Жан»), нэгъуэщІхэми къагъэсэбэпащ лъэпкъ ІуэрыІуатэр, абы къыхаха сюжетхэмрэ зэгъэпщэныгъэхэмрэ.

«Нартыжьхэм зэращыльхум» иригушхуэу «нарт льахэм», «нарт-хэку анэм», «нарт тхьэмадэ Іуащхьэмахуэ», «Іздииху къигьэнэху гъуэгум», «Сэтэней и бын тІасэм», «нарт джатэ Ізпщэм и быдагьым» хуоусэ хэхэс адыгэ усакІуэхэу Аталай (Инэмыкъуэ) Мулид, Тхьэгъэзит Рафикъ, Къэзан Яхья, Тхьэзэплъ Фозий, Мерэтыкъуэ Метин, Къандур Мухьэдин, Шыфэкъуж Самихьэ, Хъунэгу Надия, Цурмыт Елдар, Ізпэзауэ Жэмал, нэгъуэщІхэри. Абыхэм я усэ куэдыр гъэпсащ нарт пшыналъэхэм я щапхъэм тету е гъыбзэ щытыкІэ яІзу.

Льэпкъым и шыфэлІыфэр, и къарур, и гупсысэ къэухьыр къызэрагъэлъагъуэ художественнэ Іэмалу, хэхэс адыгэ тхакІуэхэми ІуэрыІуатэм къыхаха образхэр, зэгъэпщэныгъэхэр, жыІэгъуэ, псалъафэ гъэщІэгъуэнхэр ІэкІуэлъакІуэу къагъэсэбэп. НэгъуэщІу жыпІэмэ, нэрылъагъущ бзэм и гъусэу хэхэс адыгэхэм я щэнхабзэ шхьэхуэр, лъэпкъ психологиер хэмыгъэкІуэдэжыным и мэІуху лъэщу ІуэрыІуатэр къызэрынэжыр. Профессор Бэчыжь Л.А. къелъытэ «лъэпкъ художественнэ гупсысэм а и лъабжьэхэм я фІыгъэу адыгэхэр зыхэс лъэпкъхэм яхэмышыпсыхыжу нобэм къызэрысар»¹².

Дэ къэдгъэлъэгъуэну дызыхэтыр льэпкъым и «дыщэ пхъуантэм» и гъэтІыльыгъэ къулейр лІзужьыгъуэ куэду хэхэс адыгэ тхакІуэхэми къызэрагъэсэбэпырщ. Шэч къызытумыхьэжынщ литературэр зей лъэпкъым и художественнэ дунейр къыпхузэІузых ІункІыбзэу ІуэрыІуатэр зэрыщытым. Художественнэ хабзэмрэ ІуэрыІуатэмрэщ дыкъэзыухъуреихъ дунейм лъэпкъым хуиІэ щытыкІэ хэхар къэзыгъэхъур, ахэращ лъэпкъым и цІыху псори нэм имылъагъу, ауэ псэкІэ зыхэпщІэ къуэпсхэмкІэ зэпызыщІэр, икІэм-икІэжым адыгэ литературэхэм шхэпс яхуэхъужыр. Адыгэ псоми я зэхуэдэ мис а нэщэнэхэр зыхэплъагъуэ тхыгъэхэращ, дэ дызэреплъымкІэ, лъэпкъ щэнхабзэм щыщу къэлъытапхъэхэм я щапхъэу япэу къэпхь хъунухэри.

ТегъэщІапІэхэр

- 1. Баков Х.И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. Майкоп, 1993. С. 14.
- 2. *Гутов А.М.* Проблема этнической сомоидентификации зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 52.
- 3. *Тимижев Х.Т.* Историческая действительность и эволюция художественного сознания писателей черкесского зарубежья (Сравнительно-типологическимй анализ). Майкоп, 2006. С. 18.
 - 4. Там же. С. 19.
 - 5. Там же. С. 63.
- 6. Іэпщацэ 3. Сосрыкъуэ и кІуэдыкуар. Роман. Налшык, 2004. Н. 6. (Апшацэ 3. Гибель Сосруко. Роман. Нальчик, 2004. С. 6).
 - 7. Ар дыдэм. Н. 7–8. (Там же. С. 7–8).
 - 8. Ар дыдэм. Н. 18. (Там же. С. 18).
- 9. *Кубэ Ш*. ФІанитІ // Кубэ Шэбан. Мейкъуапэ, 1993. Н. 115 (Кубов Ш. Две тяпки // Кубов Шабан. Майкоп, 1993. С. 115).
- 11. *Бекизова Л.И*. Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С.43.
 - 12. Там же. С. 43-44.

Х.Т. Тимижев

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье научное разрешение получили вопросы влияния художественной культуры адыгов на формирование литературы черкесского зарубежья. Обращается внимание и на такие проблемы, как роль самобытного фольклора для сохранения художественного менталитета этноса в иноязычной среде, этнокультурная идентификация писателей, языком творчества которых стал арабский или турецкий язык, взаимодействие адыгской языковой традиции с развитыми восточными литературами. Результаты анализа могут быть использованы в разработке частных вопросов литератур народов Северного Кавказа, а также в практике школ и вузов.

Ключевые слова: диаспора, литература черкесского зарубежья, фольклорные мотивы, идентификация, менталитет, художественное мировидение, литературный процесс, метод, стиль, культура восточных народов, этика.

Kh.T. Timizhev

THE MAIN SOURCES OF LITERATURE OF CIRCASSIAN ABROAD

The article received scientific approval of questions Circassians influence on the formation of the artistic culture of the literature of Circassian abroad. It draws attention to issues such as the role of original folk art to preserve ethnic mentality in a foreign environment, ethno-cultural identity of writers, who wrote the Arabic or Turkish, interaction of adygian linguistic tradition with the developed eastern literature. The analysis results can be used in the development of private matters literatures of the peoples of the North Caucasus, as well as in the practice of schools and universities.

Keywords: Diaspora, the literature of Circassian abroad, folk motives, identity, mentality, an artistic vision of the world, the literary process, method, style, culture of Eastern peoples, ethics.

Б.А. Берберов

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКЕ

На материале карачаево-балкарских бытовых сказок автор рассматривает вопрос детерминированности художественного конфликта историческими условиями. Разрешение природного, социального, психологического и провиденциального конфликтов завершается утверждением социально значимых духовных ценностей для народа.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, бытовая сказка, художественный конфликт, коллизия, духовные ценности.

В литературоведческой науке и фольклористике «художественный конфликт» является одним из ключевых и достаточно глубоко разработанных понятий, благодаря трудам В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана и др. Введенное в научный обиход Гегелем, оно происходит от латинского conflictus — борьба, столкновение. Конфликт в художественном произведении — структурная модель противоречия, которая организует сюжет, композицию, формирует систему образов, концепцию мира и человека, жанрово-стилистические особенности произведения, накладывающие отпечаток на способ создания персонажей.

По определению Гегеля, конфликт — это коллизия, возникающая из-за нарушения вселенской, социальной или психологической гармонии. Неизбежным следствием коллизии становится борьба противоположностей, которая в свою очередь должна разрешиться победой одной противоположности над другой. Конечный результат — восстановление гармонии¹.

Адыгейский исследователь К.Г. Шаззо по типу локализованности выделяет 3 формы художественного конфликта: 1) конфликт в драме; 2) конфликт в эпосе; 3) конфликт в лирике. Ученый считает, что ядром драматического конфликта является «особо напряженное движение события и личности, имеющей прямое отношение к этому событию»².

Вопрос конфликта и времени является очень важным в аспекте рассматриваемой нами проблемы. Конфликт напрямую связан с породившим его историческим временем, которое определяет глубину, значимость и остроту общественной драматической коллизии. Конфликт не может быть абстрагированным, отвлеченным понятием. Он всегда имеет социально-историческую основу, опирается на конкретных представителей и участников события. Каждая историческая эпоха имеет свои ценностные ориентации и присущие ей противоречия. Одни из них исчезают, другие появляются, переходят из одной формы в другую. Через конфликт, через столкновение идей и характеров мы наблюдаем основные приметы времени. Человек же, втянутый в конфликтную ситуацию, борется не только с внешними обстоятельствами, но борьба происходит и внутри его сознания.

Из сказанного следует, что понятие «конфликт» является исторически и этнокультурно обусловленной категорией. В данной работе наша задача — рассмотреть специфику художественного конфликта в карачаево-балкарских бытовых сказках. Следует предположить, что исторические условия и национальные традиции горцев сформировали определенную систему духовных

ценностей, отстаивание которой породило как универсальные, так и этнокультурно маркированные разновидности художественного конфликта.

Бытовая сказка по своему содержанию, сюжетно-художественной структуре и идейной направленности многообразна. Она включает в себя все виды сказок не волшебного содержания. Из всех эпических жанров фольклора бытовая сказка не только самая распространенная, но и самая живучая разновидность устной народной словесности. Как известно, определяющей особенностью бытовой сказки является приуроченность художественного действия к реальности с минимальным использованием фантастических элементов. В центре внимания бытовых сказок — народный повседневный быт, замысловатые житейские истории, нередко оформленные в жанр анекдота или притчи.

Сопоставление карачаево-балкарского сказочного репертуара с данными международного каталога позволяет обнаружить в нем множество сюжетных совпадений, в том числе, и относительно бытовых сказок. Но вместе с тем можно отметить и национально специфические элементы, проявляющиеся в выборе тематики, сюжетных комбинациях, обрисовке героев, организации конфликта. Так, по мнению, Ф.А. Урусбиевой, в состав карачаево-балкарской бытовой сказки, наряду с классическими разновидностями, входит и род «пастушеской сказки»³. По частотности в бытовых сказках балкарцев и карачаевцев преобладают сюжеты о семейно-родственных отношениях, хозяине и работнике, мудрецах и глупцах.

Поддерживая и развивая теоретические положения К. Шаззо о природе художественного конфликта, А.Г. Нагапетова выделяет четыре основных вида художественного конфликта: природный, социальный, психологический и провиденциальный. Особенностью первого типа сказок является наличие в них сюжета, где герой в результате конфликта побеждает природностихийные обстоятельства, благодаря своим сверхнормативным физическим качествам. По нашему наблюдению, в такого рода сказках герои нередко носят «инверсированные» имена – Кичибатыр (Маленький Богатырь), Чырпачыкъ, Кокайчыкъ – подчеркивающие не внешнее молодечество, а скрытую внутреннюю силу человека. Это весьма характерный прием для бытовых сказок, где монументальность борьбы между «черным и белым», свойственная нартскому эпосу, смещается в область умственного и приобретает полутона.

В карачаево-балкарских бытовых сказках можно выделить целый пласттекстов, в основу которых положен семейный конфликт. Среди них — «Киштик къуйругъу бла ойнагъанлай» («Как будто кошка хвостом вильнула»)⁵, «Эки сюйген» («Двое влюбленных»)⁶, «Тузлу хычинле» («Соленые хычины»)⁷, «Коварная жена»⁸ и др. Во всех названных сказках конфликт разворачивается между социально одобряемым и отвергаемым. Коллективным народным сознанием формируются идеальные образы жены, невестки, мужа, зятя, определяются нормативы взаимоотношений между старшим и младшим поколениями в семейном кругу.

В сказке «Тузлу хычинле» («Соленые хычины»)⁹, описываются напряженные отношения между свекровью и невесткой. Последняя, желая изжить со свету престарелую женщину, намеренно кормила ее пересоленными хычинами. От несъедобной пищи она постепенно чахла и была уже при смерти. Случайно узнавший об этом глава семьи разработал хитроумный план, чтобы разоблачить свою жестокую супругу. Предварительно вылив всю воду, имеющуюся в доме, он заставил ее вечером съесть пересоленные лепешки, предназначенные для матери. Гонимая невыносимой жаждой невестка среди ночи побежала к горной реке и стала жадно пить воду. Муж, ставший свидетелем этой сцены, «схватил ее за волосы, окунул ее голову глубоко в реку и чуть было не утопил»¹⁰. Грешница глубоко раскаялась в содеянном и стала образцовой снохой. Большинство семейно-бытовых конфликтов в новеллистических карачаево-балкарских

сказках разрешается «проучением», приводящим к пересмотру сложившихся взаимоотношений между антагонистами.

Диалектическая борьба противоположностей лежит в основе мироздания и является движущей силой истории. Как показывает фольклорный материал, нередко сами конфликтующие стороны не в состоянии разрешить спор. Для таких случаев предусмотрены фигура «третейского судьи» или деятельность народного суда «тёре», которые нередко в сказках выполняют роль последней «нравственной инстанции». Судейские решения, как правило, парадоксальны, у них своя внутренняя логика, не лежащая на поверхности.

Такой тип судьи выведен в сказке «Орадада бла Жабагъы» («Орадада и Жабаги»)¹¹. В ней по сюжету у четырех братьев был единственный козленок, который при жизни был условно поделен между ними. Вскоре у козленка сломалась одна из ножек и ее перевязали. Однако от костра загорелась тряпочка на больной ноге, огонь перекинулся на близлежащие медоносные ульи и они сгорели дотла. Суд во всем обвинил хозяина поврежденной ножки козленка и обязал его выплатить ущерб хозяевам ульев. Столь однобокое и несправедливое решение суда оспаривает малолетний мудрец Жабаги, по мнению которого «во всем виноваты здоровые ноги козленка, поскольку именно они потащили больную, перевязанную ножку козленка и к костру, и к ульям»¹².

Третий, традиционно выделяемый в фольклористике тип конфликта, — внутренний или психологический, является достаточно редким, встречающимся лишь в новеллистических сказках. Следует отметить, что фольклорные жанры с их укрупненным взглядом на мир изначально не нацелены на «подтекст» движений человеческой души. В этом смысле можно говорить лишь об элементах психологизма, проявляющихся в борьбе человека с самим собой. В карачаево-балкарской сказке «Тал терекчик бла сангырау къулакъ» («Ивушка и гриб»)¹³ в иносказательной, аллегорической форме показано психологическое противоборство между двумя началами человеческой души: торопливого, честолюбивого, самодовольного внешнего роста или терпеливого внутреннего духовного «взросления».

Четвертый возможный тип художественного конфликта обозначается как провиденциальный, когда человек противостоит законам судьбы или какого-либо божества. Примером служит карачаево-балкарская сказка «Бузоучу бла шайтан» («Пастух телят и шайтан»)¹⁴, в основу которой положено извечное противоборство между ангельским и дьявольским началами в человеке. В сказке Шайтан (восточный прообраз Мефистофеля) всячески склоняет пастуха к гедонизму, безделию, призывая отказаться от работы, предаться жизненным наслаждениям, лени. Но человек стойко отстаивает в полемике свою позицию «homo faber» (человек работающий), аргументированно доказывая благотворность труда, как высшего смысла бытия.

Таким образом, подтвердилась первоначально выдвинутая нами научная гипотеза, заключающаяся в наличии самостоятельного жанра карачаевобалкарских бытовых сказок с характерными для них моделями художественного конфликта и внутренней коллизии. Проведенный анализ показал, что во всех рассмотренных фольклорных текстах разрешение конфликта служит философским основанием для утверждения социально востребованных ценностей духовного порядка.

Подводя итог, можно привести слова известного немецкого писателя Иоганесса Бехера: «Что придает произведению необходимое напряжение? Конфликт. Что возбуждает интерес? Конфликт. Что двигает нас вперед – в жизни, в литературе, во всех областях знания? Конфликт. Чем глубже, чем значительнее конфликт, чем глубже, чем значительнее его разрешение, тем глубже, значительнее поэт. Когда ярче всего сияет небо поэзии? После грозы. После конфликта»¹⁵.

Примечания

- 1. Гегель Г.В. Эстетика. В 4 т-х томах: Т. 1. М.: Искусство, 1968. С. 264.
- 2. Шаззо К.Г. Адыгейская советская литература на современном этапе (1957– 1978) // Вопросы истории адыгейской советской литературы. Майкоп, 1979. C. 138-173.
- 3. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ, 2010. 128 с.
- 4. Нагапетова А.Г. К вопросу о теории художественного конфликта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008.
- 5. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла (Карачаево-балкарские народные сказки) / Составитель - С.А. Мусукаева. В 2 кн. Кн. 1. Нальчик: «Эльбрус», 2012. 376 с.
 - 6. Там же. С. 325.
- 7. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла (Карачаево-балкарские народные сказки) / Составитель – С.А. Мусукаева. В 2 кн. Кн. 1. Нальчик: «Эльбрус», 2012. С. 376.
- 8. Карачаево-балкарские народные сказки / Составление, вступительная статья и комментарии Р.А.-К. Ортабаевой. Черкесск: КЧИГИ, 2006. С. 146.
- 9. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла (Карачаево-балкарские народные сказки) / Составитель – С.А. Мусукаева. В 2 кн. Кн. 1. Нальчик: «Эльбрус», 2012. С. 361.
 - 10. Там же. С. 361.
- 11. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла (Карачаево-балкарские народные сказки) / Составитель – С.А. Мусукаева. В 2 кн. Кн. 1. Нальчик: «Эльбрус», 2012. С. 332.
 - 12. Там же. С. 332.

 - 13. Там же. С. 333. 14. Там же. С. 346.
 - 15. Бехер И.Р. Любовь моя, поэзия. М.: Худ. литература, 1965. С. 156.

B.A. Berberov

SPECIFICITY OF ARTISTIC CONFLICT IN KARACHAY-BALKAR HOUSEHOLD TALE

The author considers the question of artistic conflict determinism by historical conditions on material of Karachay-Balkar everyday tales. Resolution of natural, social, psychological and providential conflicts is concluded by the statement of socially important moral values for the people.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, household tale, artistic conflict, conflict, moral values.

М.Ф. Бухуров

МЕЖЖАНРОВАЯ ДИФФУЗИЯ В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (По материалам героического эпоса «Нарты» и богатырской сказки)

В статье рассматривается роль богатырской сказки в эволюции героического эпоса адыгов. Особое внимание обращается на проблему разграничения архаической богатырской сказки и прозаических сказаний нартского эпоса. Освещается также степень взаимодействия этих жанров. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что оба жанра происходят от мифа и в дальнейшем развиваются автономно, но взаимодействуя друг с другом, и перенимая друг у друга некоторые жанровые признаки.

Ключевые слова: героический эпос, богатырская сказка, миф, сказание, проза.

Как известно, при изучении героического эпоса разных народов, многие фольклористы усматривали в нем некоторые признаки богатырской сказки, и на этом основании предлагали считать, что богатырская сказка представляет собой одну из разновидностей раннего эпоса. Например, В.М. Жирмунский восстанавливает историю эпоса об Алпамыше путем сопоставления сказочногероических поэм тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. В результате сравнительно-исторического анализа исследователь приходит к выводу о том, что исходной формой героического эпоса об Алпамыше явилась богатырская сказка, широко представленная в фольклоре названных народов¹.

Такого же мнения придерживался В.Я. Пропп, который заложил теоретические основы классификации «догосударственного эпоса»². По справедливому замечанию Е.М. Мелетинского, «"богатырская сказка" В.М. Жирмунского и "догосударственный эпос" В.Я. Проппа, в сущности, совпадают. Оба исследователя описывают один и тот же процесс, но разными терминами и с разных сторон, а полученные ими результаты во многом дополняют друг друга»³.

По мнению Е.М. Мелетинского, первобытная сказка типа «мифабылички» является исходной формой развития богатырской сказки, сыгравшей существенную роль в формировании героического эпоса: «По мере овладения человеком силами природы, по мере углубления разделения труда и увеличения значения индивидуальной инициативы в период начинающегося разложения первобытного строя и усиления межплеменных столкновений безличный "один человек" превращается в подлинного сказочного героя с чертами эпического богатыря. Так постепенно в недрах первобытной сказки складывается богатырская сказка — прямая предшественница волшебно-героической сказки и важнейшее звено в формировании героического эпоса»⁴.

Принимая суждения названных ученых, С.Ю. Неклюдов пишет: «Архаическая богатырская сказка является предшественницей наиболее ранних форм героического эпоса и столь близка к ним, что грань между жанрами подчас провести затруднительно»⁵. Однако, он, в отличие от В.М. Жирмунского и Е.М. Мелетинского, предлагает дифференцировать богатырскую сказку, предшествующую классическому героическому эпосу, и «позднейшую сказку об эпических богатырях», которую можно рассматривать как одну из завершающих ступеней его (т.е. эпоса) эволюции⁶.

В данном случае под термином «богатырская сказка» следует подразумевать «прозаические эпические художественные произведения, основанные на нарочитом вымысле, где главным героем является богатырь, достигающий сказочной цели, благодаря, прежде всего, физической силе. При этом роль чудесного богатырского коня, оружия и других чудесных предметов оценивается как подчиненная и второстепенная по отношению к физической силе героя»7. К «позднейшим сказкам об эпических богатырях» можно отнести весь цикл о нарте Шауее и сказания, в которых прозаически излагаются содержания сюжетов пшинатлей. Типологически они близки выделенным многими учеными, в частности, В.Я. Проппом, А.М. Астаховой и др., в русском фольклоре сказкам о былинных богатырях. Например, В.Я. Пропп в книге «Русский героический эпос» выделяет прозаические произведения на былинные сюжеты (например, сюжет о приключении Ильи Муромца с Соловьем-разбойником иногда излагается прозой в форме сказки) как разновидность сказки, что соответствует его определению героического эпоса как обязательно певческого или стихотворного по форме. По тем признакам, которые он установил, (а именно музыкальность исполнения и былинная форма стиха), сказки на былинные сюжеты никак не могут быть отнесены к области эпоса⁸. По замечанию А.М. Астаховой, в фольклоре разных народов существуют прозаические рассказы, центральными персонажами которых являются герои, типологически сходные с богатырями русских былин, рассказы, отразившие сюжеты или отдельные эпизоды героического эпоса. К ним автор относит побывальщины, в которых ощущается еще прочная связь с былиной и по содержанию и по стилю, но утрачен не только напев, но и стихотворная структура. А.М. Астахова включает сюда и тексты, которые имеют связь с былинами только по сюжету в целом или по отдельным фрагментам, а вся художественная структура и повествовательно-изобразительная стилистика соответствует жанру сказки9.

Сказанное можно отнести к основным и циклообразующим сказаниям о героических деяниях того или иного эпического богатыря нартского эпоса адыгов. Таковыми являются, например, в цикле о Сосруко – пшинатли о добывании огня и о бое героя с нартом Тотрешем; в циклах о Батразе и Ашамезе – сказания о кровной мести; в цикле о Бадиноко – о приезде героя на нартское санопитие. Как можно полагать, сформировались они в поэтической форме, однако, как свидетельствуют некоторые записи, в дальнейшем, т.е., в более поздний период, их стали исполнять и в форме прозы. Например, сказание о бое Сосруко с Тотрешем является в нартском эпосе одним из популярных. Бытует оно в устной традиции в основном в певческой стихотворной форме¹⁰. Однако, например, известный адыгский знаток богатырского цикла Бахил Тарашев (1904 г.р.) часто рассказывал его в прозаической форме¹¹. Во втором томе книги «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (1981) опубликовано несколько вариантов пшинатля «Сосруко добывает огонь», но прозаический его вариант встречается и в других изданиях и в архивных фольклорных фондах. Таковы, например, «Саусырыкъо иныжъыр зэриукІыгъэр» – «Как Саусырыко убил иныжа»¹², «Нарт Саусырыкъорэ иныжъымрэ» – «Нарт Саусырыко и иныж» ¹³, «Сосрыкъуэ иныжыр зэриук Гар» – «Как Сосруко убил иныжа»¹⁴ и др. Характерным для рассматриваемой группы сказаний является также сочетание прозы и стиха (см.: «Сосырыкъуэ» – «Сосруко» 15, «Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхышу, Щабатныкъуэ» – «Нарты Сосруко, Ерыхшу, Шабатыныко» 16 , «Хъымыщ и къуэ Батэрэз къызэралъхуар, и сабиигъуэр» 17 – «Рождение и детство Батраза, сына Хымыща» и др).

Явление подобного рода в фольклоре расценивается как результат разрушения эпического жанра, и названные произведения по многим признакам подпадают под предложенное С.Ю. Неклюдовым понятие «позднейшие сказки об эпических богатырях». Однако тут возникает вопрос: достигли ли эти сказания той сказочной

поэтики, которая наличествует в так называемой богатырской сказке? Ведь у них изменилась лишь форма исполнения, а по сюжету, по композиционной структуре, по системе персонажей, по характеру их действий и по многим другим признакам они сохраняют прочную связь с пшинатлями. Другими словами, в отличие от богатырской сказки, в них доминирует та же познавательная функция, которая является одним из основных отличительных жанровых признаков для всего героического эпоса; они не обусловлены характерным для сказок вымыслом, не обладают так называемыми традиционными инициальными и финальными формулами, не имеют такой композиционной структуры, которая присутствует в сказках (имеется в виду структура, установленная В.Я. Проппом в книге «Морфология сказки» (М., 1969)). Но, с другой стороны, в них ощущается значительное влияние богатырской сказки. Поэтому, на наш взгляд, прозаические сказания, появившиеся в результате распада пшинатлей, а также цикл о Шауее можно рассматривать как промежуточное звено между героическим эпосом «Нарты» и архаической богатырской сказкой, а термин «позднейшие сказки об эпических богатырях» мы принимаем условно из-за отсутствия других терминов, определяющих жанровую природу названных прозаических сказаний.

Следует заметить, что причину появления прозаических сказаний в героическом эпосе «Нарты» ученые объясняли по-разному. Например, как считает Ш.Х. Хут, появились они, «по всей вероятности, в результате распада из-за устности бытования поэтического текста о нартах. Об этом свидетельствует одновременное существование пшинатлей и сказаний на одну и ту же тему, включение в прозаический текст сказания стихотворных отрывков из пшинатлей»¹⁸. Однако это не означает, что все прозаические сказания нартского эпоса возникли в результате разрушения певческо-стихотворной формы пшинатлей. По справедливому замечанию А.М. Гутова, «ни одну форму исполнения из названных нельзя признать единственной исходной для всего жанра. Справедливее будет считать, что для разных сказаний изначально были предпочтительны свои формы бытования» 19. Как считает исследователь, для адыгского эпоса правомерно выделение трех непременных условий, которые необходимы для создания героического пшинатля: героика, победный финал и конфликт. Исходя из этого, ученый приходит к заключению: «В сказании о гибели нарта Сосруко есть и конфликт (Сосруко – общество нартов), и героика; но трагический финал нарушает эстетику пшинатля, и потому сказание остается прозаическим. Сюжет о чудесном рождении имеет благополучный финал, но в нем отсутствует и тема подвига, и конфликт. Следовательно, нет ни героического подвига, ни эпизодов, наполненных драматическим напряжением. В силу всего этого сказание о рождении сохранило более тесные связи с повествовательной манерой древнего мифа, несмотря на важное значение, которое оно имеет в цикле Сосруко и в эпосе вообще 20 .

Исходя из таких суждений, в адыгском героическом эпосе можно выделить группу сказаний, для которых проза является исходной формой. Посвящены они, как правило, основным этапам эпической биографии центрального персонажа (имеются в виду сюжеты о рождении, богатырском детстве, сватовстве, гибели эпического богатыря и пр.).

По происхождению от них отличаются вышеуказанные прозаические сказания. Скорее всего, первоначально они исполнялись в возвышенном стиле «с повествовательной манерой древнего мифа», из которых в дальнейшем, при наличии тех трех условий, о которых пишет А.М. Гутов, вырастают пшинатли, и в более поздний период «в результате распада из-за устности бытования», некоторые из них теряют поэтическую форму, что и послужило причиной возникновения другого пласта прозаических сказаний героического эпоса, которые мы условно относим к «позднейшим сказкам об эпических богатырях».

Что же касается вопроса о роли архаической богатырской сказки в формирование героического эпоса, то здесь можно сказать следующее. Названные выше две разновидности прозаических сказаний и пшинатли, посвященные эпической биографии и героическим деяниям того или иного центрального персонажа, являются основой для всего нартского эпоса. Однако для них исходной формой следует признать не богатырскую сказку, а раннюю форму архаического фольклора так называемое мифологическое сказание. Сюда относятся циклы об Амыше, Тхагаледже, Тлепше и др., в которых рассказывается о культурных деяниях указанных персонажей, и которые, в свою очередь, сформировались на базе древних мифологических представлений адыгов. Если придерживаться суждения Е.М. Мелетинского, по мнению которого архаическая богатырская сказка вырастает из «мифов-быличек», то она (богатырская сказка), как и героический эпос, происходит от мифа. Другими словами, исходной точкой для обоих жанров является миф. Однако в дальнейшем они развиваются самостоятельно, но взаимодействуя друг с другом. Например, для названных двух жанров универсальными являются мотивы чудесного рождения и богатырского детства героя, сюжеты о кровной мести, героическом сватовстве, сражении с мифологическими существами и мн. др. Более того, в нартском эпосе встречаются произведения, которые по всем признакам можно отнести к жанру богатырской сказки. В качестве примера можно привести сказание «Нарт Хъыжьэ и хъыбарыжь» – «Старинное сказание о нарте Хиже»²¹, записанное З.М. Налоевым со слов известного знатока богатырского цикла Жабоева Хамирзы Бекмурзовича (1902 г.р.). Сюжет сказания известен также под названием «Чэчанокъуэ Чэчан» – «Чечан, сын Чечана», варианты которого встречаются и в других циклах нартского эпоса. Данное сказание относят к героическому эпосу по следующим признакам: 1) в нем фигурируют те же персонажи, что и в нартском эпосе: Насрен-Жаче, Хижа, Шужей, Бадиноко; 2) в нем наличествует мотив сражения героя-нарта с войском чинтов, который известен по циклу сказаний о нарте Бадиноко. Однако по всем другим признакам, в частности, по сюжету, по характеру действий названных персонажей, по характеру самих персонажей, по стилю, его правомерно относить к жанру богатырской сказки.

Начало сказания как в сюжете АТ467В: Герой (Шужей) рождается в скорби после исчезновения отца; он отправляется играть с нартскими мальчишками и калечит их; мальчики упрекают его за то, что он дерется с ними, а не находит своего отца; Шужей от матери узнает о судьбе отца, от нее получает богатырского коня и отправляется на его поиски.

Далее сюжет AT467B контаминируется с эпизодом, в котором говорится о бое Бадиноко с войском чинтов. Хотя данный сюжет — эпический, здесь он принимает черты богатырской сказки, и некоторые его элементы соответствуют сюжету под номером AT612: В пути Шужей встречает раненого Бадиноко; собаки Бадиноко приносят для него лекарственную траву, и Шужей излечивает его раны (ср.: AT612); Шужей и Бадиноко побеждают войско чинтов.

Дальше следует распространенный в богатырских сказках сюжет Eb—Bo 279—III, 4—6: Иныжи убивают двоих братьев героя и похищают его мать. Герой в одиночку не может одолеть их силой и с целью привлечения более сильного богатыря (Шужея) в помощники, похищает отца Шужея Хижу. Шужей мстит вместо героя за смерть его братьев и освобождает его мать из плена.

В сказании наличествует не менее известный в богатырских сказках сюжет Eb—Во 204: Когда Шужей с освобожденной им матерью героя отправляется в обратный путь, младший иныж пускается за ними, чтобы убить их. Шужей отрубает ему голову и отпускает его лошадь, тем самым вызывая на поединок других иныжей. Как правило, братья-иныжи поочередно вступают в сражение с Шужеем и терпят поражение.

Наличие в нартском эпосе подобных сюжетов, мотивов, а также сказочных образов не означает, что архаическая богатырская сказка предшествует героическому эпосу. Скорее всего, это - результат взаимодействия между богатырской сказкой и героическим эпосом. Подобное взаимодействие обнаруживается между нартским эпосом и другими разновидностями сказки, в частности – волшебными, бытовыми и др. Но вряд ли их можно рассматривать как исходную форму героического эпоса. К волшебным сказкам можно отнести, например, сказание «Сосрыкъуэрэ и гъусэхэмрэ бгъэм ихьа хъыджэбзыр къызэрахыжар» – «Как Сосруко и его товарищи возвратили девушку, похищенную орлом»²², которое основано на сказочном сюжете AT513A: Орел уносит девушку Шауея; по совету Сатаней-гуаши, вместе с ним на ее поиски отправляются нарты Сосруко, Пшибадиноко, Батраз и Ашамез; они находят ее, благодаря своим чудесным способностям побеждают орла и освобождают девушку (ср. в волшебной сказке: «Герой отправляется на поиски невесты и в пути встречает людей, наделенных необыкновенными способностями (скороход, дальнозоркий, всеслышащий, водохлеб). С их помощью он выполняет трудные задачи...»²³). В комментарии к этому произведению А.М. Гутов пишет: «Сюжет сказания и характер действий некоторых персонажей сближают его с жанром волшебной сказки. Но поскольку характеры героев ближе по типу к эпическим, образы персонажей устойчиво представлены в эпосе, а повествовательная стилистика тяготеет к героико-эпической, правомерно относить сказание к жанру народного эпоса»²⁴.

По указанным А.М. Гутовым признакам относят к героическому эпосу также сказание «Сосрыкъуэ и хъыбарым щыщ за кlапэ» – «Эпизод из сказаний о Сосруко»²⁵, хотя сюжет получил широкую популярность в волшебных сказках и соответствует номеру АТ612: («Трава, возвращающая жизнь»). Герой видит, как с помощью травинки одна змея оживляет другую, и таким же способом оживляет жену или товарища²⁶.

Сказание «Бэтэрэз, Сосрыкъуэ, Іалыджыкъуэ, Уэзрэдж, Хъытыдж сымэ я хъыбар»²⁷ – «Хабар о Батразе, Сосруко, Алиджуко, Озредже и Хытыдже» соответствует сказкам на сюжет АТ875Е*: У героя (Батраза) ожеребилась кобыла, другие нарты (Сосруко, Алиджуко, Озредж, Хытыдж) судятся с ним, утверждая, что ожеребилось их старое дышло; судья (Ёж) решает спор в пользу хозяина кобылы.

Сюжет больше всего типичен для бытовой сказки. Относят его к героическому эпосу по следующим признакам: событие, о котором говорится в сказании, происходит в среде нартов; центральное положение в сказании занимает нарт Батраз.

Это можно сказать и о сказании «Бэдынокъуэ нартхэр гъаблэм къызэрыригъэлар» – «Как Бадиноко спас нартов от голода». Сюжет соответствует номеру AT981, который известен по бытовым сказкам (ср.: СУС 981=AA981* Почему перестали убивать стариков: вопреки приказанию убивать стариков один сын прячет старика-отца в погреб; во время голода старик выручает сына советом (решает за него трудные задачи); с тех пор стариков не убивают²⁸).

Из приведенных примеров видно, что адыгский нартский эпос состоит не только из «чисто эпических» произведений. По замечанию А.М. Гутова, «с точки зрения формальной нартские мотивы могут быть выражены в эпической поэме (пшинатле), прозаическом сказании (хабаре), лирико-героической песне, а порою в песне псевдоритуального осмеяния (например, песня «Лашин сочиняет куплеты о нартах»). Если взять за критерий жанровой систематизации формальные принципы, то многие сюжеты, в традиции связываемые с эпическим квазиисторическим нартским обществом, надо будет отнести в совершенно разные группы: что-то придется отнести к сказке, что-то к мифологическим сказаниям,

еще что-то будет отнесено к народной лирике и т.д. Но дело в том, что их всех объединяет общее для них представление о мире нартов»²⁹.

Таким образом, прозаические сказания нартского эпоса можно подразделить на следующие группы: 1) сказания, изначально сформировавшиеся в форме прозы; 2) сказания, появившиеся в результате распада пшинатлей; 3) сказания, перешедшие из других жанров адыгского фольклора в героический эпос, в частности, из богатырской, волшебной, бытовой сказок и др. Как показывает анализ материала, между героическим эпосом, в данном случае нартским, и архаическими сказками о богатырях не наблюдается стадиальной соотнесенности. Согласно мнению большинства специалистов, оба жанра происходят от мифа, в содержание которого верили. Однако в процессе стихийно-материалистического освоения мира архаические жанры подвергаются секуляризации, т.е. вера, как исходная категория, постепенно уступает приоритет эстетике. В результате этого сакральная функция или совсем утрачивается, или отступает на второй план, и явление функционирует благодаря доминирующему в нем эстетическому содержанию. Особенно это очевидно на примере сказочного эпоса. Поэтому есть основание считать, что указанные два жанра развивались сравнительно автономно, но перенимая друг у друга отдельные мотивы, черты персонажей, некоторые художественно-изобразительные средства и даже целые сюжеты, но ни один из них не может быть назван прямым типологическим предшественником другого. Однако в более поздний период в процессе разрушения эпической традиции в недрах героического эпоса и архаической богатырской сказки возникает разновидность народной прозы, которая по происхождению соответствует так называемым «позднейшим сказкам об эпических богатырях» и которая занимает промежуточное положение между двумя названными жанрами.

Примечания

- 1. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: «Издательство восточной литературы», 1960. 336 с.
- 2. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1958. 603 с.
- 3. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: «Издательство восточной литературы», 1963. С. 18.
 - 4. Там же. С. 77.
- 5. *Неклюдов С.Ю*. Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: «Наука», 1975. С. 82.
 - 6. Там же.
- 7. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 32.
 - 8. Пропп В.Я. Указ. соч. С. 10.
- 9. $\begin{subarray}{lll} Acmaxoва & A.M. \\ \end{subarray}$ Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 120 с.
- 10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. (Сост.: В.Х. Барагунов, 3.П. Кардангушев). Т. 2. М.: Всесоюзное издательство композитор, 1981. С. 25–56.
- 11. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко. (Сост. и пер.: Бухуров М.Ф., Гутов А.М., Налоев З.М., Табишев М.А.). Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. С. 269–271.
 - 12. Там же. С. 307-311.
 - 13. Там же. С. 311-318.
 - 14. Там же. С. 318-320.
 - 15. Там же. С. 213–224.
 - 16. Там же. С. 297-306.
 - 17. Нартхэр. Адыгэ эпос. (Зэхэз. Хьэдэгьэл Аскэр). Мыекъуапэ, 1974. 4 т. 40–46 н.

- 18. Хут Ш.Х. Несказочная проза // Адыгский фольклор. Кн. ІІ. Майкоп, 1980. С. 86.
- 19. Гутов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. С. 49.
- 20. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: «Наука», 1993. С. 148.
 - 21. Фоноархив КБИГИ: инв № 663-ф/31.
- 22. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко. (Сост. и пер.: Бухуров М.Ф., Гутов А.М., Налоев З.М., Табишев М.А.). Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. С. 208–213.
- 23. *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: «Наука», 1986. С. 26.
 - 24. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко... С. 213.
 - 25. Там же. С. 323-324.
 - 26. Алиева А.И. Указ. соч. С. 32.
 - 27. Нартхэр. Адыгэ эпос... 183-184 н.
- 28. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. А.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: «Наука». ленинградское отделение, 1979. С. 250.
- 29. *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. С. 13.

M.F. Buhurov

GENRE BETWEEN DIFFUSION IN FOLKLORE ADYGHE (Based on the heroic epos «Nart» and the heroic fairy tale)

The article discusses the role of the heroic tales of the heroic epic of evolution in the Circassians. Particular attention is drawn to the issue of archaic distinction heroic tales and legends Nart epic prose. Also highlights the degree of interaction between these genres. As a result of the analysis the author concludes that both genres are derived from myth and further developed independently, but interact with each other and learning from each other, some of genre features.

Keywords: the epic, heroic fairy tale, myth, legend, prose.

Ф.Х. Гулиева (Занукоева)

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА. К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРОВЫХ ГРАНИЦ

Статья посвящена определению жанровых и внутрижанровых границ карачаевобалкарской волшебной сказки. В ней дается характеристика данного вида устной прозы, выявляются критерии, отличительные черты, позволяющие отделить его от других смежных и сходных фольклорных явлений (анималистических, бытовых и героических сказок, жанров устной несказочной прозы).

Ключевые слова: карачаево-балкарская волшебная сказка, анимизм, тотемизм, миф, обряд, культ, чудо, вымысел, фантастика.

Сказка составляет значительный сегмент в богатейшем фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. Всегда оставаясь в поле зрения исследователей, тем не менее, данный жанр устной словесности до сих пор не исследован в должной мере. К сожалению, за исключением носящей мемуарный характер работы Ф.А. Урусбиевой «Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии»¹, фундаментальных монографических исследований по карачаево-балкарской народной сказке нет. Фольклористам еще только предстоит обобщить данные архивных, уже изданных и пока не опубликованных сказочных текстов, материалы статей, вступительных слов и введений к различным сборникам, разделов научных трудов.

Вследствие этого многие вопросы, касающиеся не только поэтики и композиции сказок, но даже их жанровой и внутрижанровой классификации все еще остаются актуальными. К таковым можно отнести и проблему разграничения отдельных разновидностей сказочного эпоса и отграничения их от смежных явлений. Предметом исследования в данном случае является карачаево-балкарская волшебная (волшебно-фантастическая, чудесная) сказка. В типологическом плане она не имеет каких-либо существенных отличий от сказок других народов.

В качестве главного жанроразличительного критерия волшебной сказки в фольклористике традиционно выдвигается наличие элемента чуда, фантастики. Оно может выражаться в необычности главного героя (чудесное рождение, быстрое взросление, гиперболизация его физических и моральных качеств), сверхъестественности его противников (ведьм, колдунов, оборотней, эмегенов, драконов и т.п.), наличии чудесных помощников (люди со сверхспособностями; различные духи; мудрые звери, умеющие говорить и перевоплощаться в людей, домашних животных и различные предметы; чудесные говорящие кони, способные не только быстро скакать по земле, но и подниматься в небо, опускаться и плавать под водой; чудовища-эмегены, выполняющие в нартском эпосе роль исключительно отрицательных персонажей; пойманная и отпущенная на волю ведьма-оборотень, которая также может порой оказаться спасительницей, мудрой советчицей и помощницей героя), волшебных предметов (дубинка-самобой, чудесные мечи, шапка-невидимка, скатертьсамобранка, войлочная плеть, волшебное зеркало, показывающее все, что в мире творится, пули / стрелы, сообщающие об опасности, грозящей герою, или о его смерти, и т.п.), в самом пути разрешения конфликта, который в реальной жизни невозможен.

Условно сказочные чудеса можно разделить на два вида: *волшебные*, базирующиеся на мифологических воззрениях (тотемизм, анимизм и т.п.), переосмысливающие элементы древнейших культов, обрядов, т.е. отражающие прошлое своих носителей, и *фантастические*, воплощающие мечты своих создателей, т.е. ориентированные на будущее.

Тем не менее, элемент чуда присущ не только волшебным сказкам, но также и таким жанрам несказочной прозы, как мифы, легенды, былички и бывальщины. Однако, если для сказочного эпоса доминирующей является эстетическая направленность, то несказочная проза отличается «ярко выраженной информативной функцией, установкой на "правду"»². Другими словами, даже если в мифах, легендах, быличках происходит нечто необычное, чудесное, то это воспринимается как реальное событие, явление, сказочное же чудо изначально позиционируется как вымысел, неправда.

Несмотря на то, что в мифах и волшебных сказках могут встречаться сходные сюжеты, мотивы, композиционные схемы, существуют и фундаментальные различия. «Миф есть рассказ религиозного порядка, сказка — эстетического. Миф есть более раннее образование, сказка — более позднее» В волшебных сказках, к примеру, мифические образы тотемических первопредков снижаются до чудесных помощников-животных, предметы культа нередко превращаются в чудесные предметы, т.е. меняется отношение повествователя и слушателя к сообщаемому, что и позволяет отграничить миф как произведение сакрального характера от сказки как развлекательного рассказа.

С легендами волшебные сказки сближает наличие элемента фантастики, чуда, прозаическая форма повествования, сходство сюжетов и мотивов. Но героями легенд могут быть не только люди или животные, но и всякого рода божества, святые, пророки, ангелы, демоны и др. В них всегда прослеживается присутствие высших сил. Отличительными же чертами являются «установка легенды на достоверность, свободная, нефиксированная форма произведений (отсутствие устойчивых зачинов и концовок и т.д.). Если сюжет сказки многоэпизоден и строится на чудесных событиях, то легенда — жанр, чаще всего одноэпизодный, поскольку сюжет его строится вокруг одного "чуда"»⁴.

В быличках и бывальщинах, так же, как и в волшебных сказках, нашли отражение различные религиозные воззрения народа (языческие, христианские и мусульманские). Их персонажами являются мифические и демонические существа. Однако то, что подобные истории имеют «четкую установку на достоверность, позволяет без труда отграничить былички от сказок. Отличает их еще и финал, нередко трагический»⁵. В волшебно-фантастической же сказке развитие сюжета, все чудеса направлены на благополучное разрешение конфликта. «Победа героя над врагами — торжество добра и справедливости — обязательная установка сюжета волшебной сказки»⁶.

Волшебная сказка — самый демократичный жанр фольклора. Ее героями являются и бедняк, и богач, ханский сын, падчерица или пасынок, младший сын или дочь и т.п. Галерея отрицательных персонажей также довольно обширна: это злая мачеха, коварный богач, злокозненные братья, ведьма, колдунья, эмегены, драконы, железный волк и т.п.

В основном все персонажи карачаево-балкарских сказок представлены контрастно в черно-белом спектре: положительные герои красивы, умны, сильны, воспитанны; отрицательные же уродливы, необузданны, своенравны, коварны и жестоки. В то же время внешность может быть напускной. Главный герой иногда неказист, или может оказаться дурачком. В конце же произведения неказистый преображается, дурачок умнеет или же остается прежним, но все равно он оказывается правым и одерживает верх над своими недругами. Иногда он даже проявляет снисхождение и великодушие к своим недавним врагам.

Все это в основном применимо и к сказкам героическим и бытовым. Однако, в героических сказках «элемент чуда сведен к минимуму, главный персонаж активен, умен, храбр и проходит через все испытания и выходит победителем благодаря своим личным качествам и помощи своих друзей», в волшебных же повествованиях «главный герой менее активен, а победы добивается благодаря помощи чудесных предметов (волшебных пуль, мечей и т.п.) и помощников – коней, диких зверей и птиц, побратимов-эмегенов и т.д.»⁷.

Предметом повествования бытовой сказки оказываются явления бытовой и социальной сфер жизни. «Действие в ней происходит зримо, ощутимо, узнаваемо, словно речь идет о реальной жизни» В отличие от волшебных сказок, отрицательные герои «представлены здесь не в фантастических образах людоедов, великанов-джелимаузов, эмегенов, а реальными социально-обобщенными фигурами эксплуататоров — ханов, судей, баев, мулл. Положительный герой также не фантастический богатырь, а простой пастух, бедняк, батрак, обобщающий социальные признаки эксплуатируемых масс, борющийся и побеждающий своих врагов не благодаря чудесным помощникам, не в богатырских сражениях, а живостью ума, хитростью, смекалкой» Разрешение конфликта в бытовых сказках осуществляется, таким образом, на совершенно иной основе: элемент чуда отсутствует или сведен к минимуму, на передний же план выходят личные моральные качества главного действующего лица, т.е. он более активен в сравнении с героем волшебной сказки.

Наличие персонажей из мира животных и птиц объединяет сказки волшебные и анималистические.

Сказки о животных по галерее персонажей можно разделить на две большие группы: тексты, героями которых являются только животные, и те, где действуют животные и люди. «Если в волшебных сказках звери и животные выступают чудесными помощниками сказочного героя, то в животном эпосе они сами являются объектом повествования. А в сказках о животных, где одним из персонажей выступает и человек, ему отводится роль одного из ведущих персонажей сказки или же второстепенная роль» 10. В волшебных сказках лидирующая роль, безо всякого сомнения, принадлежит человеку, в анималистических же — животные всегда мудрее, сообразительнее, сильнее человека и сюжет строится именно вокруг них.

В сказках о представителях фауны вследствие «роста человеческого могущества животные уже не обожествляются, и здесь уже выражается не характер какого-либо животного, а его образ воспринимается как аллегорическое изображение человека»¹¹. В волшебных же сказках за представителями мира животных и птиц пусть и в несколько сниженном виде сохраняется их сакральная, тотемистическая функция.

Одной из отличительных особенностей волшебных сказок также является их мобильность, подвижность, способность комбинировать без ущерба для качества и содержания различные мотивы и сюжеты, т.е. произведение может быть как простым, односюжетным, так и сложным, контаминированным. Причем сочетаться могут мотивы и сюжеты не только из разных волшебных, но и бытовых, героических, анималистических сказок, легенд и т.п. По большей части все здесь зависит от мастерства и богатства репертуара сказочника. Например, мотив невинно гонимого может комбинироваться с мотивами нарушения запрета и искупления своего проступка, добывания невесты и мести своим обидчикам; мотив добывания лекарства для больного отца может сочетаться с нарушением, невыполнением поручения, изгнанием, появлением чудесного помощника, способствующего обретению героем богатства и жены и т.п. Могут здесь прослеживаться и нанизывающая композиция, прием обрамления сюжета, троекратные повторы сюжетных ситуаций.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на наличие большого количества сходных черт с героическими, бытовыми и анималистическими сказками, а также мифами, легендами, быличками и бывальщинами, вычленение волшебных сказок как самостоятельного раздела в системе карачаево-балкарской устной прозы представляется вполне реальным и не составляет неразрешимой проблемы. Тем не менее, нельзя отрицать и наличия произведений, сочетающих в себе свойства и качества как волшебных сказок, так и мифов, легенд, преданий и т.п. Объясняется данный факт условностью и проницаемостью границ фольклорных жанров.

Примечания

- 1. *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 128 с.
- 2. Померанцева Э.В. Соотношение эстетической и информационной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора: сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 76.
 - 3. *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2011. С. 32.
- 4. *Гулиева* (*Занукоева*) Ф.Х. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 36.
 - 5. Там же. С. 49–50.
- 6. *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, X.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 563.
- 7. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 228.
- 8. *Берберов Б.А.* Почему стариков не стали изгонять (Сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива) // Актуальные вопросы карачаево-бал-карской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 213.
- 9. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 18.
 - 10. Хаджиева Т.М. Указ. соч. С. 562.
- 11. *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2015. № 1 (63). С. 255.

F.H. Gulieva (Zanukoeva)

KARACHAY-BALKARIAN MAGIC FAIRY TALE. TO THE QUESTION OF DEFINITION OF GENRE BORDERS

The article is devoted to the definition of genre and intragenre borders of karachay-balkarian magic fairy-tale. In it the characteristic of this type of oral prose is given, come to light criterias distinctive features, allowing to separate it from other adjacent and similar folklore phenomena (anymalistic, household and heroic fairy-tales, genres of oral unfairy-tale prose).

Keywords: karachay-balkarian magic fairy tale, animism, totemism, myth, ceremony, cult, miracle, fiction, fantastic.

А.Д. Болатова (Атабиева)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СНОВИДЕНИЙ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ

В предлагаемой статье анализируются разнотипные модели и модификации «сновидческого текста». Особое внимание уделено интерпретациям сна в литературе. Цель работы — выявить специфику употребления, функциональные особенности и эстетическую роль сновидений в художественном произведении на материале романов и повестей ведущих национальных авторов.

Ключевые слова: знак, мотив, поэтика сновидений, онейросфера, теософия, психоанализ, «бессознательное», ирреальность, сновидческий текст, модификации сна, постмодернизм, мифопоэтика, онейрическая символика.

В данной работе рассмотрен феномен сна как один из действенных способов отражения действительности в композиции художественного произведения. Акцент на изучении поэтики «ирреального» весьма плодотворен в свете современных тенденций интертекстуального анализа в литературоведении. Объектом исследования выбраны лишь те произведения национальной прозы, в которых снам отводится сюжетообразующая роль в ходе повествования. Поскольку количество таковых переходит в разряд множества, мы ограничились примерами, типичными для национальных литератур. Уточнение смысла и роли сновидения в художественных текстах региональных авторов в соотнесении с типологическим контекстом русской и зарубежной литератур также представляет определенный научный интерес.

Интерпретации темы сна в литературе и анализ функциональных основ сновидений становятся все более актуальными в современной науке. Следует отметить возросший интерес к поэтике так называемого «сновидческого текста». Большинством исследователей употребителен латинский термин «онейромантика», обозначающий понимание человеком сна как процесса. С теологической точки зрения сон воспринимается в качестве явления «надприродного» происхождения, связующего бытие человека с миром духовным. Оно способствует неким «прозрениям в сверхреальность», позволяющим человеку объяснить необъяснимое

В современной литературной теории появилось значительное число книг, монографий, статей и иных исследовательских работ по проблеме сновидения. Различные концепции по мифологическому и семиотическому истолкованию феномена сна сводятся воедино, чтобы дать наиболее четкое обоснование того, с какой целью тот или иной художник слова обращается к этому мотиву на протяжении многих веков.

В указанном аспекте убедительны суждения исследователя Кучуковой 3.: «Вступая в мир снов, архаический, еще не имеющий письменности человек, оказывался перед пространством, подобным реальному, но реальностью не являвшимся. Ему естественно было предположить, что этот мир имел значение, но значение его было неизвестно. Это были знаки неизвестно чего, т.е. знаки в чистом виде...»¹. Интерпретация сна может быть какой угодно, важен лишь смысл, который вкладывает в него сам человек. Очевидно также, что сон является

зашифрованной, кодированной информацией, имеющей непосредственное отношение к нашему подсознанию, к уровню нашей духовности, считывая которую, мы способны моделировать всевозможные варианты «по методу символического соответствия материала сновидения его интерпретации»².

Стремлением дать определенное истолкование увиденному продиктован неизменный интерес человека к данной области земного бытия. Внимание же писателей, поэтов и художников к мотиву сна обусловлено прежде всего причинами эстетического порядка, так ими достигается больший эмоциональный эффект от восприятия произведений. Стоит указать, что феномен сновидения сам по себе символичен, поскольку строится на определенных ассоциациях-соответствиях.

Художественная реализация мотива сна довольно дифференцирована. «Сновидческая модель мира» обнаруживается едва ли не в каждом символическом произведении. Наиболее широк материал исследования в поэзии, однако, и в прозе подобных примеров немало. Чаще всего это произведения символистского направления или постмодернистские художественные образцы. В этом плане показательны примеры и из балкарской прозы.

«Сновидение как семиотический феномен является специфическим семиологическим объектом, поскольку его символика может выходить за пределы обмена знаков. Символическая природа сновидений предполагает лингвистическую парадигму его анализа. ...Сновидческие образы рассматриваются как специфический язык, соотносящийся с внеязыковой реальностью»³. Таким образом, литературный герой всегда находится на грани сна и яви. Два параллельных мира (реальный и ирреальный) сосуществуют между собой

«Сны многоаспектны, их можно подвергнуть какой-либо из традиционных классификаций, при этом толкования будут различными. Отыскивая «смысл» сновидения, можно запутаться в дебрях подсмыслов и ассоциаций»⁴. Исследователь этой темы Нагорная Н.А. отмечает (во введении), что сновидения вошли в литературу на правах особого жанра. «Сновидения являются частью мифов, в том числе религиозных. Сновидения и мифы имеют единую основу, они отражают процессы, происходящие в глубинах человеческой психики».

Авторы онейрологии вводят в научный оборот термин «онейросфера», «сновидческая мифопоэтика» и выделяют различные вариации такового: соналлегорию, сон-символ, сон-миф, формулируя некоторые жанровые признаки сновидений. «Законы сновидческого текста» естественно подразумевают обращение художника к мифологии и религии, происходит органический синтез этих полярных воззрений. «Онейросфера – комплексный, полифункциональный феномен творчества писателя. Она позволяет осуществлять коммуникацию между мирами яви и сна»⁵.

Категория сновидения не может быть рассмотрена вне определенного символического контекста. Символизм сна не подлежит сомнению. Еще раз оговоримся, что сновидческий текст не обходится без указания на миф, являясь результатом особенностей художественной системы конкретного автора, слияния мифопоэтики и подсознания индивидуального художника. Отсюда двусмысленность сна и бесконечное разнообразие вариаций в его истолковании.

Эмоциональный фон сновидческого текста обычно таков, что в нем заметно взаимопроникновение магии, оккультизма, теософии и психоанализа, вплоть до эзотерических откровений. В Библии сон приравнивается к некоему пророчеству или вовсе отождествляется со смертью. Он же зачастую выполняет функцию связи между живыми и усопшими. Древними людьми считалось, что во время сна душа способна покидать физическое тело и путешествовать в иных измерениях, в параллельных мирах. Очевидно, что сновидения уходят своими корнями в глубины человеческой психики и становятся результатом

работы категории «бессознательного». Сон может предвосхищать определенную жизненную ситуацию, либо, напротив, являться следствием этой ситуации. Он же воспринимается как источник самопознания и познания окружающей действительности.

Складываясь из множества противоречивых составляющих, опираясь на опыт человеческого подсознания, сон рассматривается в качестве видения, пророчества, предзнаменования, предупреждения о грядущем. Сны могут быть оформлены в виде воспоминаний как ретроспектива событий прошлого, или подаются в качестве прозрений в далекое будущее. Неизменной остается лишь параллель сна с реальностью. Беря за основу такое понимание сновидения, исследователи этой темы приходят к выводу о том, что сон является пограничным состоянием между реальностью, смертью и переходом в иное измерение. Приравниваясь одновременно и к жизни, и к смерти, сон тождествен покою. Он воспринимается как нечто иллюзорное, порожденное подсознанием, преломляющееся в индивидуальном восприятии отдельного индивида.

Онейрическая традиция берет начало со времен средневековья, античности («Песнь о Роланде») и продолжается в классической зарубежной литературе: «Макбет» Уильяма Шекспира, «Сон Колриджа» Хорхе Луиса Борхеса, в произведениях Габриэля Гарсиа Маркеса, Теофиля Готье и многих других авторов. В русской прозе в этом плане примечательны: четыре сна Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», сон Обломова в одноименном произведении И.А. Гончарова, галлюцинации Веры Николаевны в повести И.С. Тургенева «Фауст», апокалиптические сны Радиона Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского, сны-кошмары в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и т.д.

Примеры проявлений «стихийного бессознательного», а, точнее, разнотипные стилизации сна мы можем наблюдать в творчестве большинства национальных авторов.

Эстетически удачно оформлен мотив сна в повестях и романах ведущих балкарских прозаиков: «Большая медведица», «Алые травы», «Белое платье» 3. Толгурова, «Девять дней пути», «Мост Сират» А. Теппеева. Здесь имеют место вещие сны и стилизованные под фольклор сцены с участием мифологических персонажей, и пророческие видения, исполненные драматизма. В эпических текстах наблюдается взаимопроникновение действительности и мистики — традиционный прием поэтики символизма. В подобных текстах сны сродни иносказаниям.

В онейрической символике русских писателей цвет занимает главенствующую позицию, равно как и в творчестве писателя 3. Толгурова. Символика цвета чаще всего может быть увязана с архетипическими снами-видениями. Мистическим видением окружающего мира продиктовано обращение автора к сфере сновидений. В «Алых травах», к примеру, нет четкой грани между сном и явью (эпизод встречи Каракая с Белой маралихой). Действительность уподобляется сну, вернее, сон претендует на то, чтобы восприниматься как реальность. Толгуров не стремился к рациональному объяснению сна с естественнонаучной точки зрения. Напротив, для писателя важнее было мыслить иррационально с тем, чтобы обнажить внутренний конфликт в душе героя, обосновать противоречивость его поступков, указать на ошибочность мировоззрения Каракая, проследить процесс эмоционального надлома его личности.

Те же эмоционально-оценочные характеристики применимы к герою романа «Большая медведица» Нух эфенди. В произведении имеет место эпизод, приобретающий статус мистификации. Встреча Казака с неприкаянным духом Нуха интерпретируется как сон-видение. Так писатель акцентирует внимание читателя на неразрешимом конфликте сторон. Помимо этой сцены в повествовании упоминается

сон-символ (змея, кружащая около спящего Аслана), призванный обличить классовые противоречия эпохи, борьбу «старого» и «нового». Образ змеи подан как олицетворение патриархального уклада жизни.

Небезынтересно и художественное пространство сновидений, оно может сужаться, либо иметь продолжение, и так до бесконечности. Следует указать на линейное, обратное течение времени в снах. Композиция произведений «монтажируется» из множества подобных фрагментов и получает символическое наполнение. Таков, к примеру сон художника Зекерии в романе Толгурова «Белое платье», где происходит встреча героя с самим собой в детстве. Маленький Зекерия представлен писателем как хранитель «долины детства».

Яркие примеры «сновидческого текста» мы можем наблюдать и в прозе А. Теппеева. Мотив сна широко употребителен в эпическом творчестве писателя. В качестве иллюстрации рассмотрим композиционную структуру повести «Девять дней пути». Пророческий сон главной героини Сакинат предрек трагические события в ее судьбе (смерть брата от рук любимого человека, метаморфозы в поведении и духовном облике Бекира, разочарование в нем и собственную гибель).

Наиболее продуктивными и эстетически действенными онейрические эпизоды оказываются в художественной ткани романа «Мост Сират» того же автора. Этому способствуют и мифологические наслоения в тексте. Сновидения доминируют над реалистическими сценами, играя одновременно структурообразующую и идейную роль в указанном произведении. Они становятся емкими выразителями философских основ и символических смыслов романа. В его намеренно мифологизированном пространстве разворачиваются картины духовно-нравственного порядка.

В романе Теппеева воплощены самые различные вариации сна, со всеми возможными его интерпретациями: сон-прозрение (в товарном вагоне, везущем спецпереселенцев, Хамзату привиделось, что он, подобно библейскому Моисею, разверз надвое море перед собой, чтобы проложить путь к спасению своего народа); сон-смерть (старый Хамзат задумывает срубить Могучую Сосну, а, срубив ее, обессиленный падает сам, не чувствуя больше ни боли, ни усталости, ни старческой немощи, уходя в иной мир); вещий сон Мадины (в котором девушка оказывается на поле боя рядом с Мухтаром), предвосхитивший смерть возлюбленного. Лоскут от его рубашки, висящий на ветви ивы, пророчествует о том, что его больше нет среди живых.

Прием сна позволяет обоим писателям глубже исследовать характер персонажа, создать психологически достоверный портрет героя, выразить внутреннюю раздвоенность его личности. Сон, зачастую, становится зеркалом эмоционального состояния персонажа, мотивирующего его поступки. Через него раскрывается характер героя, его сокровенные мысли, желания и чувства.

Устоявшееся представление о том, что сон лишь физиологическое состояние, следует отмести сразу, учитывая его мистическое наполнение и символизм содержания. Литературные персонажи подвержены снам, видениям, фантазиям, галлюцинациям, наваждениям. Соотношение реального и ирреального балансирует на грани.

Не менее активно мотив сновидения реализован и в национальном фольклоре. Здесь он использовался главным образом для создания иррационального фона и атмосферы таинственности (в текстах сказок и в нартском эпосе).

Сравнительный анализ художественных текстов из различных литератур свидетельствует о том, что сны употребительны в литературе для решения определенных задач. Мы попытались в данной статье охарактеризовать сюжетообразующую и концептуальную роль сновидений в произведениях национальной прозы в сопряжении с вопросом о своеобразии эстетического оформления символических образов. Сновидческий текст рассматривается в контексте целого.

Попытка классифицировать онейрические эпизоды в композиции отдельных произведений национальной прозы подводит нас к следующему выводу: в их структуре могут присутствовать сон-видение, сон-предупреждение, сон-воспоминание, сон-смерть, пророческий вещий сон, сон-наваждение, сон-явь и подобные им вариации. Сон становится структурным компонентом художественного текста, органически вписываясь в сюжетную ткань произведения.

Обращение балкарских прозаиков к теме сна стало закономерным продолжением мировой литературной традиции, хотя и в несколько ином преломлении, в новом ракурсе на фоне национального контекста. Неизменным остается функциональное назначение мотива сновидения — он всегда получает философское осмысление.

Внедрение онейрических эпизодов в художественный текст обусловлен приемом психологизма. Иными словами, писатель, стремящийся к полновесному раскрытию психологии своего героя, не может ограничиться лишь обрисовкой внешних проявлений особенностей его индивидуальности. Одним из наиболее продуктивных и ярких способов обнажить внутреннюю суть литературного персонажа является описание его снов. Способность сна передавать душевное состояние героя, трагизм его судьбы, предрекать будущее, в сопряжении с исторической реальностью в жизни народа плодотворно используется национальными авторами.

Примечания

- 1. *Кучукова* 3. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. С. 126.
 - 2. Там же. С. 130.
- 3. *Славина О.Ю*. Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов): Автореф. дисс.к.ф.н. СПб., 1998.
- 4. *Нагорная Н.А.* Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: Автореф.дисс.докт.ф.н. М.: РГб, 2004.
- 5. *Зимнякова В.В.* Роль онейросферы в художественной системе М.А. Булгакова: Автореф. дисс. к.ф.н. Иваново, 2007.

A.D. Bolatova (Atabieva)

FUNCTIONAL FEATURES OF DREAMING IN COMPOSITIONAL STRUCTURE OF BALKARIAN PROSE

This article analyzes different models and modifications of the "dream text". Special attention is paid to the dream interpretation in the literature. The purpose of the work is to reveal the using specifies, functional features and aesthetic role of the dreams in the main national author's novels and stories.

Keywords: mark, motive, poetic of dreams, oneurosphere, theosophy, psychoanalysis, unconsciousness, irreality, dreaming text, modifications of dream, postmodernism, poetics of myth, oneiric symbolism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26 E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. (8662) 42-50-69

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-24-53 E-mail: marzeibach@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна, к.филос.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел. +7-928-075-81-22 E-mail: gbaz@mail.ru

Иваноков Нурби Рашидович, к.ф.н., доцент ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Ногмова, 74, кв. 8

Тел. 8 (8662) 72-29-44 E-mail; kbsu@mail.ru

Бижоев Борис Чамалович, д.ф.н., зав. сектором кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-98 E-mail: kbigi@mail.ru

Аппоев Алим Каншауович, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75 E-mail: appoev74@mail.ru **Токмакова Мадина Хасанбиевна**, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-52

E-mail: tokmak madina h@mail.ru

Жилетежев Хажисмель Чиляниевич, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-12-47 E-mail: hazismel@mail.ru

Тимижев Хамиша Тарканович, д.ф.н., профессор, заведующий сектором кабардино-черкесской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-12 E-mail: kbigi@mail.ru

Берберов Бурхан Абуюсуфович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-59-83 E-mail: kbigi@mail.ru

Бухуров Мухамед Фуадович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-49-96 E-mail: mbf72@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000 г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-30-34 E-mail: gfariza37@mail.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-35-39

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head at department of archeology and ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-19-26 E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, leading researcher of the latest history sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-50-69 E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, senior researcher of the medieval and modern history sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-24-53 E-mail: marzeibach@mail.ru

Bazieva Gulfiya Dzhamalovna, Candidate of Philosophy, senior researcher of the ethnology sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-928-075-81-22 E-mail: gbaz@mail.ru

Ivanokov Nurbi Rashidovich, Candidate of Philology, assistant professor of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

74 Nogmova Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 72-29-44 E-mail: kbsu@mail.ru **Bizhoev Boris Chamalovich,** Doctor of Philology, head of the kabardino-circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-47-98 E-mail: kbigi@mail.ru

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, associate professor, senior researcher of the karachay-balkarian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-52-75 E-mail: appoev74@mail.ru

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, associate professor, senior researcher of the kabardino-circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-20-52

E-mail: tokmak madina h@mail.ru

Zhiletezhev Hazhizmel Chiljanievich, Candidate of Philology, senior researcher of the kabardino-circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-12-47 E-mail: hazismel@mail.ru

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor of Philology, professor, head of the kabardino-circassian literature sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-47-12 E-mail: kbigi@mail.ru

Berberov Burhan Abuyusufovich, Candidate of Philology, senior researcher of the karachay-balkarian folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-59-83 E-mail: kbigi@mail.ru

Buhurov Muhamed Fuadovich, Candidate of Philology, senior researcher of the adyghe folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-49-96 E-mail: mbf72@mail.ru

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, researcher of karachay-balkarian folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-30-34 E-mail: gfariza37@mail.ru

Bolatova (Atabieva) Asiat Dautovna, Candidate of Philology, senior researcher of balkarian literature sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-35-39

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

- 1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:
 - история;
 - филология;
 - проблемы развития современного общества;
 - культурология.
- 2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.
 - 3. Статьи должны иметь:
 - 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
 - 3.2. Акт экспертизы;
 - 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
 - 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
 - 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
 - 3.6. Название статьи на русском языке;
 - 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
 - 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.
- 4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).
- 5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:
 - 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи — фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

<u>Внимание</u>: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией

Подписано в печать 29.02.2016 Усл. печ. л. 9,5 Формат 70х108 ¹/₁₆ Тираж 100 экз. Цена свободная Гарнитура Таймс Заказ № 157

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова* Корректор *З.В. Черкесова*